ВОЛЬТЕР

ИСТОРИЯ КАРЛА XII, КОРОЛЯ ШВЕЦИИ

ЛЕНИЗДАТ
КЛАССИКА

ВОЛЬТЕР

ИСТОРИЯ КАРЛА XII, КОРОЛЯ ШВЕЦИИ

Издательская группа «Лениздат»
Санкт-Петербург

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)
В71

Перевод и комментарии Д. В. Соловьева

Дизайн обложки Вадима Обласова

© Соловьев Д. В., перевод
на русский язык, послесловие,
комментированный
указатель имен, 2013
© Оформление. Издательская группа
«Лениздат», 2013
© ООО «Команда А», 2013
Издательство ЛЕНИЗДАТ®

ISBN 978-5-4453-0204-9

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1732 г.

Весьма немногие из монархов заслуживают того, чтобы были написаны нарочито только им посвященные исторические сочинения. Хитрость и лесть напрасно изощрялись в своем стремлении возвеличивать чуть ли не всех государей без исключения. Только малое их число сохраняется в памяти, и оное было бы еще меньше, если бы помнили лишь тех, кои прославили себя праведностью.

Прежде всего право на бессмертие принадлежит истинным благодетелям человечества. Именно поэтому, пока существует Франция, там будут помнить любовь к народу Людовика XII и прощать Франциску I все его ошибки и прегрешения за отеческое попечение наук и искусств. Благословенной останется память о Генрихе IV, умевшем побеждать и прощать, и о великолепии Людовика XIV, который покровительствовал искусствам, зародившимся при Франциске.

По закону противоположности сохраняется и память о дурных государях, как помнят о наводнениях, пожарах и чуме.

Но помимо тиранов и добрых королей, есть еще завоеватели, каковые, скорее всего, могут быть отнесены к числу первых. Их громоподобная слава возбуждает страстное желание узнать о них все вплоть

до малейших подробностей. Такова уж эта презренная слабость человеческая, побуждающая восхищаться теми, кто приносит с собою зло в блестящем ореоле, и поэтому зачастую охотнее вспоминают о разрушителях царств, нежели об их основателях.

А что касается всех прочих государей, не снискавших себе славу ни на войне, ни в мирные дни, ни великими злодействами, ни высокими добродетелями, то они и не достойны памяти, поелику их жизнь не может служить образцом для подражания или примером того, чего следует всячески избегать. Сколько было императоров Германии, Рима и Московии, сколько султанов, калифов, пап и королей, чьи имена достойны лишь хронологических таблиц для обозначения современных им эпох!

Среди государей, как и среди людей обыкновенных, немало посредственностей, однако мания писательства столь необузданна, что едва кто-нибудь из монархов покидает сей мир, как нас затопляет множество томов, именуемых мемуарами, историями жизни и рассказами о его дворе. Число книг настолько приумножается, что живи хоть до ста лет и не занимайся ничем иным, кроме чтения оных, то и тогда не достанет целой жизни хотя бы бегло просмотреть все написанное в историческом роде за последние двести лет.

Сей зуд, побуждающий сохранять для потомства никому не нужные подробности и привлекать внимание будущих веков к ординарным событиям, происходит от весьма распространенной слабости тех, кто сам жил при каком-нибудь дворе, а тем паче, ежели еще имел отношение к делам государственным. Тогда именно этот двор представляется им наилучшим в свете, сам король — величайшим из монархов, а дела, со-

вершавшиеся при их участии, — наиважнейшими. Они воображают, будто потомки будут смотреть на все это их собственными глазами.

Что бы ни происходило: война или придворные интриги, или же государь покупал дружественность своих соседей или продавал им свою собственную, заключался ли мир после побед или после поражений, подданные сего короля, разгоряченные живостию чувств, почитают свое время совершенно не похожим на все другие эпохи, начиная с сотворения мира. Но что же дальше? Король умирает, и после него все делается совсем по-иному. Забываются и придворные интриги, и фаворитки, и министры, и генералы, и даже войны. Забывают и его самого.

С тех пор, как христианские государи занимаются тем, что стараются обмануть друг друга, вступают в войны и заключают союзы, были подписаны тысячи трактатов и даны тысячи сражений, свершались бесчисленные подвиги благородства и подлые злодеяния. И когда все сие необозримое множество событий предстает перед нами, почти все они взаимно затмеваются, и остаются лишь те, кои произвели великие перемены или были сохранены пером славного писателя, подобно портретам неизвестных людей, созданным гениальными художниками.

Сию историю короля шведского Карла XII ни в каком смысле не следует относить к великому множеству тех книг, каковые уже наскучили читающей публике. Ведь государь сей, равно как и соперник его Петр Алексеевич, несравненно его превосходивший, был, по мнению всего света, замечательнейшей личностью из всех, явившихся на протяжении двадцати столетий. Однако же приступить к описанию его

жизни побудило нас не только стремление поведать о делах и событиях необычайных. Мы полагали, что чтение такой книги может оказаться небесполезным и кому-нибудь из государей, ежели попадется она им в руки. И тогда исцелятся они от безумной мании завоевательства, ибо где тот монарх, который может сказать: у меня больше отваги и добродетели, душа моя сильнее, а тело выносливее; я лучше знаю войну, и войско мое превосходит то, что было у Карла XII? И если уж, обладая всеми сими преимуществами и одержав столько побед, король сей был толико несчастлив, то на что могут надеяться другие, вдохновляемые таковыми же амбициями, но при меньших талантах и возможностях?

История сия составлена по рассказам людей известных, проживших немало лет рядом с Карлом XII и императором Московии Петром Великим. А поелику сии очевидцы уже удалились в страну свободную, и прошло несколько лет после кончины обоих сих государей, то и не было у них никакого интереса к сокрытию истины. Воспоминания свои предоставили нам: господин Фабрис, семь лет бывший приближенным к особе Карла XII; господин де Фьервиль, французский посланник; господин де Вильлонг, полковник шведской службы, и господин Понятовский, также полковник.

Ни единое из приведенных нами свидетельств не осталось без подтверждения очевидцев, пользующихся безупречной репутацией. Поэтому история сия совершенно не похожа на те брошюры, каковые появлялись до сего времени под названием жизнеописаний Карла XII. И если мы пренебрегли несколькими незначительными стычками между шведскими и московитскими отрядами, то лишь потому, что писали о швед-

ском короле, но не о его офицерах, командовавших этими отрядами. Да и в том, что касается самого короля, было взято лишь наиболее интересное. По нашему убеждению история государя должна содержать в себе лишь то из содеянного им, что достойно памяти потомства.

Мы поставляем своим долгом уведомить читателя, что многое вполне справедливое при написании сей книги (1728 г.) сегодня (1731 г.) уже не соответствует действительности. К примеру, в Швеции теперь менее пренебрегают торговлей, а польская пехота лучше дисциплинирована и имеет полковые мундиры. Читая историческое сочинение, никогда не следует забывать о том, когда оно было написано. Тот, кто прочтет одного лишь кардинала де Реца, будет почитать всех французов безумцами, помешанными на междоусобицах. Другой, знакомый только с историей достославных лет царствования Людовика XIV, скажет: французы рождены для повиновения, побед и изящных искусств. Третий, основываясь на мемуарах о первых годах правления Людовика XV, не увидит в нашей нации ничего, кроме изнеженности, чрезмерной алчности и полного безразличия ко всему прочему. Нынешние испанцы совсем не таковы, как при Карле V, а англичане так же не похожи на фанатиков Кромвеля, как населяющие ныне Рим монахи и епископы на Сципионов древности. Я не знаю, сможет ли у шведов снова появиться столь же грозная армия, как при Карле XII. О человеке говорят: тогда он выказал себя настоящим храбрецом. Именно так следует оценивать и целую нацию: в таком году и при таком правлении она представляется нам именно такой.

Если кто-либо из государей или министров усмотрит в сем труде неприятные для себя истины, пусть

он вспомнит о том, что, будучи мужем государственным, он обязан давать обществу ответ в своих делах и только таковым образом может претендовать на славу и величие; что история — это беспристрастный свидетель, а не льстивый угодник, и что единственный способ склонить людей к доброму о себе мнению заключается в деяниях добра.

КНИГА ПЕРВАЯ

**Краткая история Швеции до Карла XII.
Его воспитание; его враги.
Характер царя Петра Алексеевича.
Прелюбопытные сведения о сем государе
и о русской нации. Московия, Польша и Дания
объединяются противу Карла XII**

Швеция и Финляндия составляют королевство, протянувшееся на двести наших лье* с запада на восток и на триста — с севера на юг. Расположенное между пятьдесят пятым и семидесятым градусами северной широты, оно находится в суровом климате, где почти не бывает ни весны, ни осени. Зима длится там девять месяцев в году. Трескучие морозы внезапно сменяются летней жарой, а с октября начинаются холода без тех постепенных переходов, каковые в иных странах смягчают смену времен года. При всем том природа одарила сии места ясностию небес и прозрачностию воздуха, который в летнее время почти всегда прогревается солнцем, и поэтому, несмотря на краткость сезона, происходит созревание плодов и цветов. Зимой лунный свет не затенен облаками, а, напротив, усиливается покрывающим землю снегом и также некоего рода зодиакальным свечением, благодаря чему в Швеции можно путешествовать не только днем, но и ночью. Из-за скудости пастбищ звери там не столь крупные, как в странах южной Европы, зато люди отличаются высокорослостию. Прозрачность воздуха дает

---

* Лье — старая французская мера длины, равная 4,444 км. *(Здесь и далее подстрочные примечания — переводчика.)*

Сведения об упоминаемых лицах приводятся в комментированном указателе имен.

им здоровый организм, каковой укрепляется благодаря суровости климата. Они живут дольше, ежели не ослабляют себя чрезмерным употреблением крепких напитков и вин, к коим народы севера испытывают большую склонность вследствие природного недостатка оных.

Шведы хорошо сложены, крепки, подвижны и способны переносить самые тяжкие работы, голод и лишения. Это прирожденные воины, в коих храбрость превосходит трудолюбие. Торговля, посредством коей только и возможно получать все, недостающее этой стране, издавна, и вплоть до нашего времени, остается у них в небрежении. Полагают, что именно из той части Швеции, каковая именуется Готией, хлынули в Европу наводнившие ее орды готов, поработивших Римскую Империю.

В ту эпоху страны Севера были многонаселеннее, нежели ныне, благодаря тому, что религия позволяла давать государству значительно больше новых сограждан, чему способствовало и изобилие женщин, для коих позором почитались лишь праздность и бесплодие. Не менее трудолюбивые и крепкие, нежели мужчины, они ранее достигали детородного возраста и продолжительнее сохраняли оный. Однако Швецию вкупе с оставшейся ей теперь частью Финляндии населяет не более четырех миллионов жителей, обитающих на бедной и неплодородной земле. Только в одной провинции — Скании — произрастает пшеница. Денег во всей стране не более девяти миллионов наших ливров в серебряной монете. Шведский государственный банк, самый старый в Европе, был основан по той настоятельной надобности, что все расчеты производились медными и железными деньгами, перевозка коих была слишком тяжела и затруднительна.

Вплоть до четырнадцатого века Швеция всегда оставалась свободной. За все длительное сие время образ правления в ней неоднократно переменялся, однако все нововведения лишь благоприятствовали свободе. Высшее должностное лицо имело титул короля, каковой в разных странах имеет неодинаковое значение. Во Франции и Испании это абсолютный властитель, тогда как в Польше, Швеции и Англии не более, чем глава республики, и такой король полностью зависит от сената, а сей последний — от собрания сословий, где в качестве представителей нации выступают дворяне, епископы и выборные от городов. Со временем туда были допущены даже крестьяне — та часть народа, которая столь несправедливо презираема в других странах и находится в рабском состоянии почти повсюду на севере Европы.

Около 1392 г. нация сия, столь дорожившая своей свободой и до сих пор еще похваляющаяся тем, что тринадцать веков назад покорила Рим, была завоевана женщиной и народом менее сильным, чем она сама.

Дочь Вальдемара Датского Маргарита, сия Семирамида Севера, королева Дании и Норвегии, силою и хитростью овладела Швецией и объединила в одно королевство все три сии обширные государства. После ее смерти Швецию раздирали внутренние смуты: она сбрасывала датское иго и вновь попадала под него, у нее были то короли, то правители. Около 1520 г. два тирана страшно угнетали ее, один — король датский Христиан II, чудовище, не имевшее в себе кроме пороков ни единой добродетели; другой — не меньший варвар, чем Христиан, — примас Королевства, архиепископ Упсальский. По тайному их сговору были схвачены и преданы казни сенаторы и стокгольмские магистраты под тем предлогом, что все они были отлучены Папой за непослушание архиепископу.

Но пока сии заговорщики, объединившиеся для угнетения, но вздорившие, когда доходило до дележа добычи, предавались самому тираническому деспотизму, уже приближались события, переменившие лицо всего Севера.

Из глубины лесов Далекарлии явился и освободил Швецию скрывавшийся там Густав Ваза, юный потомок древних королей. Он имел в себе то, что столь редко создает природа — великую душу вкупе со всеми теми качествами, кои необходимы для повелевания людьми. Внушительная его фигура и благородная внешность сразу привлекали к нему сторонников, а красноречие, усиливавшееся выразительным лицом, покоряло своей полной безыскусностью. Гений побуждал его на такие предприятия, кои посредственность почитает безрассудными, но неистощимое мужество приносило ему победы. В нем бесстрашие сочеталось с осторожностию, а природная мягкость с теми добродетелями, каковые только возможны для вождя партии.

Вопреки общепризнанному праву народов Густав Ваза был заложником и пленником Христиана. Бежав из тюрьмы, он скрывался в горах и лесах Далекарлии. Ему приходилось зарабатывать себе пропитание на медных рудниках, и там, во глубине недр, осмелился он помыслить о низвержении тирана, а для сего открылся крестьянам. Эти простые люди, почувствовав возвышенную его натуру, восприняли подчинение ему как нечто совершенно естественное, и за короткое время он сделал из этих дикарей настоящих солдат. Густав Ваза напал на Христиана и архиепископа, нанес им несколько поражений и изгнал обоих из Швеции, после чего был избран всеми сословиями королем освобожденной им страны.

Едва утвердившись на троне, покусился он на такое предприятие, которое по своей трудности превосходит са-

мые дерзкие завоевания. Истинными тиранами государства были епископы. В их руках сосредоточились почти все богатства Швеции, коими пользовались они для угнетения подданных и войны противу королей. Таковое могущество явилось тем паче зловредительным, что невежество народа сделало его чем-то священным. Ваза наказал католическую религию за прегрешения ее служителей и менее чем за два года обратил Швецию в лютеранство. Дважды отвоевав таким образом Королевство — у датчан и духовенства, — Густав Ваза царствовал счастливо и самодержавно до семидесяти лет и умер, окруженный славой, оставив после себя новую династию.

Одним из его потомков был знаменитый Густав Адольф, прозванный Великим Густавом. Король сей завоевал Ингрию, Ливонию, Бремен, Верден, Висмар и Померанию, не считая более сотни других мест в Германии, кои были возвращены шведами после его смерти. Он поколебал трон императора Фердинанда II, защищал лютеран в Германии при тайном содействии самого Рима, более опасавшегося усиления Империи, нежели успехов еретиков. Именно он, благодаря своим победам, содействовал упадку австрийской монархии, что обыкновенно приписывается кардиналу Ришельё, который владел искусством создавать для себя репутацию, в то время как Густав Адольф удовлетворялся лишь свершением великих дел. Он перенес войну за Дунай и, быть может, даже сверг бы самого императора, но в тридцать семь лет был убит в битве при Лютцене, каковую выиграл у самого Валленштейна. Густав Адольф сошел в могилу с именем Великого, оплакиваемый всей Северной Европой.

Дочь его, Христина, одаренная от природы редкостными талантами, предпочитала беседовать с учеными,

нежели править народом, знающим лишь искусство войны. Своим отречением от трона она прославилась не менее, чем предки ее завоеванием и утверждением оного. Протестанты, для которых не существовало великих добродетелей без веры в Лютера, терзали ее, а папы спешили похваляться обращением той женщины, которая на самом деле поклонялась одной только философии. Христина провела остаток своих дней в Риме, в средоточии искусств, ради коих отказалась она от короны всего лишь в двадцать семь лет.

Прежде чем отречься от престола, настояла она на том, чтобы наследником был избран ее кузен Карл Густав, десятый сего имени, сын графа Пфальц-Цвейбрюкенского. Король сей умножил победы славного Густава Адольфа. Сначала он вторгся в Польшу и выиграл знаменитое сражение под Варшавой, длившееся три дня. Карл X вел долгую и удачную войну против датчан, осаждал их столицу, присоединил Сканию к Швеции и добился, по крайней мере на некоторое время, передачи Шлезвига герцогу Голштинскому. Потом счастие изменило ему, он замирился с врагами и оборотил свои амбиции противу собственных подданных, вознамерившись привести Швецию под власть произвола. Однако он скончался тридцати семи лет, как и Великий Густав, не успев осуществить деспотические сии замыслы, каковые сын его, Карл XI, завершил во всей полноте.

Будучи, как и все его предки, воином, Карл XI стал сравнительно с ними неограниченным монархом: он лишил власти сенат, который получил название сената короля вместо прежнего — сената Королевства. Карл был воздержан в жизни и трудолюбив, и если бы не деспотизм, внушавший страх его подданным, мог бы пользоваться любовию своего народа.

В 1680 г. он взял себе в жены Ульрику Элеонору, дочь датского короля Фридриха III, принцессу добродетельную и достойную большего доверия, нежели то, каковое выказывал ей супруг. 7 июня 1682 г. от сего брака родился будущий король Карл XII, может быть, самый необычайный на земле человек, соединивший в себе все великие качества своих предков, но, к несчастию, доводивший оные до крайнего безрассудства.

Первой его книгой для чтения, предназначенной к познанию своей страны, равно как и соседних государств, был трактат Пуфендорфа. Карл научился немецкому языку прежде, чем своему родному, и говорил на нем почти так же хорошо, как и по-шведски. В семь лет он уже умел ездить на лошади. Благодаря столь полюбившимся ему тяжелым физическим упражнениям, в коих проявлялись воинственные его наклонности, у него с молодых лет сформировался крепкий организм, позволявший переносить те тяготы, каковые навлекала на него неумеренность его нрава.

Имея в детские годы мягкий характер, тем не менее обладал он необоримым упрямством, и единственное средство для преодоления оного заключалось в том, чтобы задеть у него чувство чести. Упоминание о славе позволяло добиться от него чего угодно. Карл испытывал отвращение к латыни, но когда ему сказали, что постигли ее и польский, и датский короли, он в скором времени обучился сему языку настолько, чтобы до конца жизни в случае надобности говорить на нем. Подобным же образом приступили к нему и с французским языком, но здесь он заупрямился и впоследствии никогда оный не употреблял, даже в разговорах с французскими посланниками, не владевшими никакими иными наречиями.

Когда обучался он латыни, дали ему переводить Квинта Курция, и книга сия полюбилась Карлу более своим содержанием, нежели красотою слога. Тот, кто объяснял ему сего автора, спросил, что думает он об Александре. «Я хотел бы походить на него», — ответствовал принц. «Но, — возразили ему, — он прожил всего тридцать два года». — «Ах, этого вполне достаточно, если уже завоеваны целые царства!» Слова сии не преминули передать королю, который воскликнул: «Сие дитя стóит более моего и пойдет дальше великого Густава». Однажды Карл развлекался рассматриванием географических карт, на одной из которых был некий венгерский город, захваченный у императора турками, на другой — Рига, столица Ливонии, уже сто лет как завоеванная шведами. Под изображением венгерского города находилась надпись со словами: «Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно имя Господне». Прочитав сии слова, юный принц схватил карандаш и приписал внизу у карты Риги: «Бог дал мне ее, и теперь не отберет даже сам черт»*. Как видно, еще в детские годы и в самых незначительных делах проявлялся у него неукротимый нрав, предвещавший, каким он станет впоследствии.

Карлу было одиннадцать лет, когда он потерял мать (5 августа 1693 г.). Как говорили, государыня сия скончалась от тех горестей, каковые причинял ей супруг, и от чрезмерных стараний скрыть свою печаль. Карл XI лишил многих из своих подданных их имений и пожитков через посредство некоего суда, именовавшегося ликвидационной палатой, основанной по собственной его воле. Целая толпа разоренных — дворян, торговцев, аренда-

* Об этом рассказывали мне два французских посланника в Швеции. *(Примеч. авт.)*

торов, вдов и сирот — наполняла стокгольмские улицы и каждодневно с криками приходила к воротам дворца. Королева отдавала сим несчастным все, что у нее было: деньги, драгоценности и даже собственные свои платья. Когда у нее ничего уже не оставалось, она со слезами пала в ноги супругу своему, умоляя пожалеть этих людей, на что король с важностию ответствовал ей: «Мадам, мы взяли вас для того, дабы вы производили на свет детей, а не давали нам советы». Как говорили, с тех пор он стал жестоко обращаться с ней, что и ускорило ее кончину.

Сам король четырьмя годами пережил свою супругу и умер на сорок втором году жизни и тридцать седьмом — своего правления, как раз в тот момент, когда Империя, Испания и Голландия с одной стороны и Франция с другой решились передать на его посредничество свои споры, и он уже начал вести переговоры о мире для этих держав*.

Он оставил своему пятнадцатилетнему сыну упрочившийся и уважаемый в Европе трон, обедневших, но воинственных и послушных подданных, благополучные финансы, управлявшиеся искусными министрами.

Карл XII стал не только абсолютным властителем умиротворенной Швеции и Финляндии, но также хозяином Ливонии, Карелии и Ингрии. Он владел Висмаром, Выборгом, островами Рюгеном и Эзелем и самой лучшей частью Померании с герцогствами Бременским и Верденским. Все эти завоевания его предков долгой традицией уже прочно закрепились за шведской короной и были утверждены как торжественными договорами

* Имеется в виду война за Пфальцское Наследство (1688–1697) между Францией и коалицией европейских государств в связи с претензиями Людовика XIV на часть территории Пфальца.

в Мюнстере и Оливе, так и страхом перед шведским оружием. Рисвикский мир*, подготовлявшийся отцом Карла, был заключен уже при его правлении, и таким образом он уже в самом начале своего царствования стал арбитром Европы.

По шведским законам совершеннолетие короля наступало в пятнадцать лет, однако самовластный во всем Карл XI отсрочил его до восемнадцати, поощряя тем самым амбициозные виды своей матери, вдовствующей королевы Гедвиги Элеоноры. Он назначил ее опекуншей юного короля и регентшей государства в соправлении с советом пяти.

Гедвига Элеонора участвовала в государственных делах еще при жизни своего сына. Хотя она и достигла уже преклонного возраста, однако ее амбиции, не соответствовавшие слабеющим силам, поддерживали в ней надежду еще долго наслаждаться властью, и она по мере своих возможностей отдаляла внука от дел. Юный монарх проводил время на охоте или военных смотрах, а иногда и сам участвовал в учениях войска. Все сии развлечения представлялись лишь естественным следствием живости, свойственной его возрасту, и не вызывали никаких опасений у регентши, каковая льстила себя надеждой на долгое правление.

Как-то раз в ноябре месяце того же года, когда умер Карл XI, юный король делал смотр нескольким полкам; рядом с ним находился государственный советник Пипер, который, видя глубокую задумчивость своего государя, обратился к нему с такими словами: «Могу ли я взять на

* По Рисвикскому миру (1697), завершившему войну за Пфальцское Наследство, Франция отказывалась от большинства захваченных ею территорий в Германии, Испанских Нидерландах и Каталонии.

себя смелость спросить Ваше Величество, что столь глубоко тревожит вас?» — «Я подумал о том, что уже чувствую себя достойным командовать этими храбрецами и хотел бы освободить и их, и себя самого от повелений женщины». Пипер понял, что ему представляется возможность сделать блестящую карьеру. Но он не обладал достаточным влиянием, дабы самому осмелиться на столь опасное предприятие, как свержение регентства, и поэтому предложил совершить сие графу Акселю Спарре, человеку горячему и стремившемуся возвыситься. Спарре согласился со всем, стал действовать в интересах Пипера и вскоре привлек на свою сторону членов регентского совета.

В полном составе явились они к ничего не подозревавшей королеве с предложением о сложении ее полномочий. Были собраны представители сословий, и члены совета изложили им суть дела, против коего не выступил ни один голос. Все было решено с беспрепятственной быстротой. Таким образом, стоило только Карлу XII изъявить желание царствовать, как за три дня сословия передали в его руки все правление. Власть королевы пала в мгновение ока. Сама она вела с тех пор замкнутую жизнь, приличествующую ее возрасту, хотя и не столь соответственную нраву сей государыни. Карл короновался 24 декабря следующего года: он въехал в Стокгольм на рыжем коне с серебряными подковами. На голове у него была корона, в руке скипетр. Народ приветствовал его криками и возгласами, ведь люди всегда падки до новшеств и неизменно возлагают величайшие надежды на молодых государей.

Архиепископу Упсальскому принадлежит привилегия коронования, почти единственная оставшаяся из тех многих прав, что были некогда присвоены себе его предшественниками. После миропомазания государя

архиепископ взял корону, дабы возложить на голову Карла, но тот выхватил ее и короновался собственными своими руками. Толпа приветствовала его. Те самые люди, что страдали недавно от деспотизма отца, восхищались теперь гордым достоинством сына, каковое предвещало лишь будущее их порабощение.

Получив власть, Карл передал ведение дел советнику Пиперу, который, не имея на то формального титула, стал вскоре первым его министром. Уже через несколько дней после коронации он был возведен в графское достоинство, весьма в Швеции почитаемое, не в пример той обыденности, каковая связана с ним у нас во Франции.

В первое время своего правления Карл зарекомендовал себя отнюдь не с лучшей стороны, выказывая более нетерпеливости, нежели монаршего достоинства. Правда, у него не было никаких пагубных страстей, но во всем своем поведении выказывал он горячность и упрямство, свойственные юному возрасту. Он казался беспечным и высокомерным, посланники других держав почитали его даже за посредственность и описывали таковым в своих депешах. Да и в самой Швеции держались того же мнения, ибо никто еще не постиг истинного характера сего монарха. Не знал он его и сам, до тех пор, пока бури, надвинувшиеся вдруг на север Европы, не доставили его талантам случай проявить себя.

Три могущественных государя решили воспользоваться крайней молодостью шведского короля и почти одновременно замыслили его погибель. Первым из них был его кузен, датский король Фридрих IV; вторым — курфюрст Саксонский, он же король Польши; и третьим, самым опасным — Петр Великий, царь Московии. Теперь надобно разъяснить читателю про-

исхождение воспоследовавших войн, имевших столь обширные следствия, и начать лучше всего с Дании.

Из двух сестер Карла XII старшая была замужем за герцогом Голштинским, молодым принцем, отличавшимся отвагою и мягкостию нрава. Сей герцог, угнетаемый датским королем, явился с супругою своей в Стокгольм и умолял о помощи, уповая не столько на родственную связь, сколько на непримиримую ненависть шведов к Дании.

Еще в 1449 г. древняя голштинская династия была избрана на датский трон. Хотя в то время во всех северных королевствах претенденты на престол подлежали избранию, датская корона вскоре стала наследственной. У Христиана III был брат Адольф, к коему король сей питал беспримерную среди всех других государей привязанность и поэтому не хотел оставить его без престола. Но в то же время не желал разделять он на части и собственное свое государство. По невиданному до тех пор соглашению было учреждено совместное управление герцогствами Гольштейн-Готторпским и Шлезвигским при условии, что датский король не может ничего менять в Голштинии без согласия герцога, равно как и герцог без королевского одобрения. Сей странный союз являлся на протяжении восьмидесяти лет источником раздоров, поелику короли всегда стремились подчинить себе герцогов, которые, в свою очередь, хотели добиться независимости. Герцог Христиан Альбрехт лишился своих суверенных прав, однако по Альтонскому договору 1689 г. при посредничестве Швеции, Англии и Голландии возвратил себе оные. Но поелику весьма часто договоры между государями являются лишь уступками необходимости и соблюдают их до тех пор, пока сильнейший не в состоянии притеснять слабого, распря сия возобновилась пуще

прежнего между новым датским королем и молодым герцогом. Пока сей последний находился в Стокгольме, датчане уже совершали враждебные действия в Голштинии и тайно сговаривались с польским королем о нападении на Швецию.

Курфюрст Саксонский Фридрих Август за два года до сего был избран на польский престол, несмотря на интриги аббата де Полиньяка и высокие достоинства соперника своего принца Конти*. Государь сей пользовался известностию не столько благодаря своей неимоверной телесной силе, сколько прославился отвагою и галантным нравом. Двор его после французского был самым блестящим во всей Европе. Никто из монархов не отличался такой щедростью и любезным обхождением, как он. Фридрих Август купил половину голосов польского дворянства, а другую половину принудил силою избрать себя, двинув к границе саксонскую армию. После сего надобен был предлог, чтобы оставить оную на польской земле, поелику предназначал он ее для нападения на шведского короля в Ливонии.

Сия самая плодородная и прекрасная из провинций Севера принадлежала прежде рыцарям Тевтонского ордена. Русские, поляки и шведы оспаривали право обладать ею. Уже почти сто лет назад она была завоевана Швецией, и владение сие было торжественно признано мирным трактатом в Оливе.

Покойный Карл XI в жестоком своем обращении с подданными не пощадил и ливонцев. Он не только ли-

---

* Французский дипломат кардинал Мельхиор де Полиньяк добивался избрания в 1697 г. на польский трон после смерти Яна Собеского ставленника Франции принца Франсуа Луи Конти, который, однако, отказался от короны, убедившись, что ему не справиться со своим соперником курфюрстом Фридрихом.

шил их привилегий, но и отобрал часть наследственных имений. Столь печально известный своей трагической смертью Паткуль был избран тогда ливонским дворянством для подачи жалоб от всей провинции. Он произнес перед королем почтительную, но составленную в сильных выражениях речь, исполненную красноречия и истинно мужественной смелости. Однако короли чаще всего почитают подобные публичные выступления лишь пустыми церемониями, каковые следует выслушивать, но отнюдь не придавать им какого-либо значения. Карл XI, человек скрытный, если только его не увлекали порывы гнева, похлопал Паткуля по плечу и сказал ему: «Вы говорили в пользу отечества своего как смелый человек, и я уважаю вас. Продолжайте». Но уже через несколько дней по желанию короля он был обвинен в оскорблении величества и приговорен к смерти. Паткулю удалось спастись бегством в Польшу и представить свои обиды королю Августу. Он убедил его в легкости завоевания Ливонии, где отчаявшиеся жители уже готовы низвергнуть шведское иго, чему особливо благоприятствует малолетство короля, неспособного защитить свои владения. Фридриха Августа и прежде искушала возможность такового завоевания, тем паче что при своем короновании обещал он сделать все от него зависящее, дабы возвратить потерянные Польшей провинции. Вторжением в Ливонию надеялся он угодить Республике и упрочить собственную власть, однако же ошибся в обоих сих замыслах, хотя казались они легко осуществимыми. Вскоре все было готово для внезапного нападения, причем пренебрегли даже такими пустыми формальностями, как объявление войны и распубликование соответственных манифестов. Тем временем тучи сгущались и со стороны Московии, где правил тогда монарх, достойный внимания потомков.

Русский царь Петр Алексеевич уже выказал себя грозным государем, одержав в 1698 г. победу над турками и взяв Азов*, что позволило ему господствовать на Черном море. Но имя Великого заслужил он не столько победами, сколько другими, еще более поразительными деяниями. Московия, или Россия, занимает собою север Азии и Европы и, начиная от границ Китая, протянулась на полторы тысячи лье вплоть до пределов Польши и Швеции. Однако огромная сия страна оставалась почти неизвестной в Европе, пока на ее престоле не оказался царь Петр. Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачились они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных. Древний священный закон воспрещал им под страхом смерти покидать свою страну без дозволения патриарха, чтобы не было у них возможности восчувствовать угнетавшее их иго. Закон сей вполне соответствовал духу этой нации, которая во глубине своего невежества и прозябания пренебрегала всяческими сношениями с иностранными державами.

Летоисчисление московитов велось от сотворения мира; начало прошлого века они считали 7207 годом, не заботясь о каком-либо сему объяснении. Первый день их года приходился на тринадцатое число нашего сентября. Причиной сего установления полагали они то, что Бог должен был сотворить мир осенью, когда созревают плоды земли. Даже та видимость познаний, каковой они обладали, представляла собой собрание грубых заблуждений: никто среди них и не подозревал, что московитская осень может соответствовать

* Азов был взят русскими войсками 19 июля 1696 г.

весне в другой стране, находящейся в противоположном климате. Совсем недавно народ хотел сжечь в Москве секретаря персидского посланника, который предсказал затмение солнца. Им неведомо было даже употребление цифр, и для расчетов они пользовались шариками, натянутыми на проволочные нити. Иных способов не существовало и в самой царской казне.

Их религия происходит от греческих христиан, однако же перемешана с суевериями, к коим они тем сильнее привержены, чем оные нелепее и непереносимее. Мало кто из московитов осмеливается есть голубиное мясо, поелику Св. Дух принято изображать в виде голубя. Они неукоснительно соблюдают четыре поста в году, не употребляя при этом ни яиц, ни молока. Предметами их поклонения являются Бог и Св. Николай и вслед за ними — царь и патриарх. Власть сего последнего столь же безгранична, как и московитское невежество. Он выносит смертные приговоры и подвергает жесточайшим пыткам. Дважды в год патриарх торжественно выезжает верхом на лошади в сопровождении всего духовенства, и народ простирается пред ним ниц, как это делают татары пред своим великим ламой. Исповедь практикуется лишь для тягчайших преступников, ибо московитам надобно только отпущение грехов, но отнюдь не раскаяние. Получив благословение своих попов, они почитают себя очистившимися, и страх исповеди в противоположность другим христианам не удерживает их ни от воровства, ни от смертоубийства. Они почитают за грех выпить молока в постный день, однако же поголовно все — отцы семейств, священники, жены и девицы — упиваются до бесчувствия по праздникам. Впрочем, здесь, как и в других странах, тоже спорят о вере: самый главный предмет распрей состоит в том, как должны креститься миряне —

двумя или тремя перстами. В предыдущее царствование из-за этого даже произошел бунт в Астрахани.

В огромных владениях царя есть также множество подданных нехристиан: татары, живущие на западном берегу моря Каспийского, и у Азовского моря — магометане; обитатели Сибири, остяки и самоеды — это дикари, частию идолопоклонники, а частию вообще не знающие никакого божества, хотя поселенные среди них шведские пленники почитали оных лучшими, нежели старые московиты.

Петр Алексеевич получил такое воспитание, которое способствовало тому, чтобы еще более усилить преобладавшее в этой стране варварство. По природной своей склонности он полюбил иностранцев еще до того, как понял, насколько они могут быть полезны. Лефорт был первым из тех, кого он использовал для перемены лица всей Московии. Мощный гений царя, не укрощенный даже варварским воспитанием, развился почти с молниеносной быстротой. Он решил стать человеком, повелевать людьми и создать новую нацию. Многие государи до него отрекались от престолов из одного только отвращения к связанным с оными тяготам. Но никто еще не слагал с себя королевский сан, дабы обучаться искусству править. Однако же именно так поступил Петр Великий.

В 1698 г., процарствовав всего два года, он уехал из России* и явился в Голландию под именем слуги того самого Лефорта, коего сам отправил посланником к Генеральным Штатам. В Амстердаме он записался

---

* Петр I был возведен на престол в 1682 г. в соправлении с болезненным братом Иваном V. Фактически правил с 1689 г. после свержения регентши царевны Софьи. В 1696 г. стал единодержавным царем после смерти Ивана V. Первое заграничное путешествие совершил в 1697–1698 гг.

плотником в Ост-Индское Адмиралтейство и трудился на верфи как простой работник, а в свободное время изучал математику, фортификацию, мореплавание и искусство снимать планы. Он бывал в мастерских ремесленников и посещал все мануфактуры, где ничто не ускользало от его внимания.

Из Голландии Петр поехал в Англию и совершенствовался там в науке кораблестроения, а затем возвратился в Голландию и обозревал все, что могло быть полезно для его страны. Наконец, после двухлетнего отсутствия и тех трудов, коим ни один другой человек не согласился бы добровольно себя подвергнуть, вернулся он в Россию, привезя с собой все искусства Европы. За ним следовала толпа разнообразных ремесленников и мастеров. Впервые на Черном море, на Балтике и в Океане появились большие русские корабли. Среди московитских хижин воздвиглись дома регулярной архитектуры. Царь основывал коллегии, академии, типографии, библиотеки. Города получали упорядоченное правление; мало-помалу, хотя и с трудом, но менялись костюмы и нравы. Постепенно московиты узнали, что такое общество цивилизованных людей. Устранились даже суеверия, величие патриарха померкло, а царь провозгласил себя главою церкви, и столь дерзновенное дело, стоившее бы трона и жизни менее самовластному государю, завершилось почти беспрепятственно и обеспечило успехи всех прочих нововведений.

Лишив власти невежественное и варварское духовенство, решился он и на просвещение оного, хотя уже одним тем рисковал сделать его сильным и опасно влиятельным. Однако же почитал он себя самого достаточно могущественным, дабы не бояться подобной угрозы. В немногих из оставшихся монастырей повелел

он изучать философию и богословие. Правда, сие последнее принадлежало еще к тому варварскому состоянию, из коего Петр Алексеевич вывел свое отечество. Одна достойная доверия особа рассказывала мне, что он самолично присутствовал на публичном прении, где речь шла о том, является ли грехом курение табака. Один из говоривших утверждал, будто опьяняться водкой вполне позволительно, не в пример курению, поелику в Св. Писании сказано, что выходящее изо рта оскверняет, а входящее нет.

Монахам весьма не нравились произведенные им преобразования. Стоило царю учредить типографии, как они воспользовались оными, дабы распространять пасквили, в коих объявляли его Антихристом, в доказательство чего приводилось обрезание бород и рассечение мертвых тел в Академии. Однако один из монахов корысти ради опроверг сии поношения и доказал, что Петр не Антихрист, поелику в имени его не содержится число 666. Сочинитель пасквиля был колесован, а автор опровержения стал епископом Рязанским.

В назидание многим цивилизованным государствам преобразователь Московии установил мудрый закон, по которому всем, состоящим на царской службе, равно как мещанам или малолетним, воспрещалось уходить в монастыри.

Сей государь понимал, сколь важно не допускать до праздности тех подданных, кои могут приносить пользу, а также не позволять того, чтобы неспособные еще распоряжаться даже малой частию своего состояния навсегда сами лишали себя свободы. Однако монашеская изворотливость каждый день обходит сей закон, установленный на благо человечества.

Царь не только подчинил церковь государству, последовав в этом примеру турецких султанов, но, буду-

чи более дальновидным политиком, упразднил еще и подобное янычарам войско. То, что тщетно пытались произвести Оттоманы, сделал он за короткое время — распустил именовавшихся стрельцами московских янычар, кои прежде держали в повиновении и самих царей. Войско сие, более опасное для своих повелителей, нежели для соседей, состояло из тридцати тысяч пехоты, одна половина которой находилась в Москве, а другая на границах. Каждый стрелец получал в год всего четыре рубля жалованья, однако же льготы и злоупотребления достаточно вознаграждали их. По первоначалу Петр сформировал роту иноземцев и самолично записался в оную, не погнушавшись должностью барабанщика, поелику нации надобно было показывать пример. Постепенно он дослужился до офицера и стал исподволь создавать новые полки. Наконец, почувствовав себя повелителем регулярного войска, он распустил стрельцов, каковые не решились при этом на ослушание.

Кавалерия московитов представляла собой почти то же самое, что польская или французская, когда Франция была еще совокупностью феодальных владений. Русские дворяне шли на войну на собственные свои средства и сражались безо всякого порядка, подчас с одной только саблей или луком. Они не умели подчиняться командам, а потому не могли и побеждать.

Петр Великий собственным своим примером и жесточайшим принуждением научил их повиновению. Сам он служил в должностях солдата и унтер-офицера и строго карал тех бояр, кои полагали своей привилегией службу лишь по собственной своей охоте. Он учредил регулярный артиллерийский корпус и снял с церквей пятьсот колоколов для литья пушек, коих к 1714 г. насчитывалось у него уже тридцать тысяч.

Были сформированы также и драгунские полки, весьма сходственные с натурою московитов. Сейчас (1738 г.) в Московии тридцать таких полков по тысяче человек в каждом, весьма изрядно содержащихся.

Он же учредил и гусарскую кавалерию. Наконец, в сей стране, где до него никто не разумел даже первых начал геометрии, Петр основал инженерную школу.

Будучи и сам хорошим инженером, лучше всего прочего постиг он все, относящееся до морского дела, и был превосходным капитаном, изрядным лоцманом, добрым матросом и умелым плотником. Сие тем паче достойно всяческого уважения, что от рождения страдал он сильнейшей водобоязнью и в детские годы не мог без дрожи во всем теле даже переехать через мост и приказывал затворять в карете деревянные ставеньки. Однако природная смелость и сила духа позволили ему возобладать над сей слабостию.

Около Азова, в самом устье Танаиса*, Петр соорудил прекрасный порт, намереваясь держать там галеры, а впоследствии, полагая, что сии мелкосидящие и легкие суда пригодны и для Балтийского моря, понастроил оных и в излюбленном граде своем Петербурге более трехсот. Он самолично научил своих подданных сооружать их из обыкновенного елового леса, равно как и искусству управлять ими. Петр постиг даже хирургию, и людям приходилось видеть, как царь собственноручно делает прокалывания страждущим водянкою. Он преуспел во всех механических искусствах и сам обучал оным ремесленников.

Царская казна сравнительно с громадностью его владений была просто ничтожной. Петр никогда не

* Танаис — древнее название Дона, сохранявшееся в европейской географии до конца XVIII в.

имел даже двадцати четырех миллионов дохода, однако же сама возможность совершать великие дела — это уже есть великое богатство. Слабость государства происходит не от нехватки денег, а вследствие недостатка людей и талантов.

Российская нация немногочисленна, хотя женщины у них плодовиты, а мужчины отличаются крепостию телосложения. К несчастию, сам Петр в своих государственных делах способствовал сему оскудению в народе: частые рекрутские наборы для неудачливых попервоначалу войн, переселение целых народов с берегов каспийских на балтийские, где они погибали под тяжестью непосильных работ и были истребляемы беспощадными болезнями, когда три четверти детей вымирали в Московии от оспы, более губительной там, нежели в иных климатах. И, наконец, как печальное следствие издавна дикого и варварского правления явилось то, что обширные местности до сих пор остаются в полном запустении. Ныне в России насчитывается пятьсот тысяч дворянских семейств, двести тысяч приказных, немногим более пяти миллионов горожан и крестьян, платящих подати, и шестьсот тысяч в провинциях, отвоеванных у Швеции. Украинские казаки и прочее вассальное казачество составляют около двух миллионов. Всего на необъятных сих пространствах живет не более четырнадцати миллионов*, что соответствует двум третям населения Франции.

Переменяя нравы, законы, войско и все лицо своей страны, Петр хотел также прославиться и торговлей, каковая приносит государству богатства и служит

* Сие было написано в 1727 г. С тех пор число жителей возросло, благодаря завоеваниям, лучшему правлению и стараниям привлечь в страну чужеземцев. *(Примеч. авт.)*

к авантажу всего света. Он пытался сделать из России средоточие торговли в Азии и Европе и соединить каналами по начертанным его рукою планам Двину, Волгу и Танаис, а также связать новыми дорогами Балтийское море с Понтом Эвксинским* и Каспийским морем.

Архангельскую гавань, запертую льдами девять месяцев в году, и плавание к которой продолжительно и опасно, не почитал он достаточно удобной. В 1700 г. появился у него замысел поставить на Балтийском море новый порт, каковой служил бы складочным местом для торговли всего Севера и одновременно столицею его Империи.

Уже тогда обдумывал он северо-восточный морской путь в Китай, чтобы мануфактуры Парижа и Пекина работали для украшения сего нового града.

Из Москвы через болота ведет в него сухопутная дорога длиною в семьсот пятьдесят четыре версты. Большинство предначертаний Петра осуществлялось собственными его руками. Обе наследовавшие ему одна за другой императрицы даже превзошли его замыслы, и было оставлено втуне лишь совершенно невозможное для исполнения.

Петр постоянно разъезжал по своим владениям, если позволяли это почти непрерывные его войны. Путешествовал он как законодатель и естествоиспытатель, исследуя повсюду все созданное природой и стараясь исправить или улучшить оное: самолично измерял глубины рек и морей, устраивал шлюзы, пробивал шурфы для рудников, испытывал металлы и снимал точные карты. Ко всему прикладывал он собственные свои руки.

---

* Понт Эвксинский — древнее название Черного моря, сохранявшееся в европейской географии до конца XVIII в.

Посреди пустынных и глухих мест выстроил он столичный град Петербург, в коем насчитывается ныне шестьдесят тысяч домов* и где на наших глазах возник блестящий двор, доставляющий возможность наслаждаться утонченными удовольствиями. Петр построил кронштадтский порт на Неве и крепость Св. Креста у Каспийского моря, крепости на Украине и в Сибири, а также адмиралтейства в Архангельске, Петербурге, Астрахани и Азове, не считая еще арсеналов и госпиталей.

Науки, кои в иных странах были запоздалым многовековым плодом, благодаря его попечениям явились в Россию уже во всей полноте своего совершенства. Он основал Академию по образцу ученых обществ Парижа и Лондона. Делиль, Бильфингер, Герман, Бернулли, славный Вольф, превосходнейший во всех родах философии, были приглашены на большое жалованье в Петербург. Академия сия существует и до сих пор, благодаря чему образуются наконец уже и московитские философы.

Молодых своих дворян заставил он путешествовать в чужие края ради познания наук и укоренения в России учтивого обращения. Мне приходилось встречать молодых русских, исполненных ума и познаний. Так единый человек переменил судьбу величайшего в свете царства. Но сколь ужасно, что сему преобразователю недоставало главного для великого мужа свойства — человечности. Все его добродетели были перемешаны с грубостию в удовольствиях, зверской жестокостию

---

* Гиперболическое преувеличение автора. В конце царствования Петра население Петербурга не превышало 70 тыс. чел., а число домов даже в конце XVIII в. составляло не более 4 тыс. (Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28а. СПб., 1900. С. 295–296).

нрава и варварством в отмщении. Управляя народом, он оставался человеком диким. Он выносил приговоры и сам выступал в роли палача, а при застольных оргиях выказывал свое умение рубить головы. Есть африканские властители, кои собственноручно проливают кровь своих подданных, но ведь монархи сии почитаются за варваров. Смерть сына, которого надлежало наказать или лишить наследства, опозорила память Петра, и только теми благодеяниями, коими одарил он народ свой, может быть, заслужил он все-таки себе прощение.

Таков был царь Петр, но все предначертания его оставались еще только в помыслах, когда соединился он с королями польским и датским противу столь презираемого ими юноши. Основатель новой России возжелал славы завоеваний и полагал сие не затруднительным и удобным для того, чтобы показать народу своему новое для него искусство войны.

Кроме того, для осуществления всех своих замыслов ему нужен был порт на востоке Балтийского моря и провинция Ингрия, расположенная к северо-востоку от Ливонии. Предки его обладали правами на Ингрию, Эстонию и Ливонию, и теперь казалось своевременным возвратить отобранное сто лет назад и уже утраченное по международным трактатам. Посему вступил он в союз с польским королем, дабы отобрать у юного Карла все сии земли между Финским заливом, Балтийским морем, Польшей и Московией расположенные.

КНИГА ВТОРАЯ

Удивительная и внезапная перемена в характере Карла. Он вступает в войну с Данией, Польшей и Московией. Победив московитов и датчан, Карл переходит в Польшу. Описание сего Королевства и образа его правления. Карл покоряет Польшу

Три могущественных монарха с самого его детства угрожали Карлу XII. Слухи, распространявшиеся о их приуготовлениях, пугали народ и беспокоили Государственный Совет. Прославленных генералов уже не было в живых, и не удивительно, что юный король, который успел выказать себя с дурной стороны, вызывал одни лишь опасения. В Совет он являлся только для того, чтобы с видом безразличия и рассеянности сидеть там, положив скрещенные ноги на стол.

Когда Государственный Совет обсуждал сложившееся угрожающее положение, некоторые из советников предлагали во избежание катастрофы прибегнуть к переговорам. Неожиданно для всех юный король поднялся и с твердостию уверенного в своей правоте человека обратился к присутствующим: «Господа, я принял решение никогда не вести неправедной войны, но, подняв оружие, дабы наказать нарушителей законов, не складывать его, пока не погибнут все мои враги. Я нападу на первого же, кто восстанет противу меня, и, надеюсь, победив его, внушу страх всем прочим». Старые советники были поражены этими словами и молча посматривали друг на друга, не осмеливаясь возражать. Но в конце концов, изумленные таковой речью короля и устыдившись своего недоверия к нему,

восприняли они с восторгом его приказ готовиться к войне.

Еще более поразительным было то, что он сразу же отказался от всех, даже самых невинных, развлечений молодости. Начав военные приуготовления, он стал вести совершенно иной образ жизни, от коего и не отступал с тех пор ни на йоту. Вдохновляемый примерами Александра и Цезаря, Карл возжелал во всем походить на сих завоевателей, за исключением их пороков. Он отказался от всяческого великолепия, удовольствий и отдохновения, стол его был ограничен величайшей умеренностию. Он полюбил простоту в нарядах и одевался как простой солдат. Его подозревали в склонности к одной из придворных дам, хотя и не известно, так ли оно было на самом деле. Мы знаем только, что он навсегда отказался от женщин и не из одного лишь опасения попасть под их влияние, но и ради того, чтобы подать пример своим солдатам, которых хотел он содержать в величайшей строгости. Но, быть может, и руководило им тщеславное желание стать единственным из королей, победившим столь властное влечение человеческой натуры. Также решился он до конца жизни воздерживаться и от употребления вина. Некоторые говорили мне, будто поступил он так лишь ради того, чтобы во всем победить природу и присовокупить еще одну добродетель к своей славе героя. Но, по мнению большинства, он хотел подобным образом наказать себя за прежние излишества и тот афронт, каковой учинил как-то раз за столом в присутствии своей матушки по отношению к некоей женщине. Ежели так оно и было на самом деле, то подобное самонаказание и добровольное пожизненное воздержание суть образцы героизма, достойные не меньшего восхищения, чем и другие его подвиги.

Карл начал свои приуготовления с того, чтобы обеспечить поддержку зятю своему, герцогу Голштинскому. В соседнюю с Гольштейном Померанию отправлено было восемь тысяч солдат подкрепления противу датчан. Герцог уже весьма нуждался в них, земли его подвергались нападениям и разорению, Готторпский замок был захвачен, а город Тённинг взят в плотную осаду, при коей самолично присутствовал датский король, явившийся торжествовать несомнительную для него победу. Искра сия уже начинала зажигать пожар во всей Германской Империи. С одной стороны на соединение с датчанами шли саксонские полки короля польского, войска Бранденбурга, Вольфенбюттеля и Гессен-Касселя; с другой — восемь тысяч шведских солдат, войска Ганновера и Целле вкупе с тремя голландскими полками спешили на помощь герцогу. Одновременно в Балтийском море появились английская и голландская эскадры. Англия и Голландия были гарантами Альтонского договора, нарушенного датчанами, и посему торопились выручить бедствующего голштинского государя, тем паче что усиление короля датского противоречило их торговым интересам. Сей последний, будучи хозяином проливов Зунда, устанавливал для оных тягостные законы, ежели почитал себя достаточно сильным, дабы делать сие безнаказанно. Посему англичане и голландцы, стремившиеся насколько возможно удерживать равновесие промеж государей Севера, примкнули к юному шведскому королю. На сие подвигала их еще и та самая причина, каковая вдохновляла и врагов Карла, а именно уверенность в неспособности его защитить самого себя.

Известие о вторжении саксонцев в Ливонию застало Карла на медвежьей охоте, которую производил он

столь же новым, сколь и весьма опасным способом, при помощи одной только рогатины и натянутой между двумя деревьями сети. На короля кинулся огромный медведь, но он после жестокой борьбы свалил его. Подобные приключения, равно как и невероятная сила короля Августа и путешествия по чужим краям царя Московии, заставляют поверить, что живешь во времена Геркулеса и Тезея.

8 мая 1700 г. Карл покинул Стокгольм, куда ему было уже не суждено возвратиться, и отправился в первую свою кампанию.

Огромная толпа народа провожала его до Карлскронских ворот. Все со слезами восхищения желали ему добрых успехов. Перед своим отъездом учредил он в Стокгольме Совет обороны, составленный из нескольких сенаторов и имевший на своем попечении все, что относилось до армии, флота и крепостей. Остальными делами внутри Королевства надлежало ведать Сенату. Установив таким образом некоторый порядок в государстве, он освободил дух свой от всего, кроме предстоящей войны. Его флот состоял тогда из сорока трех кораблей, и для себя он избрал самый большой, стодвадцатипушечный «Король Карл». Вместе с ним находился первый министр Пипер, а также генерал Реншильд. Шведский флот присоединился к эскадрам союзников, но датчане уклонялись от сражения и позволили неприятелю настолько приблизиться к Копенгагену, чтобы бросить на город несколько ядер.

Несомненно, именно сам король предложил генералу Реншильду высадиться на берег и осадить столицу Дании на суше, пока город сей был блокирован с моря. Реншильд немало поразился сим предложением, каковое свидетельствовало не только о храбрости, но

и об изрядном понимании военного дела у столь еще юного и неопытного государя. Вскоре все было готово к высадке, для чего с берегов Швеции доставили еще пять тысяч солдат. Сам король перешел на легкий фрегат и для начала посадил триста гренадер в шлюпки, между коими были малые лодки с фашинами, рогатками и инженерным инструментом. Еще пятьсот отборных солдат следовали за ними на других шлюпках в сопровождении королевских кораблей, а также двух английских и двух голландских фрегатов, каковым надлежало поддержать десант артиллерийским огнем.

Копенгаген расположен на острове Зеландия среди прекрасной равнины, к северу от него находятся проливы Зунда, а к востоку Балтийское море, со стороны которого и явился шведский король. При неожиданном появлении кораблей, угрожавших высадкой десанта, обыватели, испуганные бездействием датского флота, с ужасом пытались понять, в каком именно месте разразится сия гроза. Шведы остановились в виду Гумблебека в семи милях от Копенгагена, но датчане сразу же собрали здесь свою кавалерию, а остальное войско укрылось за прочными ретраншементами*, оборотив все собранные там пушки противу неприятеля.

Карл во главе своей гвардии сел в первую шлюпку. Рядом с ним находился и французский посланник, которому король сказал по-латыни (он упорно до конца жизни не желал говорить на французском языке): «Господин посланник, вам не следует вмешиваться в наши дела с датчанами, и посему оставайтесь». — «Государь, — ответствовал ему граф де Гискар

* Ретраншемент — всякое естественное или искусственное препятствие, предназначенное для обороны.

по-французски, — король, мой повелитель, приказал мне находиться возле Вашего Величества, и я льщу себя надеждой, что вы не прогоните меня в столь блистательный для вашего двора день». Произнеся сии слова, он подал королю руку, и тот прыгнул в шлюпку. Посланник и граф Пипер последовали вслед за ним. Десант приближался к берегу под прикрытием пушечных выстрелов с кораблей. Шлюпки не подошли еще и на триста шагов, как Карл, сгорая от нетерпения, с обнаженной шпагой, прыгнул по пояс в воду. Все министры, французский посланник и солдаты последовали за ним и направились к берегу под градом мушкетных пуль. Король, никогда еще не слышавший таковой стрельбы, спросил у генерал-майора Стюарта, что это за приглушенный свист. «Это звук летящих на вас пуль». — «Превосходно! — воскликнул король. — Отныне сие и будет моей музыкой». В ту же минуту генерал получил рану в плечо, а стоявший по другую сторону от короля поручик упал замертво.

Когда атакуют ретраншементы, побеждают чаще всего нападающие, поелику заражены они горячностию, каковой не бывает у обороняющихся. Ожидание неприятеля в своих укреплениях означает обыкновенно признание собственной слабости. После нерешительного сопротивления датская кавалерия и ополчение бежали. Овладев их ретраншементом, король пал на колени и возблагодарил Бога за первый успех своего оружия. Он сразу же велел ставить перед городом редуты и собственноручно отметил положение лагеря. Одновременно Карл направил в Сканию, самую ближайшую шведскую провинцию, корабли, дабы подвезти еще девять тысяч солдат в качестве подкрепления. Все споспешествовало таковой быстроте — ожидаемые

войска находились в готовности и уже на следующий день прибыли с попутным ветром.

Сие происходило на виду у датского флота, так и не осмелившегося вмешаться в военные действия. Устрашенный Копенгаген незамедлительно прислал к королю депутацию, на коленях умолявшую его не подвергать город бомбардированию. Он принял ее верхом на лошади во главе своего гвардейского полка и потребовал четыреста тысяч рикталеров контрибуции, а также провизию для лагеря, каковую, впрочем, обязался неукоснительно оплачивать. Оная была ему доставлена, хотя датчане отнюдь не ожидали получить за нее деньги. К великому удивлению, даже простые солдаты щедро и без промедления отдавали все причитающееся. Уже с давних пор в шведской армии установилась строгая дисциплина, немало способствовавшая ее победам, и к тому же молодой король еще более ужесточил оную. Ни один солдат не осмеливался не заплатить за купленное или даже просто выйти из лагеря. Более того, и после окончания баталии никто не мог брать имущество убитых без нарочитого на то разрешения. Дважды в день в шведском лагере совершалось богослужение, в семь часов утра и в четыре вечера. Король никогда не манкировал подачею благочестивого примера для своих солдат, что всегда производит на людей впечатление, ежели не подозревают они в этом ханжества. Лагерь Карла управлялся лучше, чем Копенгаген, и всего там было в изобилии. Крестьяне предпочитали продавать товар своим врагам шведам, нежели соотечественникам, которые хуже платили им, и горожане нередко принуждены были отправляться в королевский лагерь, дабы раздобыть для себя ту провизию, каковой недоставало на их собственных рынках.

Король датский находился тогда в Голштинии, и взорам его предстало Балтийское море, все покрытое парусами вражеских кораблей. А юный завоеватель покорил уже всю Зеландию и почти овладел самой столицею королевства. Тогда король Дании повелел повсеместно объявить, что всякий взявший оружие противу шведов получит свободу. Таковая декларация значила в сей стране весьма многое, ибо все крестьяне и даже немалое число горожан и поныне обретаются там в рабском состоянии. Карл же уведомил датского короля, что ведет войну, дабы принудить его к миру, и что он должен восстановить справедливость по отношению к герцогу Голштинскому, иначе Копенгаген обречен на уничтожение, а вся страна будет предана огню и мечу. Датчане еще могли почитать себя воистину счастливыми, что имеют дело с победителем, столь заботящимся о справедливости. Представители сторон съехались в Травендале, на голштинской границе. Шведский король не желал, чтобы хитрость дипломатов затягивала переговоры, и требовал заключения договора с такою же быстротой, как он сам высадился в Зеландии. Мирный трактат был подписан 5 августа к вящему удовольствию герцога Голштинского, каковой был вознагражден за все издержки войны и избавлен от угнетения. Карл ничего не хотел для самого себя, кроме удовлетворения от оказанной своему союзнику помощи вкупе с унижением, нанесенным неприятелю. Так, имея всего лишь восемнадцать лет от роду, шведский король начал и завершил сию войну менее чем за шесть недель.

Как раз в то же время польский король осаждал столицу Ливонии Ригу, а царь приближался к ней с востока во главе почти стотысячной армии. Город защищал старый шведский генерал граф Альберг, ко-

торый в свои восемьдесят лет соединял в себе юношеский пыл с опытом шестидесяти кампаний. Граф Флемминг, не только славный полководец, но и муж государственный, вкупе с ливонцем Паткулем всячески старался ускорить взятие Риги еще в присутствии короля. Однако, несмотря на многие преимущества осаждающих, все они разбивались опытностию старого графа, и Август уже отчаялся овладеть городом. Наконец ему представилась возможность без потери чести снять осаду. В Риге скопилось множество товаров, принадлежавших голландцам. Генеральные Штаты повелели посланнику своему при польском короле представить ему об этом, и он не заставил долго упрашивать себя, согласившись лучше снять осаду, нежели причинить хоть малейший ущерб своим союзникам, каковые в свою очередь не были удивлены таковой любезностью, поскольку знали истинную оной причину.

Теперь, дабы увенчать первую свою кампанию, Карлу XII оставалось только идти на соперника своей славы царя Петра Алексеевича. И он тем паче пылал противу него гневом, что еще в Стокгольме три московитских посла клялись ему в нерушимом мире. Гордившийся своей щепетильной честностию, он не мог постичь того, чтобы такой государственный муж, как царь Петр, мог превратить в игрушку столь священный предмет. Исполненный чувства чести, юный государь не знал еще, что существуют две разных морали — для монархов и для людей обыкновенных. Московитский император опубликовал манифест, которому, впрочем, лучше было бы и не появляться на свет. В нем указывал он в качестве причины войны то, что ему не оказали достаточных почестей, когда он *инкогнито* проезжал через Ригу и, кроме того, по

слишком дорогой цене отпускали провизию его послам. Таковы были сии обиды, в отместку за которые он опустошал всю Ингрию своей восьмидесятитысячной армией.

Царь явился под Нарву во главе огромного сего войска 1 октября 1700 г., когда погода там уже холоднее, чем парижская в январе. Сам он, привыкший в подобном климате скакать без передышки по четыреста лье, для того чтобы самолично осмотреть какой-нибудь канал или рудник, щадил своих солдат нисколько не более, нежели самого себя. Знал он еще и то, что со времен Густава Адольфа шведы воевали в разгар зимы столь же хорошо, как и летом, и посему желал приучить своих московитов не обращать внимания на времена года, дабы стали они в этом равны шведам. Таким образом, когда наступил сезон льда и снега и когда другие нации, обитающие в более умеренном климате, прекращают войну, царь Петр осадил Нарву, расположенную в тридцати градусах от Северного полюса. Карл же поспешал на помощь сему городу. Едва прибыв к месту, Петр не преминул употребить в дело все перенятое им во время иноземных своих путешествий. Он разбил лагерь, укрепил его со всех сторон, поставив через равные промежутки редуты, и собственноручно открыл первую траншею. Командование армией он отдал герцогу де Кроа, умелому генералу из немцев, которого, однако же, не любили русские офицеры, тем паче что в Германии он имел чин всего лишь поручика. Герцог подавал пример дисциплинированности русским дворянам, которые командовали беспорядочной и плохо вооруженной толпой своих рабов. Не удивительно, что тот, кто стал плотником в Амстердаме, дабы создать свой флот, под Нарвою был

простым поручиком, показывая образец того, как надлежит обучаться искусству войны.

Русские по природе своей крепки, неутомимы и, быть может, столь же храбры, что и шведы. Но для побед войско следует приучать и к самой войне, и к дисциплине. Единственными полками, на которые можно было хоть сколько-нибудь надеяться, были те, коими командовали немецкие офицеры, но, к сожалению, оные оказались в слишком малом числе. Остальные же представляли собой сборище согнанных из лесов варваров, одетых в звериные шкуры и вооруженных кто луком, а кто просто дубиной. Лишь у немногих были ружья, и ни одному не приходилось еще участвовать в регулярной осаде. К тому же во всей армии не нашлось ни одного умелого артиллериста. Сто пятьдесят пушек, которые могли бы превратить маленький городок Нарву в пепелище, едва пробили брешь в стене, в то время как крепостная артиллерия ежеминутно косила целые ряды в русских траншеях. Город не имел почти никаких укреплений, у коменданта барона Горна не было и одной тысячи регулярного войска. Тем не менее огромная московитская армия не смогла и за шесть недель взять город.

Только 15 ноября царь узнал, что шведский король переплыл море на двухстах транспортных судах и идет на помощь Нарве. Шведов было двадцать тысяч, и у царя оставалось единственное преимущество в количестве войск. Отнюдь не выказывая презрения к неприятелю, сделал он все возможное для сопротивления оному. Не довольствуясь своими восьмьюдесятью тысячами, приготовился он выставить еще одну армию, чтобы на каждом шагу чинить неприятелю препятствия. Тридцать тысяч солдат уже шли форсированным маршем из Пскова.

Затем совершил он то, что опозорило бы его, если бы относилось сие не к столь великому государственному мужу. Петр покинул свой лагерь, где так необходимо было его присутствие, дабы привести еще один корпус, что вполне совершилось бы и без него. Демарш сей как будто свидетельствует о страхе сразиться в укрепленном лагере с юным неопытным государем.

Тем не менее намеревался он не только окружить Карла двумя армиями, но и расположил еще тридцать тысяч, выведенных из нарвского лагеря, в одном лье от города, как раз с той стороны, откуда двигались шведы. Далее на этой же дороге стояли двадцать тысяч стрельцов, а еще дальше пятитысячный авангард. Нужно было сначала сбить всю эту силу, чтобы только подойти к лагерю, окруженному насыпью и двойным рвом. Шведский король высадился в Пернове, имея шестнадцать тысяч пехоты и немногим более четырех тысяч кавалерии. Из Пернова он поспешил к Ревелю, взяв всего лишь четыре тысячи пехотинцев и всю конницу, и вскоре вышел к аванпостам неприятеля. Не колеблясь, он поочередно атаковал их, не давая времени распознать, с каким малым числом им приходится иметь дело. Московиты, видя перед собою шведов, вообразили, будто это вся их армия. Пятитысячный авангард, стоявший на позиции промеж двух скал, каковую могли бы удержать противу целого войска даже сто человек, бежал при первом появлении неприятеля. Находившиеся позади двадцать тысяч, объятые ужасом, привели в замешательство весь лагерь. Понадобилось всего два дня, чтобы сбить все посты, и то, что при иных обстоятельствах зачлось бы за три победы, не замедлило наступление шведов ни на один час. Наконец после длительного марша король со сво-

им усталым войском явился перед восьмидесятитысячным лагерем русских, имевшим в оном сто пятьдесят пушек. Дав солдатам небольшой отдых, Карл без дальнейшего промедления приказал атаковать неприятеля.

Сигналом к сему послужили две ракеты и немецкий пароль: «С помощью Божией». Один из генералов представил королю всю опасность сего предприятия; «Как! — ответствовал ему король. — Вы сомневаетесь, что с моими восемью тысячами храбрецов я разобью восемьдесят тысяч московитов?» Через минуту, опасаясь, как бы слова его не показались чистым бахвальством, он сам побежал за этим генералом и спросил его: «Вы не согласны со мной? Разве нет у меня двух преимуществ: во-первых, их кавалерия не способна к бою, и второе — благодаря сжатости места, большое количество войска будет только помехой. А посему я действительно сильнее их». Генерал не решился возражать, и в полдень 30 ноября 1700 г. начался штурм московитского лагеря.

Как только пушки пробили брешь в ретраншементе, шведы бросились в штыковую атаку. В спину им била снежная пурга, слепившая неприятеля, который в течение получаса давал убивать себя, не выходя за скаты рвов. Король атаковал правый фланг лагеря, где была главная квартира царя, поелику не знал, что Петр самолично отправился за сорокатысячным подкреплением, каковое и должно было подойти через непродолжительное время. При первых же залпах неприятельских мушкетов пуля настигла самого Карла, к счастию уже выдохшаяся и посему застрявшая в складках его шарфа, и для него не воспоследовало никакого вреда. Под ним была убита лошадь. Господин Спарре рассказывал мне, что король, легко перепрыгнув на другую,

сказал: «Они не забывают доставлять мне упражнения» и продолжал все с тем же присутствием духа отдавать приказания. Через три часа шведы со всех сторон ворвались в ретраншементы. Король преследовал правый фланг неприятеля до реки Наровы своим левым крылом, ежели так можно назвать четыре тысячи человек, гнавших почти сорокатысячного противника. Под беглецами проломился мост, и река мгновенно наполнилась мертвыми телами. Оставшиеся в живых в отчаянии возвратились к своему лагерю, даже не разумея, куда они бегут, и, оставив надежду на спасение, еще продолжали обороняться. Наконец генералы Долгоруков и Головин положили оружие к ногам короля, и как раз в сей момент явился главнокомандующий герцог де Кроа и сдался вместе с тридцатью офицерами.

Карл принял всех сих знатных пленников с таковою же обходительностию, как ежели давал бы в их честь празднество при своем дворе. Все офицеры и солдаты были разоружены, и им предоставили лодки, чтобы могли они переправиться через реку и возвратиться восвояси. Приближалась ночь, но правый фланг московитов еще держался. Шведы потеряли не более шестисот человек, неприятель — в одних только ретраншементах восемнадцать тысяч и большое количество утонувшими в реке*. Однако в лагере оставалось еще достаточно солдат, чтобы перебить всех шведов.

* Согласно русским источникам, по условиям капитуляции побежденным были сохранены знамена и оружие, однако после того, как гвардия и дивизия А. М. Головина переправились через реку, шведы разоружили дивизии А. А. Вейде и И. Ю. Трубецкого. В Нарвском сражении русские потеряли ок. 8 тыс. убитыми, шведы — до 3 тыс. (См.: БСЭ. 3 изд. Т. 17. М., 1974. С. 249).

Но баталии проигрываются не числом убитых, а малодушием оставшихся в живых. Король воспользовался последним светом дня, чтобы захватить вражескую артиллерию, и занял весьма удобную позицию между лагерем и городом. Там он и проспал несколько часов прямо на земле, укрывшись плащом, в ожидании рассвета, когда можно будет вновь обрушиться на левый фланг неприятеля, который не был еще окончательно выбит из ретраншемента. В два часа дня командовавший этим флангом генерал Вейде, узнав о благосклонном приеме королем других московитских генералов, послал просить о таковой же милости и для себя. Победитель ответствовал, что надобно лишь приблизиться со своим войском и положить пред его особою знамена и оружие. И вскоре генерал сей явился во главе тридцати тысяч московитов, шедших с обнаженными головами перед строем менее чем семи тысяч шведов. Приближаясь к королю, солдаты бросали оземь ружья и шпаги, офицеры складывали к его ногам флаги и знамена. Карл велел отправить все это множество людей обратно на другой берег и не оставил в плену ни единого солдата, ибо иначе число сдавшихся впятеро превзошло бы победителей.

Король торжественно вступил в Нарву, сопровождаемый герцогом де Кроа и другими московитскими генералами. Всем им он возвратил шпаги и, зная, что у них совсем не было денег, а нарвские торговцы не желали давать им кредита, послал тысячу дукатов герцогу и по пятьсот всем остальным. Они же не могли не восхититься таковым, совершенно неожиданным для них обращением. Сразу же была составлена реляция о свершившейся победе для отправления в Стокгольм и к союзным державам, однако король собственноручно вычеркнул

все, слишком лестное для его особы и позорящее царя. Тем не менее в столице было выбито несколько медалей в увековечение монарших подвигов, и среди них одна, изображавшая Карла на пьедестале с прикованными к нему московитом, датчанином и поляком; на другой ее стороне был Геркулес при палице, попиравший Цербера, и надпись: «Tres uno contudit ictu»*.

Среди взятых под Нарвою пленников оказался один, являвший собой яркое свидетельство превратностей человеческого счастия — речь идет о наследнике грузинской короны, царевиче Арчиле**. Отец его, царь и владыка прекраснейшей части сей страны, расположенной между Араратскими горами и восточным берегом Черного моря, в 1688 г. был изгнан из своего княжества собственными подданными и предпочел искать милости московитского императора, нежели покориться туркам. Девятнадцатилетний сын сего князя пожелал сопровождать Петра Великого на войну со шведами и был захвачен финскими солдатами, кои, ограбив его, намеревались убить. Граф Реншильд спас ему жизнь, дал одежду и представил своему повелителю. Карл отправил царевича в Стокгольм, где сей несчастный и скончался через несколько лет. При виде его король громко сказал своим офицерам такие слова о необычайной судьбе азиатского принца, родившегося у подножия гор Кавказских и обреченного теперь быть пленником среди льдов и снегов Швеции: «Сие похоже на то, как если бы мне пришлось когда-нибудь стать узником крымских татар». Эти слова не про-

* «Троих одним ударом поразил» *(лат.)*.

** Имеется в виду сын князя Имеретии царевич Александр Арчилович Имеретинский (см. комментированный указатель имен).

извели тогда никакого впечатления, но впоследствии оказались они пророческими, и он должен был часто вспоминать о них.

Царь с сорокатысячной армией шел форсированным маршем, надеясь окружить неприятеля со всех сторон. На половине дороги уведомился он о Нарвской баталии и взятии своего лагеря и принужден был оставить намерение напасть со своим необстрелянным и недисциплинированным войском на победителя, разбившего восемьдесят тысяч, засевших в ретраншементах. Петр повернул назад, дабы продолжать обучение армии и приведение подданных своих в цивилизованное состояние. «Я разумею, — говорил он, — что шведы еще долго будут побивать нас, но в конце концов научат все-таки, как одерживать над ними верх». После известия о Нарвской баталии в Москве все были в страшном смятении и отчаянии. По своей гордыне и невежеству народ сей почитал себя побежденным некой сверхчеловеческой силой, а самих шведов именовал не иначе как злыми чародеями. Мнение сие было столь всеобщим, что повелели даже читать в церквах нарочитую молитву покровителю Московии Св. Николаю.

Пока русские жаловались своему святому на постигшее их несчастие, Карл XII возносил благодарение Богу и приуготовлялся к новым победам.

Польский король уже ожидал скорого нападения врага своего, победившего датчан и московитов. Он еще теснее объединился с царем, и оба сии государя договорились о встрече, чтобы принять надлежащие и согласованные меры. Они съехались в Биржах, небольшом литовском городке, без соблюдения всех тех церемоний, каковые обыкновенно лишь замедляют ход

дел. У северных государей нередко практикуется таковая непринужденность, которая еще не вкоренилась на юге Европы. Пятнадцать дней Петр и Август провели предаваясь удовольствиям, кои доходили до крайних излишеств, поелику царь, хотя и желавший цивилизовать свой народ, сам никогда не мог подавить в себе опасные наклонности к разврату и пьянству.

Польский король обещал предоставить ему пятнадцать тысяч немецких солдат, каковых предполагалось купить у разных германских государей на царские деньги. Петр, в свою очередь, должен был послать в Польшу тоже пятнадцать тысяч своего войска, дабы обучилось оно искусству войны, и обещал заплатить королю в течение двух лет три миллиона рикталеров. Ежели таковое соглашение осуществилось бы, то принесло бы всеконечную погибель шведскому королю, дав скорейшее средство сделать из московитов настоящих солдат и, возможно, выковать цепи рабства для немалой части Европы.

Карл XII решил помешать польскому королю воспользоваться плодами сего союза. Проведя зиму неподалеку от Нарвы, явился он к Риге, каковую столь безуспешно осаждал Август. Саксонские войска были расположены вдоль берегов Двины, которая в сем месте изрядно широка, и им надлежало пробиться на другой берег, защищаемый шведами. В то время король Август заболел и не мог командовать, что было поручено фельдмаршалу Штейнау, а также находившимся под его началом принцу Фердинанду, опекуну герцога Курляндского, и все тому же Паткулю, который в защиту своего отечества противу Карла XII взялся за оружие после того, как с опасностию для жизни отстаивал его с пером в руках. Шведы соорудили большие суда, имев-

шие совершенно новое устройство — их очень высокие по сравнению с обыкновенными борта могли подниматься и опускаться, наподобие подъемных мостов. В поднятом состоянии они защищали перевозимых солдат, а в опущенном служили мостками для высадки на берег. Карл употребил еще и другую хитрость. Заприметив, что ветер дует как раз с его берега к югу, прямо на вражеский лагерь, велел он зажечь большие кучи мокрой соломы, и густой дым закрыл от саксонцев все его действия. Вдобавок были пущены на реке лодки тоже с дымящей соломой, и в сем густом облаке неприятель не мог увидеть, когда шведы начали переправу. Уже на середине реки король сказал генералу Реншильду: «Что ж, Двина будет для нас так же милостива, как и море у Копенгагена. Поверьте, генерал, мы побьем их». Через четверть часа он был уже на другом берегу, хотя ступил на него лишь четвертым, что весьма его раздосадовало. Карл сразу же выгрузил пушки и бросился в атаку на неприятеля, каковой, ослепленный дымом, ответствовал ему лишь редкими беспорядочными выстрелами. Когда ветер рассеял сей дымный туман, саксонцы увидели прямо перед собой наступающего на них шведского короля.

Но фельдмаршал Штейнау не терял ни минуты и, завидев неприятеля, сразу же кинулся вперед с лучшей своей кавалерией. Страшный удар обрушился на шведов как раз в тот момент, когда у них выстраивались батальоны. Ряды смешались, и солдаты побежали к реке. Однако уже в воде королю с легкостию, как на учении, удалось собрать их. И тогда, в сомкнутых рядах, шведы отбили фельдмаршала и начали выходить на равнину. Штейнау почувствовал, как дрогнули его солдаты, и, будучи опытным генералом, отвел их на сухое место,

защищенное с одного фланга болотом, а с другого лесом, где он поставил свою артиллерию. Сия авантажная позиция, равно как и то, что у них было время опомниться от сей неожиданности, возвратили саксонцам все их мужество. Но Карл, имея пятнадцать тысяч солдат противу двенадцати, не колебался. Да и вся артиллерия Штейнау состояла из одной железной пушки без лафета. Началась беспощадная и кровавая битва. Под принцем Фердинандом было убито две лошади. Трижды оказывался он посреди польской гвардии, и, наконец, удар мушкетного приклада свалил его наземь. Солдаты пришли в замешательство и не думали более о победе. Всего избитого и наполовину мертвого герцога кирасиры едва вытащили из свалки, где лошади уже топтали его копытами.

Одержав победу, шведский король поспешил к столице Курляндии Митаве. Все города сего герцогства сдавались на милость победителя. Это была скорее прогулка, чем завоевание. Он не останавливался в Литве, покоряя все на своем пути, исполненный при сем весьма лестными для себя чувствованиями, каковые самолично и выразил, вступив в тот самый городок Биржи, где еще несколько месяцев назад царь и польский король замышляли его погибель.

Именно здесь задумал он свергнуть короля польского с престола руками самих же поляков. Однажды сидел он за столом, погрузившись в сей замысел, среди глубокого молчания и всегдашнего своего воздержания от вина. Один немецкий полковник довольно громко сказал, что трапезы царя и короля польского, тут же происходившие, несколько отличались от обедов Его Величества. «Да, — ответствовал ему король, — тем легче я побеспокою их желудки». Так оно

и вышло на самом деле. Присовокупив к силе оружия своего немного политики, не замедлил он завершить все приуготовления к замышлявшемуся.

Польша, часть древней Сарматии*, по своим размерам немногим более Франции, хотя и при меньшем населении, которое, правда, превышает шведское. Она была обращена в христианскую веру всего семьсот пятьдесят лет назад. Как ни странно, однако, язык римлян, никогда не достигавших сих пределов, широко распространен в одной лишь Польше, где все говорят по-латыни, даже слуги. Обширная сия страна весьма плодородна, но люди мало трудолюбивы. Работники и торговцы здесь — это шотландцы, французы, но более всего евреи, у которых построено почти триста синагог. Они закупают по низким ценам зерно и прочие товары и перепродают оные в Данциге и Германии, откуда привозят предметы роскоши для аристократии и дворянства. Таким образом, страна с прекрасными реками, сочными пастбищами, соляными копями и богатыми урожаями прозябает при таковом изобилии в бедности, поелику народ остается в рабском состоянии, а дворянство кичливо и праздно.

Правление в Польше есть точная копия древних кельтских и готских порядков, каковые были изменены в других странах. Это единственное государство, сохранившее именование Республики вкупе с королевским достоинством.

Здесь каждый благородный человек имеет голос при избрании короля, равно как и право самому быть избранным. Сие наипрекраснейшее из установлений

* Сарматия — территория Сев. Причерноморья в I в. до н. э., когда заселявшие ее скифы были вытеснены сарматами.

связано с величайшими злоупотреблениями, ибо трон почти всегда продается за деньги. А поелику сами поляки редко достаточно для сего богаты, то зачастую достается он чужеземцам. Дворянство и духовенство, борясь противу королевских посягательств, всячески защищают свои свободы и в то же время лишают оных всю остальную нацию. Народ пребывает поголовно в рабском состоянии. Такова уж судьба человечества, что наибольшая его часть тем или иным образом угнетается самой малой! Крестьянин сеет не для себя, но для сеньора, коему принадлежит не только земля и труд его рук, но самая его жизнь. Зато все, что относится к дворянству, сохраняет полную независимость: чтобы судить дворянина, надобно собрание всей нации; арестовать его можно лишь после вынесения приговора, а посему виновный почти всегда остается безнаказанным. В стране множество бедных дворян; они нанимаются за плату к знати и исполняют самые низменные должности. Эти люди предпочитают прислуживать равным себе, чем обогащаться торговлей, и, ходя за лошадьми, именуют себя королевскими электорами и тираноборцами.

При виде польского монарха во всем его королевском величии, можно подумать, что государь сей обладает самой неограниченной властью во всей Европе. Однако на самом деле власть эта наислабейшая. Поляки заключают с ним договор, каковой у других наций лишь предполагается, но не существует. Уже при своей коронации, давая клятву соблюдать *pacta conventa**, он заранее разрешает подданных своих от присяги на тот случай, ежели сам нарушит законы Республики.

---

* Договор *(лат.)*.

Король назначает на все должности и жалует всеми почестями. В Польше по наследству передаются только земли и дворянское достоинство. Сыновья воевод и королей не обладают правами на титулы своих отцов. Однако между королем и Республикой существует та немалая разница, что он, назначив на какую-либо должность, уже не может отобрать оную, а Республика имеет право лишить его короны, если преступит он законы государства.

Дворяне, ревностно оберегающие собственные свободы, часто продают свои голоса, но купить их привязанность невозможно. Едва избрав короля, они уже опасаются его властолюбия и противупоставляют ему сговор различных партий. Те, кого он вознес на высокие должности и уже не может лишить оных, нередко из его креатур превращаются во врагов. Придворные составляют предмет ненависти всего остального дворянства, вследствие чего всегда существуют две партии — неизбежное и даже необходимое разделение в такой стране, где хотят одновременно иметь короля и сохранить свободу.

То, что касается всей нации, подлежит ведению Генеральных Штатов, именуемых Сеймом. Он состоит из Сената, в который входят воеводы и епископы, и нижней палаты, куда избираются депутаты от каждого воеводства. В Сейме председательствует примас Польши архиепископ Гнезненский, регент Королевства во времена междуцарствия и первое государственное лицо после короля.

По закону сеймы должны собираться попеременно в Польше и Литве. Нередко депутаты решают там свои споры саблями, как те древние сарматы, от коих они ведут свое происхождение, а иногда еще и опьяненные винными парами, каковой порок был неизвестен

их предкам. Каждый депутат Сейма обладает правом, принадлежавшим в Риме только народным трибунам, а именно протестовать противу законов Сената. Даже один человек, произнесший: *«Я протестую»*, налагает тем самым запрет на единодушное решение всех остальных. И если он покидает Сейм, сему последнему остается только разойтись.

Противу всех смут, порожденных таковым законом, употребляют еще более опасное лекарство. Редко когда Польша не разделена на две партии, и поелику в таковом случае единодушие невозможно, каждая партия образует отдельную конфедерацию, которая принимает решения по большинству голосов, невзирая на протесты меньшинства. Сии утвердившиеся обычаем, но не основанные на законе собрания провозглашаются от королевского имени, хотя очень часто без его согласия и противу его интересов, точно так же, как Лига* во Франции пользовалась именем Генриха III для борьбы с ним или как английский парламент, отправивший Карла I на эшафот, начинал с его имени все свои постановления, направленные на погибель короля. Когда смуты кончаются, Сейм или подтверждает, или отменяет решения сих конфедераций. Кроме того, он может переменить решения всех предыдущих сеймов, так же как в государствах монархических король обладает правом отменять и свои, и своих предшественников законы.

Дворянство, устанавливающее законы Республики, является и главнейшей ее основой. Оно насчитывает

---

* Священная Лига была основана ультракатолической партией после уступок протестантам со стороны короля по эдикту 1576 г., что привело фактически к гражданской войне во Франции и убийству Генриха III религиозным фанатиком.

более ста тысяч человек, способных носить оружие. Громадное сие воинство собирается с трудом и еще хуже управляется: в нем нет ни дисциплины, ни субординации, ни военного опыта. Однако любовь к свободе делает сию армию грозной силой.

Поляков можно победить и даже держать некоторое время в порабощении, хотя вскоре они непременно сбросят ненавистное иго. Сами они сравнивают себя с тростником, который в бурю пригибается к земле, но сразу же распрямляется, как только стихает ветер. Именно по этой причине у них нет крепостей, поелику почитают они самих себя единственными бастионами Республики и не допускают, чтобы король строил замки, каковые могут служить скорее для порабощения, нежели ради защиты. Вся страна совершенно открыта, исключая две или три крепости на границах. И ежели во время войны решаются они оборонять какое-либо место, то приходится тогда спешно сооружать земляные укрепления, восстанавливать из руин старые стены и углублять осыпавшиеся рвы, чего обычно не успевают сделать до занятия города неприятелем.

Дворянство не несет постоянной службы для охраны страны: оно садится на коней или по решению Сейма, или в случае крайней опасности по приказу короля.

Обычно Польшу охраняет армия, которая содержится на деньги Республики и состоит из двух корпусов: польского, численностью тридцать шесть тысяч человек, и литовского, двенадцатитысячного. Главнокомандующие сими корпусами совершенно независимы друг от друга. Хотя они и назначаются королем, но обязаны отчетом одной только Республике. Полковники суть неограниченные владыки своих полков, они их содержат

и платят им жалованье. Но поскольку и сами они редко получают оное, то занимаются тем, что опустошают страну и разоряют работников ради удовлетворения собственной и своих солдат корысти. Польские вельможи являются к сим армиям в еще большем великолепии, чем живут в городах; их шатры роскошнее дворцов. Кавалерия, составляющая две трети войска, почти полностью набирается из дворян. Ее отличают красота лошадей и великолепие мундиров и лат.

В особенности относится сие к гусарам и кирасирам, кои расхаживают в сопровождении нескольких слуг, держащих под уздцы лошадей с серебряными поводьями, расшитыми седлами, позолоченными стременами, нередко из цельного серебра, и свисающими на турецкий манер попонами. Вообще поляки стараются сколь возможно подражать великолепию турок.

Насколько блистательна у них кавалерия, настолько же пехота остается в небрежении, с плохим вооружением и бедной одеждой; не имеет она даже регулярных мундиров. Таковой, по крайней мере, польская пехота была около 1710 г. Как ни странно, но сии воины, подобные бродячим татарам, с поразительной стойкостию переносят голод, мороз, усталость и вообще все тяготы войны.

В этих солдатах сохраняется еще дух их предков — древних сарматов. Они столь же мало дисциплинированны, так же яростны в нападении и проворны в бегстве, такова же их беспощадность и жестокость при победах.

Король польский вначале льстил себя надеждой, что обе армии будут сражаться вместе с ним, что посполь-ство* вооружится по его приказу, и все сии войска вку-

* Посполь-ство — низшие классы (крестьяне и мещане), несшие в Польше и на Украине земскую службу.

пе с саксонцами, его подданными, и союзниками московитами явят собой столь устрашающую силу, перед коей малочисленные шведы не осмелятся даже появиться. Но совершенно неожиданно лишился он сих подкреплений именно вследствие старания своего заполучить их все одновременно.

Привыкший в наследственных своих землях к самодержавной власти, он имел преувеличенное понятие о том, что сможет управлять Польшей так же, как и Саксонией. Уже с самого начала царствования появились недовольные; первые же его деяния раздражили ту партию, которая выступала против него на выборах, и оттолкнули всех остальных. Поляки роптали, видя города свои наполненными саксонскими гарнизонами и скопившиеся на границах иноземные войска. Сия нация, более ревностная к собственной свободе, нежели к нападениям на соседей, отнюдь не считала войну короля Августа противу шведов и захват Ливонии предприятиями, благоприятными для Республики, ибо не так-то легко обмануть свободный народ в истинных его интересах. Поляки понимали, что ежели сия, без их согласия начатая война будет неудачна, то открытая со всех сторон страна станет добычей короля шведского, а в случае успеха они окажутся под игом своего же государя, который, став вдобавок к Саксонии еще и властителем Ливонии, зажмет их между этими двумя странами. Имея перед собой такой выбор — или попасть в рабство к избранному ими королю, или подвергнуться праведному гневу Карла, — все они соединились в едином вопле противу сей войны, каковую почитали объявленной более самой Польше, нежели Швеции. Саксонцы и московиты были в их представлении лишь звеньями рабских для них цепей. И вскоре, видя, что шведский

король сокрушает все на своем пути и движется во главе победоносной армии в самое сердце Литвы, восстали они противу своего монарха с тем большею легкостию, что и Фортуна не благоприятствовала ему.

В Литве существовали тогда две партии — Огинских и князей Сапегов, и раздоры между оными вскоре переросли в настоящую гражданскую войну. Шведский король встал на сторону Сапегов, Огинский же, почти не получая помощи от саксонцев, оказался едва ли не уничтоженным. Литовская армия, растерявшая по причине сих смут и нехватки денег многих своих сторонников, была большей частию рассеяна и раздроблена на мелкие отряды, которые бродили по стране и существовали, предаваясь грабежам. Август видел в Литве бессилие своей партии, ненависть к нему подданных и победоносное продвижение вражеской армии под водительством молодого и уязвленного в своих чувствах короля.

Впрочем, в Польше все-таки была армия, однако не тридцатишеститысячная, как предписывалось законом, а не достигавшая и половины сего числа. Она не только почти не получала жалованья и была плохо вооружена, но к тому же ее генералы не могли окончательно решить, на чью сторону им выгоднее встать.

Король мог приказать дворянам выступить вместе с ним, но опасался получить отказ, каковой не только в полной мере показал бы его слабость, но еще и усилил бы оную.

При таком опасном и неопределенном положении все воеводы потребовали от короля собрать Сейм, подобно тому как в Англии в трудные времена все сословия государства подают королю петицию о созыве Парламента. Хотя Августу нужно было войско, а не

Сейм, где обсуживаются дела королей, все же ему пришлось согласиться, дабы окончательно не озлобить всю нацию. Он назначил открытие Сейма на 2 декабря 1701 г., но вскоре ему стало ясно, что Карл XII имеет в этом собрании не меньшее влияние, чем он сам. Сторонники Сапегов и Любомирских, воевода Лещинский, коронный казначей, обязанный своим возвышением Августу, и, прежде всего, сторонники князей Собеских, — все тайно поддерживали шведского короля.

Из всех них самым влиятельным и опасным для короля Польши был кардинал-примас* Радзеевский, председательствовавший на Сейме. Сей исполненный фальши и темных дел человек полностью зависел от некоей честолюбивой женщины, каковую шведы именовали госпожой Кардинальшей. Она постоянно подталкивала его к интригам между партиями. Предшественник Августа, король Ян Собеский, сделал Радзеевского сначала епископом Вармии** и вице-канцлером Королевства. Он получил кардинальский сан также по милости короля, и это вскоре открыло ему дорогу к архиепископской кафедре. Обладая всеми качествами, которые позволяют влиять на людей, он мог покушаться на многое совершенно безнаказанно.

После смерти короля Яна кардинал-примас пытался употребить все свое влияние, чтобы посадить на трон князя Якова Собеского, но поток ненависти к его великому отцу не допустил сего. Тогда вошел он в сговор с французским посланником аббатом Полиньяком,

---

* Кардинал-примас — глава католической церкви в Польше.

** Вармия — древняя польская область, находившаяся на территории Восточной Пруссии.

чтобы доставить корону принцу Конти, который и был избран. Однако саксонские войска и деньги превозмогли все сии ухищрения, и тогда Радзеевский перекинулся на сторону курфюрста Саксонии, а потом стал выжидать удобного случая, чтобы посеять рознь между нацией и новым королем.

Видя победы Карла XII, покровительствовавшего Якову Собескому, гражданскую войну в Литве и всеобщее негодование противу короля Августа, кардинал-примас решил, что пришло время прогнать Августа обратно в Саксонию и открыть для сына короля Яна путь к трону. Ян Собеский, безвинно навлекший на себя озлобление поляков, ныне, при ненавистном Августе, становился уже предметом их поклонения. Однако Радзеевский еще не осмеливался поверить в возможность столь великой перемены, хотя и старался исподволь заложить для оной основания.

Сначала притворился он, будто желает примирить короля с Республикой, а для сего разослал циркулярные послания, составленные с виду как будто в духе согласия и милосердия — сии испытанные ловушки, в кои всегда попадаются легковерные. Королю шведскому написал он жалостливое письмо, заклиная его во имя Бога всех христиан дать Польше и королю ее мир. Впрочем, действия Карла более соответствовали намерениям кардинала, нежели его мольбам. Он оставался в Литве со своей победоносной армией и провозгласил, что не намерен чинить помех Сейму, поелику воюет с Августом и саксонцами, но отнюдь не с поляками, и, напротив, желает лишь освободить Республику от угнетения. Но все эти послания и ответы на них сочинялись только напоказ. Эмиссары, непрестанно посылавшиеся от кардинала к графу Пиперу,

и тайные совещания у самого прелата были воистину теми пружинами, каковые приводили в движение все труды Сейма. Было предложено отправить посольство к Карлу XII и единогласно потребовать от короля, чтобы не призывал он на польские границы московитов, а саксонские войска отослал обратно.

Но отвернувшаяся от Августа Фортуна и так уже сама сделала все, чего требовал Сейм. Заключенный в Биржах тайный союз с московитами был столь же бесполезен, насколько грозным он представлялся вначале. Уже не могло быть и речи об отправлении к царю обещанных пятнадцати тысячах немецких наемников. Да и сам царь, сей опасный сосед Польши, не спешил поддержать всеми своими силами сие разделенное Королевство, от которого надеялся он попользоваться лишь кое-какими остатками. Петр ограничился тем, что послал в Литву двадцать тысяч московитов, кои оказались там зловредительнее шведов. Они бежали от победителя, опустошали польские земли, а когда в оных уже ничего не оставалось, разрозненными отрядами скрывались от преследования шведов в свои пределы. Что касается остатков разбитой под Ригою саксонской армии, то Август отправил ее для пополнения на зимние квартиры в Саксонию, надеясь сей вынужденной жертвою возвратить себе благоволение польской нации.

Теперь на смену войне пришли интриги. Сейм разделился почти на столько же частей, сколько в нем было воевод. Сегодня преобладали интересы короля Августа, завтра они бесцеремонно попирались. Все кричали о свободе и справедливости, но никто не разумел истинного значения сих слов. Время проходило в закулисных интригах и публичном пустословии.

Сейм не понимал ни своих желаний, ни своего долга. Большие собрания во времена гражданских смут почти никогда не следуют разумным советам, поелику возмутители спокойствия всегда исполнены наглой дерзости, а люди благонамеренные обыкновенно слишком робки. 17 февраля 1702 г. после трех месяцев интриг и нерешительности, раздираемый противоречиями, Сейм разошелся. Сенаторы, заседавшие в нем по праву своих титулов воевод и епископов, остались в Варшаве. Польский Сенат обладает правом устанавливать временные законы, каковые редко отвергаются сеймами. В сем не столь многочисленном собрании, привыкшем к ведению дел, было менее смуты и более быстроты в решениях.

Сенаторы постановили отправить к шведскому королю послов, призвали поспольство сесть на коней и быть в полной готовности. Также были предложены меры для умиротворения Литвы и сокращения власти короля.

Однако Август предпочитал принимать тяжкие законы от победителя, нежели от собственных своих подданных. Он решился просить у шведского короля мира и хотел заключить с ним тайный договор. Надобно было скрыть намерение сие от Сената, каковой почитал он самым непримиримым своим врагом. По причине крайней деликатности сего дела доверился он в оном одной знатной шведской даме, графине де Кёнигсмарк, к коей был весьма в то время привержен. Брат сей дамы сделался известен своей несчастливою кончиной, а сын ее с блестящим успехом и славою командовал впоследствии французскими армиями*.

* Имеется в виду знаменитый французский полководец Мориц граф Саксонский (см. комментированный указатель имен).

Сама она, прославившаяся во всем свете своею красотой и умом, была куда способнее любого министра для ведения успешных переговоров. Имела она и вполне благовидный предлог приехать к Карлу XII, поскольку некоторые ее земли находились в его владениях и она долгое время провела при стокгольмском дворе. Посему графиня явилась в литовский лагерь шведов и попервоначалу адресовалась к графу Пиперу, а сей последний с необдуманной легкостию обещал ей аудиенцию у короля. Среди многих совершенств, кои делали графиню одной из привлекательнейших дам во всей Европе, был ее необычайный дар говорить на языках тех стран, где никогда ей не доводилось бывать, и притом с таким утонченным совершенством, как если бы она родилась там. Иногда она даже забавлялась сочинением французских стихов, каковые можно было принять за творение особы, родившейся в Версале. Сочинила она и эпиграмму на Карла XII, что не должно быть предано забвению. Пиеса сия, где выведены все сказочные божества, оканчивается такими словами:

И боги, подвиги его превознеся,
В святилищах своих достойно увенчали,
И лишь Венера с Вакхом промолчали.*

Но подобное изобилие ума и приятностей ничуть не привлекало такого человека, как Карл. Он упорно отказывался видеть ее. Тогда решилась она подстеречь короля на дороге во время его частых верховых прогулок. Таковым манером графиня встретила коро-

* Enfin chacun des dieux, discourant à sa gloire,
Le plaçait par avance au temple de mémoire:
Mais Vénus ni Bacchus n'en dirent pas un mot.

ля как-то раз на весьма узкой тропинке. Завидев его, она вышла из кареты, но Карл, молча поклонившись, сразу же поворотил назад. Посему от поездки своей графиня де Кёнигсмарк могла получить лишь то удовлетворение, что шведский король только ее одну и боится во всем свете.

Августу оставалось лишь предаться на милость Сената, коему сделал он через мариенбургского воеводу два предложения: во-первых, чтобы в его распоряжении оставили польскую армию, которой заплатит он заранее из своих собственных средств жалованье, и, второе, разрешить возвращение в страну двенадцати тысяч саксонского войска. Ответ кардинала-примаса был столь же жесток, как и шведского короля. От имени Сената объявил он воеводе мариенбургскому, «что решено отправить к Карлу XII посольство и что он не советует приводить сюда саксонцев».

При столь бедственном положении решился Август сохранить, по крайней мере, хоть видимость королевской власти и отправил одного из своих камергеров к Карлу, дабы узнать, где и как Его Шведское Величество пожелает принять посольство короля и Республики. К несчастью, совсем забыли затребовать у шведов для сего камергера паспорт, и вместо аудиенции король посадил его в тюрьму, сказав при этом, что ожидает посольство от Республики, но никак не от короля Августа. Таковое оскорбление международных законов позволительно лишь по праву сильнейшего.

Карл же, оставив гарнизоны в нескольких городах, двинулся за Гродно, город дурно построенный и еще хуже укрепленный, но известный в Европе как место проведения нескольких Сеймов.

Неподалеку после выезда из Гродно встретил король посольство Республики, состоявшее из пяти сенаторов. Поначалу хотели они договориться о церемониале, требовали именовать Республику Наисветлейшей, и чтобы впереди них следовали кареты короля и его сенаторов. Однако Карл не желал даже слышать о каких-либо формальностях, и им было отвечено, что Республика будет названа Наиславнейшей, а король никогда не ездит в карете; что при нем служат офицеры, и у него нет здесь никаких сенаторов. Посему к послам будет прислан генерал-лейтенант, ехать же им надлежит на собственных лошадях.

Карл XII принял их в своем шатре с некоторой видимостью военной пышности. Рассуждения посланников были наполнены уклончивостью и осторожностью. Они боялись Карла, не любили Августа, но стыдились по приказу иноземца снять корону с того, кого сами же избрали. Ничего не было решено, и Карл дал им понять, что он распорядится обо всем в Варшаве.

Его прибытие было предварено особым манифестом, коим кардинал-примас и его партия заполонили всю страну. В нем Карл приглашал всех поляков соединиться с ним в едином отмщении и стремился убедить их в общности интересов. Хотя на самом деле все было совсем не так, но манифест, поддержанный одной из главных партий, Сенатом и подкрепленный приближением победителя, произвел весьма сильное впечатление. Не оставалось ничего иного, как признать Карла протектором, поелику сам он пожелал того, и еще почитать себя счастливыми, что не претендовал он на большее.

Противники Августа в Сенате открыто публиковали сей манифест прямо у него на глазах, а немногие

его сторонники хранили молчание. Наконец узнали, что Карл форсированным маршем идет на Варшаву, и все бросились приуготавливаться к отъезду. Кардинал-примас одним из первых покинул столицу. Большинство поспешили последовать его примеру; одни, дабы выждать в своих владениях развязки, другие — поднять своих сторонников. При короле остался только имперский посланник, посланник царя, папский нунций и еще несколько епископов и воевод, тесно с ним связанных. Август поспешил еще до отъезда собрать совет с оставшимися сенаторами. Как бы они ни поддерживали его, но у поляков уже накопилось величайшее отвращение к саксонским войскам; никто не хотел, чтобы к имевшимся шести тысячам пришли еще новые подкрепления. Кроме сего, проголосовали и за то, чтобы и этим войском командовал польский генерал, а после заключения мира оно было бы незамедлительно выведено. Но армию Республики все-таки предоставили в распоряжение короля.

Добившись сего, Август уехал из Варшавы, слишком слабый, чтобы сопротивляться врагам, и недовольный даже собственной своей партией. Он сразу же повелел выпустить универсал о сборе поспольства и войска, но его воззвания стали теперь не более, чем пустым звуком. В Литве, куда уже пришли шведы, надеяться было совсем не на что. Польская армия, сократившаяся до самой малости, почти не имела ни оружия, ни съестных припасов и тем более боевого духа. Большая часть запуганного и обескураженного дворянства укрылась в своих поместьях. Напрасно король, основываясь на законе, повелевал всем дворянам под страхом смерти садиться в седла и следовать за

ним*; люди уже сомневались, стоит ли подчиняться ему. Главной его опорой всегда было войско курфюршества, благодаря тому, что абсолютная форма правления в Саксонии позволяла не опасаться неповиновения. Он тайно повелел привести двенадцать тысяч саксонцев, которые уже спешили на помощь, а сверх того еще восемь тысяч, кои ранее были обещаны императору для войны противу Франции. Привлечение в Польшу стольких иноземцев должно было неизбежно вызвать всеобщую к нему ненависть и нарушить установленный его же партией закон. Однако Август прекрасно понимал, что если он победит, то никто не посмеет роптать, а в случае поражения ему не простят прихода и шести тысяч. Пока сходились все эти отдельные отряды и он сам переезжал из воеводства в воеводство собирать оставшихся на его стороне дворян, шведский король 5 мая 1702 г. подступил наконец к Варшаве. Ворота города были отворены для него по первому же требованию. Он выпустил польский гарнизон, расформировал бюргерское ополчение, поставил везде караульные посты и повелел жителям города сдать все имеющееся оружие. Но, разоружив их, не пожелал он вызывать противу себя раздражение и потребовал всего лишь сто тысяч франков контрибуции. Польский король, собиравший тогда свои силы в Кракове, был весьма удивлен появлением кардинала-примаса, каковой, быть может, хотел до конца

* «Король Август торжественно обещал, что все не явившиеся на службу будут преданы „весьма мучительной и позорной смерти: у них будут сначала отрублены руки и ноги, отрезаны носы и уши, а затем они будут посажены на кол, или колесованы, или разодраны лошадьми“». (Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Соч. Т. 10. М., 1959. С. 426.)

сохранить видимость собственного достоинства и прогнать своего короля с соблюдением внешних приличий. Он сообщил Августу, что шведский король не против разумного соглашения и почтительнейше просил дозволения поехать к нему с этой целью. Август согласился с тем, что было не в его силах отвергнуть — то есть дать свободу вредить себе.

Кардинал-примас незамедлительно поспешил к шведскому королю, являться перед коим до сих пор еще не осмеливался. Он застал его в варшавском предместье Праге и получил аудиенцию без всех тех церемоний, с которыми встречали послов Республики. Карл принял его одетый в мундир грубого синего сукна с позолоченными медными пуговицами, в ботфортах и перчатках с крагами до локтей. В комнате, где он находился вместе с зятем своим герцогом Голштинским, первым министром Пипером и несколькими генералами, не было даже ни одного ковра. Король сделал несколько шагов навстречу примасу. Они проговорили, стоя, с четверть часа, и в заключение Карл громко сказал: «Я не соглашусь на мир с поляками до тех пор, пока не изберут они себе нового короля». Примас, ожидавший сей декларации, незамедлительно уведомил об оной всех воевод с уверениями в своем крайнем по сему поводу сожалении, но присовокупил свое мнение о необходимости удовлетворить победителя.

При сей новости польский король окончательно удостоверился, что единственный для него выход — решить судьбу трона на поле битвы. Ради сего великого дела использовал он все свои силы. С границы уже подошли саксонские войска. Дворяне краковского воеводства, где он еще находился, толпами стекались к нему на помощь и клялись пролить за него всю кровь

до последней капли. Усилившись сими подкреплениями, а также войсками, каковые именовались коронной армией, направился он впервые самолично сразиться со шведским королем и встретил сего последнего, когда тот шел на Краков.

13 июля 1702 г. оба короля сошлись на широкой равнине под Клишовом, между Варшавой и Краковом. У Августа было около двадцати четырех тысяч солдат, у Карла — менее двенадцати. Баталия началась с пушечной пальбы, и первым же залпом саксонцев был поражен в живот славный молодой герцог Голштинский, командовавший шведской кавалерией. Королю доложили о его смерти, на что он ничего не сказал, лишь на глазах у него навернулись слезы. На мгновение Карл закрыл лицо руками, потом изо всех сил пришпорил коня и кинулся во главе своих гвардейцев в самую гущу врагов.

Польский король сделал все, что можно ожидать от государя, защищающего собственную свою корону. Трижды водил он самолично войска в атаку, но сражались одни только саксонцы; поляки, стоявшие на правом фланге, бежали при самом начале баталии, одни из страха, другие по нежеланию драться. Карл XII одержал полную победу, ему досталось все: неприятельский лагерь, знамена, артиллерия, войсковая казна. Без промедления с поля сражения он сразу же пошел на Краков, преследуя бегущего польского короля.

Краковские горожане были толико отважны, что решились не отворять ворота перед победителем. Однако гарнизон не осмелился сделать ни единого выстрела, и солдат плетьми и палками погнали к цитадели, куда вместе с ними вошел и сам король. Только один артиллерийский офицер хотел было выпалить из

пушки, но Карл подбежал к нему и вырвал фитиль из рук. Комендант крепости бросился в ноги королю. Три шведских полка были поставлены на квартиры к горожанам, а на сам город наложена контрибуция в сто тысяч рикталеров. Назначенный губернатором граф Стенбок, прослышав, что в гробницах королей польских спрятаны сокровища, приказал открыть оные, однако же там оказалась только золотая и серебряная церковная утварь и украшения. Часть их была изъята, одну золотую чашу Карл послал в Швецию, тоже для церкви. Сие деяние возбудило противу него польских католиков, хотя и не могло, конечно, превозмочь ужас, внушаемый шведским оружием.

Король отправился из Кракова с твердым намерением без устали преследовать Августа. Через несколько миль конь его споткнулся и сильно повредил ему бедро. Карла пришлось везти обратно в город, где он провел еще шесть недель, лежа в постели. Несчастный сей случай дал польскому королю передышку, и Август сразу же распространил по всей Польше и по Империи известие о смерти шведского короля. Ложная сия новость повергла на некоторое время все умы в изумление и замешательство. Воспользовавшись сим благоприятным, хотя и весьма краткосрочным обстоятельством, Август собрал сначала в Мариенбурге, а затем в Люблине чины Королевства, уже созванные прежде того в Сандомире. Съехалось множество депутатов, лишь немногие воеводства отказались прислать своих представителей. Король возвратил на свою сторону почти всех, благодаря щедрости, обещаниям и обходительности, каковая нужна абсолютным монархам для того, чтобы заслужить любовь, а для государей избираемых — для сохранения трона. Хотя Сейм вскоре

и уведомился касательно ложности известия о смерти Карла, однако умы уже пришли в движение, и все депутаты поклялись сохранять верность королю Августу. Вот сколь переменчивы настроения великих собраний! На люблинский Сейм прибыл и сам кардинал-примас, изображавший преданность Августу. Он целовал ему руку и вместе со всеми принес новую клятву. Сейм решил собрать для короля на свой счет армию в пятьдесят тысяч человек, потребовать от шведов ответа в течение шести недель о мире или войне, и такой же срок был дан князьям Сапегам, главным зачинщикам литовских смут, на то, чтобы явиться с повинной к королю.

Однако, пока длились все сии совещания, исцелившийся от своей раны Карл уже сметал перед собой все препоны. Ничуть не поколебавшись в решении принудить самих поляков низложить короля Августа, он интригами и через посредство кардинала-примаса собрал в Варшаве другой Сейм в противовес люблинскому. Генералы убеждали его, что при таком обороте дел могут воспоследовать лишь промедления и оттяжки, а тем временем московиты в Ливонии и Ингрии с каждым днем все более усиливаются, и частые стычки в сих провинциях между русскими и шведами отнюдь не всегда происходят к авантажу сих последних, по каковой причине уже в ближайшее время может возникнуть настоятельная необходимость в его там присутствии. Но непоколебимость намерений Карла могла сравниться лишь с горячностью его действий, и он отвечал на все сии представления так: «Пусть мне придется пробыть здесь хоть пятьдесят лет, я никуда не уйду, пока не свергну польского короля».

Он предоставил варшавскому Сейму бороться с люблинским и выискивать обоснования для своих решений

в законах Королевства, весьма, впрочем, двусмысленных, каковые каждая партия трактовала на свой манер и кои имеют окончательную силу лишь для победителя. Сам же король, пополнив войска свои шестью тысячами кавалерии и восьмью тысячами пехоты, вызванными из Швеции, устремился противу разбитой при Клишове саксонской армии, которая, однако, имела возможность восстановиться за то время, пока поврежденная нога удерживала его в постели. Армия сия избегала встречи с ним и ретировалась по направлению к Пруссии, на северо-восток от Варшавы. Только река Буг отделяла Карла от неприятеля, и он переправился через нее вплавь во главе своей кавалерии, пехоте же пришлось искать брод выше по течению. При местечке Пултуск настигли они, наконец, саксонцев (1 мая 1703 г.), коих было около десяти тысяч под началом генерала Штейнау. В обычной своей поспешной манере шведский король довольствовался наименьшей частью своих войск. Ужас перед его оружием был столь велик, что при одном его появлении половина саксонской армии бежала, даже не пытаясь вступить в сражение. Генерал Штейнау недолгое время еще держался с двумя полками, но почти сразу был сметен всеобщим бегством. Шведам оказалось труднее преследовать неприятеля, чем побеждать, и они не перебили даже и шестисот человек.

Августу оставались ничтожные осколки разбитой саксонской армии, и он поспешно отступал к Торну, прусскому городу на Висле, который находился под протекторатом Польши. Карл сразу же приготовился осаждать его, и польский король, не почитая себя в оном безопасным, продолжал бегство свое далее в Польшу, где мог бы собрать хоть сколько-нибудь солдат и куда еще не достигали шведы. Карл при столь

поспешных маршах, когда приходилось вплавь переправляться через реки и сажать пехоту на лошадей за седлами кавалеристов, не смог подвезти к Торну пушки, и поэтому пришлось ему ждать доставления оных по морю из Швеции.

В ожидании король остановился за несколько миль от города. Сам он слишком часто приближался к бастионам, отправляясь на рекогносцировки, и здесь неоценимую пользу оказал ему простой его мундир, о чем, впрочем, Карл никогда не задумывался — неприятелю трудно было его заметить и избрать в качестве мишени. Однажды, подъехав на весьма близкое расстояние вместе с генералом Ливеном, на котором был синий мундир с золотым шитьем, подумал он, что генерал слишком уж приметен. По столь обыкновенному для него великодушию приказал он ему встать позади себя, даже не задумываясь о том, что и сам подвергается очевидной опасности ради одного из своих подданных. Ливен слишком поздно понял, какую совершил оплошность, надевая столь приметный мундир, который навлекал опасность на всех, находившихся возле него, и посему колебался в исполнении королевского приказа. Воспоследовала некая заминка, и король, отодвинув его, встал впереди. В то же мгновение пушечный залп с фланга свалил генерала замертво на том самом месте, где только что был Карл. Смерть этого человека, убитого вместо него, чрезвычайно способствовала тому, что уже до конца жизни почитал он свою жизнь полностью предопределенной, и вселила в него уверенность, что судьба столь часто спасает его, поелику предназначен он для великих дел.

Его повсюду сопровождал успех — и на театре войны, и в переговорах дипломатических. Он как бы

присутствовал во всей Польше одновременно, поскольку славный его фельдмаршал Реншильд с многочисленным корпусом находился в самом ее средоточии. Почти тридцать тысяч шведов на северных и восточных границах с Московией сдерживали все поползновения русских. Сам Карл действовал на западе во главе лучших своих войск.

Король датский, связанный Травендальским трактатом, нарушить каковой не позволяло ему собственное бессилие, пребывал в молчании. Монарх сей, как человек весьма осторожный, не осмеливался проявлять свое неудовольствие при виде столь близко подступивших к его пределам шведов. Еще далее к юго-западу, между реками Эльбой и Везером, герцогство Бременское, последний оплот древних завоевателей Швеции*, открывало для победителя путь в Саксонию и в Империю. От Германского океана почти до устья Борисфена**, то есть по всей ширине Европы и вплоть до самой Москвы, все пребывало в страхе и ожидании некоего всеконечного переворота. Корабли Карла, хозяина Балтики, перевозили в Швецию пленников, захваченных в Польше. При всех сих великих катаклизмах сама Швеция наслаждалась глубоким миром и славою короля своего, не неся никаких при этом тягот, поелику победоносные ее войска содержались на счет побежденных.

И вот посреди безмолвия всего Севера, склонившегося пред оружием Карла XII, один только город Данциг осмелился не угодить ему. Четырнадцать фре-

---

* Т. е. датчан.

** Борисфен — древнее название Днепра, сохранявшееся в европейской географии до конца XVIII в.; Германский океан — одно из старинных названий Северного моря.

гатов и сорок транспортных судов доставили королю еще шесть тысяч солдат с пушками и амуницией для завершения осады Торна. Все они должны были подняться вверх по Висле. В устье сей реки стоит Данциг, богатый и свободный город, который пользуется в Польше, наравне с Торном и Эльбингом, таковыми же привилегиями, как и имперские города в Германии. На него покушались то Дания, то Швеция, то немецкие герцоги, и он сохранил свою свободу лишь благодаря зависти всех сих держав друг к другу. Шведский генерал граф Стенбок от имени короля потребовал у городского совета пропустить его войска. Совет не осмеливался отказать ему, но в то же время и не решался с полной определенностью подтвердить свое согласие. Генерал Стенбок старался выказать в себе более силы, чем имел оной на самом деле, и даже потребовал от города контрибуцию в сто тысяч экю. Наконец подкрепления и артиллерия прибыли к Торну, и 22 сентября началась осада.

Целый месяц комендант города Робель со своим пятитысячным гарнизоном защищал город, но в конце концов ему пришлось сдаться на капитуляцию, и все его люди как пленники войны были отправлены в Швецию. Сам же Робель предстал перед королем. Государь сей никогда не упускал случая почтить заслуги своих неприятелей и собственноручно возвратил ему шпагу, презентовав еще и знатную сумму денег, после чего комендант был освобожден под честное слово. Однако же на город, несмотря на его малость и бедность, была наложена непомерная контрибуция в сорок тысяч экю.

Стоящий на одном из рукавов Вислы Эльбинг был основан тевтонскими рыцарями и впоследствии также

захвачен Польшей. Власти сего города не воспользовались уроком Данцига и слишком долго уклонялись, прежде чем согласиться на проход шведских войск, а посему были еще более жестоко наказаны. Карл въехал в Эльбинг 13 декабря во главе четырехтысячного отряда. Пораженные ужасом горожане прямо на улицах кидались ему в ноги и умоляли о милосердии. Он повелел всех разоружить и поставил своих солдат на квартиры к бюргерам, после чего призвал к себе городской совет и потребовал сей же день уплатить двести шестьдесят тысяч экю контрибуции. Он захватил в городе двести пушек и четыреста тысяч фунтов пороха. Таковых прибытков не дала бы ему никакая выигранная баталия. Успехи сии были верными предвестниками низложения короля Августа.

Едва только кардинал-примас поклялся ничего не предпринимать противу короля своего, как сразу же поехал на варшавский Сейм, якобы заботясь о всеобщем умиротворении. Говорил он только о согласии и послушании, но его сопровождали солдаты, набранные в архиепископских владениях. Наконец сбросил он свою маску и от имени всего собрания провозгласил «Августа, курфюрста Саксонского, неспособным носить корону Польши». Единодушным решением трон был объявлен вакантным. Желание шведского короля, а следовательно и сего Сейма, заключалось в том, чтобы отдать Якову Собескому престол отца его, Яна Собеского. Сам Яков находился тогда в Бреслау, с нетерпеливостию ожидая для себя отцовскую корону. Однажды вместе с братом своим Константином он поехал на охоту, где они были схвачены тридцатью саксонцами, коих тайно подослал король Август. Везде уже стояли наготове перекладные лошади, оба принца

были незамедлительно отвезены в Лейпциг и заключены под крепкую стражу. Удар сей расстроил все планы Карла, кардинала-примаса и варшавского Сейма.

Почти одновременно с этим Фортуна, играющая коронованными головами, устроила так, что едва не был похищен и сам Август. Как-то раз, когда обедал он в трех лье от Кракова, внезапно появился генерал Реншильд, сбивший поставленный для охраны короля аванпост. Августу только-только хватило времени, чтобы вспрыгнуть в седло и ускакать со свитою всего из десяти человек. Четыре дня Реншильд продолжал погоню, надеясь всякую минуту схватить его. Король бежал до самого Сандомира, и только по счастливой случайности удалось ему ускользнуть от преследователей.

Тем временем партия Августа переговаривалась со сторонниками кардинала-примаса, хотя обе стороны и почитали друг друга за изменников отечеству. Коронная армия тоже разделилась на две части. Август, принужденный просить помощи у московитов, уже раскаивался, что не прибегнул к оной ранее. Он метался между истощенной Саксонией и Польшей, которая не осмеливалась поддерживать его, ибо там правил теперь победоносный и неколебимый шведский король.

Политичный граф Пипер предложил Карлу самому восприять польскую корону и убеждал его в том, сколь легко можно сие произвесть, имея победоносную армию и влиятельную придворную партию в покоренном уже королевстве. Он соблазнял Карла славою защитника евангелической веры, указывая на незатруднительность того, что было когда-то сделано Густавом Вазой для Швеции, то есть установления лютеранства и освобождения народа от цепей рабства. В какой-то момент Карл почти уже согласился, однако идолом его

всегда была слава, и поэтому собственный свой интерес, равно как и удовольствие отнять у Папы Польшу, принес он ей в жертву. Король ответствовал Пиперу, что для него более лестно раздавать короны, нежели завоевывать оные для себя, и присовокупил с улыбкою: «А вы созданы для того, чтобы быть министром какого-нибудь италианского государя».

Карл еще находился у Торна, в той части Пруссии, каковая принадлежит Польше, но уже простирал виды свои на то, что происходило в Варшаве. К нему явился принц Александр, брат похищенных Якова и Константина Собеских, и просил о возмездии, каковое король обещал ему, почитая оное легким и совпадающим с собственными своими интересами. Нетерпеливо поспешая дать Польше короля, предложил он принцу Александру самому взойти на престол, коль скоро Фортуна столь упорно не благоприятствует Якову. Он совершенно не ожидал отказа Александра, который заявил, что не намерен пользоваться несчастиями старшего своего брата. Карл и граф Пипер, а более всех других молодой познанский воевода Станислав Лещинский, уговаривали его согласиться, но не преуспели в этом. Соседние государи с изумлением известились о неслыханном сем отказе, не зная кому более поражаться — королю Швеции, который двадцати двух лет от роду распоряжался короной Польши, или же принцу Александру, отвергнувшему оную.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Станислав Лещинский избран королем Польши. Подвиги царя. Основание Петербурга. Битва при Фрауенштадте. Альтранштадтский мир

Молодой Станислав Лещинский был избран варшавским Сеймом для того, чтобы сообщить шведскому королю о тех многочисленных распрях, кои проистекли вследствие похищения князя Якова Собеского. Станислав имел приятную наружность, в коей соединялись непринужденность с мягкостию, а вся его манера держаться свидетельствовала о порядочности и открытости, каковые изо всех внешних качеств суть, несомненно, благоприятнейшие и придают словам тот вес, который ценнее любого красноречия. Благоразумие его речей, когда говорил он про короля Августа, Сейм, кардинала-примаса и противоречивых интересах, разделявших Польшу, поразило Карла. Король Станислав удостоил меня рассказом о том, что говорил он по-латыни шведскому королю: «Как можно заниматься выборами, когда два принца, Яков и Константин Собеские, остаются в неволе?», на что Карл ответствовал: «А как спасти Республику, не прибегая к выборам?» Сия беседа и оказалась той единственной интригой, которая возвела Станислава на трон. Карл продлил разговор нарочито для того, чтобы лучше понять характер молодого воеводы. После аудиенции он объявил, что ему не приходилось еще видеть человека, столь искусного в примирении интересов различных партий. Он и далее

осведомлялся о качествах Лещинского и узнал, что человек этот отличается также смелостью и выносливостью: спит на соломенном матрасе; не пользуется для самого себя прислугой; воздержан от горячительных напитков, что столь редко бывает в сем климате; бережлив и не только чтим всеми подвластными ему людьми, но, быть может, единственный вельможа во всей Польше, у кого есть истинные друзья. Таковые свойства характера, сходственные во многом и с чертами самого Карла, определили окончательное его решение. После разговора с Лещинским он сказал во всеуслышание: «Вот человек, который навсегда останется моим другом». И вскоре стало понятно все значение сих слов: «Вот человек, который будет королем».

Примас Польши, узнав о том, что Карл произвел в короли воеводу Лещинского, почти так же, как Александр возвысил Аболонима, поспешил к шведскому королю с намерением убедить оного отдать корону одному из Любомирских. «Но что у вас против Станислава Лещинского?» — спросил завоеватель. «Государь, он слишком молод». На сие король лишь весьма сухо возразил: «Да, он почти моего возраста» и повернулся к прелату спиной. На варшавский Сейм был незамедлительно отправлен граф Горн с изъявлением воли короля об избрании не позднее, чем через пять дней, Станислава Лещинского. Граф прибыл 7 июля и на военный манер назначил выборы на 12-е, как если бы отдавал приказ о выступлении батальона из лагеря. Кардинал-примас, раздосадованный таковым исходом всех своих происков и стараний, всячески интриговал противу сего выбора, к которому сам он не имел никакого отношения. Но шведский король собственной персоной, хотя и инкогнито, тоже прибыл

в Варшаву, и всем недовольным оставалось только смолкнуть. Примас не участвовал в выборах, а предался бесплодному невмешательству, не имея сил противостоять победителю, но в то же время не желая и поддерживать его.

В субботу 12 июля 1704 г. наступил назначенный для выборов день, и в три часа пополудни все собрались на предназначенном для сего поле, именуемом Коло. Вместо кардинала-примаса председательствовал епископ Познанский, который прибыл в сопровождении дворян, составлявших его партию. Граф Горн и еще два генерала присутствовали на сем торжестве в качестве чрезвычайных послов Карла XII при Республике. Церемония продолжалась до девяти часов вечера; епископ завершил ее, провозгласив Станислава королем Польши. В воздух взлетели шляпы, и шум радостных кликов заглушил возгласы недовольных.

Неучастие в выборах ничем не помогло ни кардиналу-примасу, ни всем тем, кто хотел остаться в стороне, — на следующий день надобно было являться к новому королю с изъявлениями верноподданнических чувств и к тому же подвергнуться величайшему унижению — сопровождать его в главную квартиру шведского короля. Сей последний оказал только что поставленному им же самим монарху все те почести, каковые приличествуют королю Польши, а дабы еще более утвердить достоинство Станислава, ему были назначены деньги и приданы войска.

Карл XII сразу же покинул Варшаву, чтобы довершить завоевание Польши. Он назначил общий сбор армии у Львова, столицы великого воеводства Русского, весьма важного не только по своему положению города, но еще и благодаря тем богатствам, кои в нем

были заключены. Предполагали, что Львов продержится пятнадцать дней, обороняясь за теми укреплениями, кои были возведены в нем Августом. Завоеватель обложил его 5 сентября 1704 г., а уже на следующий день взял штурмом. Победоносные войска, овладев городом, не рассыпались для грабежа тех сокровищ, о которых ходило столько слухов, но построились в боевые порядки на большой площади, чтобы принять капитуляцию остатков гарнизона. Король велел при звуках трубы оповестить жителей, что все ценности, принадлежащие королю Августу, надлежит сдать под страхом смерти до конца дня. Мало кто решился ослушаться его. Было доставлено четыреста ящиков с золотой и серебряной монетой, дорогой посудой и прочими предметами роскоши.

Некоторые неотложные дела вынудили Станислава остаться в Варшаве. С ним же находились его мать, жена и две дочери. Кардинал-примас, епископ Познанский и несколько высших чинов Королевства составляли его двор, каковой охранялся шестью тысячами солдат коронного войска, недавно перешедшего на его сторону, но чья верность еще не имела случая подвергнуться испытанию. У коменданта города генерала Горна было всего лишь полторы тысячи шведов. В Варшаве царило глубокое спокойствие, и Станислав намеревался через несколько дней уехать, дабы присутствовать при взятии Львова. Внезапно разнеслась весть, что к городу приближается двадцатитысячная армия короля Августа, который по примеру шведского короля форсированным маршем двигался на Варшаву, дабы захватить там своего соперника.

Варшава была не укреплена, а защищавшие ее войска мало надежны, и оставаться в городе было для

Станислава равносильно гибели. Он отправил семейство свое в Познань под охраной самых верных людей. Во всей этой суматохе едва не пропала его годовалая дочь — кормилица потеряла ее, но, к счастью, девочку удалось отыскать в какой-то деревенской конюшне — об этой истории он рассказывал в моем присутствии. Это было то самое дитя, коего судьба после множества величайших превратностей привела на трон Франции*. Новый король отправился к Карлу XII, принужденный покинуть свою столицу всего через шесть недель после избрания.

Август въехал в Варшаву как разгневанный победитель. Обывателей, уже подвергнувшихся шведской контрибуции, заставили заплатить оную и собственному своему королю. Дворец кардинала и все дома вельмож-конфедератов, их имущество в городе и сельской местности, все было отдано на разграбление. Папский нунций, сопровождавший Августа, потребовал от имени своего владыки, чтобы ему был отдан епископ Познанский, подсудный в качестве иерарха церкви римской курии за соучастие в избрании монарха оружием еретиков.

Римская курия, всегда стремившаяся расширить свою светскую власть за счет духовной, уже издавна установила в Польше свою собственную подсудность под главенством папского нунция. Ее служители не упускали ни единой возможности для распространения своей власти, почитавшейся невежественным народом, но неизменно оспариваемой людьми просвещенными. Иерархия присвоила себе право судить клириков по

* Имеется в виду Мария Лещинская (см. комментированный указатель имен).

всем делам, а во времена смут завладела и многими другими прерогативами, кои сохраняла вплоть до 1728 г., когда все сии злоупотребления были уничтожены, что обыкновенно происходит лишь тогда, когда они становятся уже совсем непереносимыми.

Король Август охотно согласился наказать епископа Познанского столь благопристойным образом и одновременно угодить римской курии, хотя в другое время он и не подумал бы уступить ей. Епископ, ставший свидетелем разорения своего дома, был доставлен под конвоем к итальянскому посланнику и перевезен в Саксонию, где по прошествии недолгого времени и умер. Граф Горн, запершийся в цитадели, претерпевал непрестанный обстрел осаждающих и, не имея никаких средств к дальнейшему сопротивлению, сдался вместе со своими полутора тысячами шведов. Это было первой удачей короля Августа противу победоносного своего неприятеля после целого потока преследовавших его несчастий.

Но сия улыбка Фортуны тут же и угасла. Поспешно собранное его войско состояло из поляков, готовых разбежаться при первом же неуспехе, саксонских рекрутов, еще не нюхавших пороха, и бродячих казаков, привыкших только грабить побежденных, но отнюдь не побеждать. Все они дрожали пред одним только именем короля шведского.

Завоеватель сей, сопровождаемый королем Станиславом, явился во главе отборных своих войск, чтобы встретиться на поле брани с Августом. Повсюду саксонская армия бежала от него; города еще за тридцать миль высылали навстречу ему ключи от ворот; каждый день приносил Карлу какой-либо новый успех. Победы стали для него обыденностью, и он уже говорил, что

все сие более походит на охотничью прогулку, нежели настоящую войну.

Август временно передал командование графу Шуленбургу, весьма искусному генералу, коему понадобилось употребить все свои таланты, чтобы управляться с обескураженной армией. Он более старался сохранять войска своего повелителя, чем искать побед. Опережая неприятеля на маршах и занимая выгодные позиции, пожертвовал он, кроме того, частью конницы ради сохранения пехоты и спас свою армию блестящим отступлением перед лицом такого противника, с коим и невозможно было тогда заслужить иной славы.

Едва дойдя до Познанского воеводства, Шуленбург узнал, что оба короля, коих полагал он еще в пятидесяти лье от себя, прошли оное расстояние за девять дней. У него было всего восемь тысяч пехоты и одна тысяча кавалерии противу превосходящего неприятеля, устрашавшего еще и самим именем шведского короля, каковое внушало саксонцам столь естественный страх после всех перенесенных ими поражений. Он считал, вопреки мнению других немецких генералов, что пехота может защититься от кавалерии в открытом поле даже без рогаток, и осмелился произвести сей опыт противу обоих королей и лучших шведских военачальников. Он столь удачно поставил свои войска, что его невозможно было окружить: первая шеренга, вооруженная пиками и ружьями, в сомкнутом строю и с колена представляла для неприятельской кавалерии ощетинившийся железом живой бастион; вторая шеренга стреляла, опираясь с наклоном на плечи первой; третья, стоя в полный рост, стреляла поверх первых двух. Шведы с обыкновенной своей яростию кинулись на саксонцев, которые встретили их,

не дрогнув. Ружейные залпы и удары пик и штыков испугали лошадей, которые взвивались на дыбы и не хотели идти вперед. Шведы атаковали беспорядочно, а саксонцы оборонялись, не ломая рядов.

Шуленбург, сам получивший пять ран, ретировался в добром порядке, сохраняя побатальонные каре, и к ночи достиг небольшого городка Гурау, в трех лье от поля битвы. Едва он вознамерился дать войскам отдых, как вдруг с тыла появились оба гнавшиеся за ним короля. Возле Гурау, ближе к реке Одер, расположен густой лес, в котором саксонский генерал спрятал свою утомленную пехоту. Но шведы преследовали его и через лес, с трудом пробираясь по едва проходимым тропам. Саксонцы опередили шведскую кавалерию всего на пять часов. После леса, перед селением Руцен, течет река Парц. Едва Шуленбург успел собрать лодки и переправить свое уменьшившееся вполовину войско на другой берег, как появился Карл — никогда еще победитель не преследовал с такой быстротой неприятеля. Репутация Шуленбурга зависела от того, сумеет ли он ускользнуть от шведского короля, а сей последний почитал делом своей чести настичь его вместе с остатками армии. Карл не терял ни минуты и переправил конницу вброд. Саксонцы оказались зажатыми между речкой Парц и большой рекой Одером, текущей из Силезии и в сем месте уже глубокой и быстрой.

Погибель Шуленбурга казалась неизбежной, и все-таки, пожертвовав немногими солдатами, он ночью переправился через Одер и спас свою армию. Сам Карл сказал на сие: «Сегодня Шуленбург победил нас».

Впоследствии Шуленбург перешел на службу к венецианцам, и они воздвигли ему памятник на Корфу в

благодарность за оборону сего бастиона Италии противу турок. Только республики могут воздавать подобные почести, короли же вознаграждают лишь деньгами.

Но славный подвиг Шуленбурга ничем не мог помочь Августу. Государь сей уже который раз отдал Польшу ее врагам. Сам он удалился в Саксонию и спешно восстанавливал укрепления Дрездена, небезосновательно опасаясь за столицу наследственных своих владений.

Польша склонилась перед Карлом. Генералы ее шли вослед за ним в Курляндию сражаться с мелкими московитскими отрядами, кои после великой Нарвской битвы действовали на манер кочевых татар — грабя, спасаясь бегством и появляясь вновь, чтобы опять скрыться.

Шведы повсюду были уверены в своей непобедимости, если только насчитывалось их не менее двадцати противу ста. При столь благоприятных обстоятельствах Станислав готовился к коронации — Фортуна, подарившая ему трон, но и вынудившая к бегству, снова призывала его в столицу. Толпа дворян приветствовала нового короля, с которым их соединили успехи на поле брани. Был созван Сейм, все препоны устранились, за исключением несговорчивости римской курии.

Вполне естественно, что сия последняя выступала не только на стороне короля Августа, который из протестанта сделался католиком ради польской короны, но и противу Станислава, получившего сию корону из рук злейшего врага католической религии. Папа Климент XI прислал грамоты всем польским иерархам и прежде всего кардиналу-примасу, в коих угрожал им отлучением, ежели осмелятся они участвовать в коронации

Станислава или же будут препятствовать чем-либо королю Августу.

Если бы сии грамоты были доставлены собравшимся в Варшаве епископам, то можно было бы опасаться некоторых затруднений со стороны весьма многих, кто пожелал бы получить более выгод за свои услуги. И посему были приняты все меры, дабы папские грамоты не достигли своего назначения в Варшаве. Один францисканский монах тайно получил сии послания для передачи оных в собственные руки прелатов. Сначала он доставил грамоту викарию Хелмскому, но сей иерарх, весьма приверженный к Станиславу, отнес ее королю даже нераспечатанной, а тот призвал к себе монаха и спросил, как он осмелился взять на себя такое дело. Францисканец ответствовал, что совершил сие по приказанию генерала своего ордена. Станислав велел ему впредь слушаться лишь приказов короля и незамедлительно выслал его из столицы.

В тот же день по всей Варшаве был развешен указ Карла XII, запрещавший под страхом жесточайших кар всем лицам духовного звания вмешиваться в государственные дела. Для большей надежности у домов всех иерархов поставили охрану и запретили въезд в город иностранцам. Карл взял на свою ответственность все мелкие притеснения, дабы не ссорить Станислава с духовенством уже при восшествии на престол. Он говорил, что отдыхает теперь от трудов воинских, пресекая интриги римской курии, и сражается с нею бумажным оружием.

Карл и Станислав требовали у кардинала-примаса приехать для церемонии коронации, но он вовсе не желал покидать Данциг ради того, чтобы возложить

корону на неугодного ему человека. Поелику никогда и ничего не совершал он без благовидного на то предлога, то и в сем случае поступил точно так же, велев ночью повесить папскую грамоту на дверях своего дома. Раздраженный данцигский магистрат хотел найти виновных в сем преступлении, но не преуспел в этом. Кардинал был доволен — у него появилась причина не ехать на коронацию, и в то же время он оказал уважение и Карлу XII, и Августу, и Папе. Через несколько дней он скончался, оставив страну в ужасной смуте и испортив всеми своими интригами отношения с тремя королями, с Республикой и с Папой, который приказал ему явиться в Рим для отчета о своих делах. Но даже и у политиков на смертном одре являются иногда угрызения совести, и, умирая, примас написал королю Августу покаянное письмо.

4 октября 1705 г. в столичном граде Варшаве при полном спокойствии и торжественности воспоследовала коронация, несмотря на традицию производить сию церемонию в Кракове. Станислав Лещинский и жена его Карлотта Опалинская были помазаны львовским архиепископом как король и королева Польши в присутствии многих других иерархов. Карл XII наблюдал за сей церемонией инкогнито.

Тем временем, пока давал он покоренной Польше монарха, и датский король даже не осмеливался потревожить его, когда король Прусский искал у него дружбы, а король Август удалился в наследственные свои владения, царь становился день ото дня все опаснее. Августу он оказывал лишь незначительную помощь, но зато совершал весьма чувствительные диверсии в Ингрии.

Петр не только становился великим мужем войны, но уже учил и своих московитов сему искусству: в его войсках укоренялась дисциплина, появились хорошие инженеры, сильная артиллерия и много умелых офицеров. Некоторые из русских генералов научились и сражаться, и уклоняться от сражений, смотря по обстоятельствам. Более того, он создал флот, способный противостоять на Балтике шведам.

Усилившись, благодаря одному лишь своему гению, всеми сими авантажами и пользуясь отсутствием короля шведского, Петр после регулярной осады штурмом взял Нарву (21 августа 1704 г.). Овладевшие городом солдаты кинулись грабить, совершая при сем невероятные зверства. Царь метался по всему городу, пытаясь остановить эксцессы и убийства. Он собственноручно вырывал женщин из рук солдат, которые убивали их после насилия, и даже принужден был пролить кровь нескольких московитов, кои посмели ослушаться его приказаний. В нарвской ратуше до сих пор показывают стол, на который положил он свою шпагу, и вспоминают слова, сказанные им перед горожанами: «Шпага сия обагрена не кровию жителей, но самих московитов, единственно спасения ради жизней ваших».

Ежели бы царь всегда был толико человечен, то стал бы первым из людей. Он хотел не разрушать города, а строить новые, и основал неподалеку от Нарвы на вновь завоеванных землях город Петербург, ставший впоследствии его резиденцией и средоточием торговли. Город сей расположен между Финляндией и Ингрией на болотистом острове, где Нева несколькими протоками впадает в Финский залив. Он сам начертал план города с укреплениями, гаванью и набе-

режными. Сей дикий и пустынный остров в краткое лето утопающий в грязи, а зимой похожий на обледеневший пруд, окруженный непроходимыми болотами и бездорожными лесами, сие прибежище волков и медведей, в 1703 г. наполнился тремястами тысячами жителей*, коих царь собрал со всех концов своей Империи. В Петербург были перевезены крестьяне Астраханского царства, равно как и те, кои обитали на границах Китая. Приходилось прорубать леса, устраивать дороги, осушать болота, возводить дамбы, прежде чем закладывать основания самого города. Природу повсюду силой вынуждали отступать. Царь упорствовал в своем стремлении поселить людей в такой местности, каковая совершенно не годилась для жизни. Ничто не могло поколебать его решения — ни бесплодие земли, ни наводнения, смывавшие все уже построенное, ни невежество работников, ни даже смертность, унесшая только при самом начале двести тысяч душ. Уже в 1705 г. Петербург стал городом, а порт его наполнился кораблями. Император привлекал иноземцев своими милостями, одних жаловал землями, другим раздавал дома; он поощрял искусства, дабы смягчить суровость тамошнего климата. Но, самое главное, царь сделал Петербург недоступным для покушений неприятеля — шведские генералы, которые побивали его войска повсюду в других местах, не могли нанести ущерба сему новоявленному

* Население Петербурга составляло в 1725 г. ок. 40 тыс. чел. (См.: БСЭ. 3-е изд. Т. 14. М., 1973. С. 895). Что касается пришлых работников, то в 1709 г. повелено было выслать в Петербург 40 тыс. чел. из всей России, а с 1712 по 1716 г. было выслано 150 тыс. чел. (См.: Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28а. СПб., 1900. С. 293.)

поселению. Среди окружавшей его войны оно наслаждалось полным спокойствием*.

Обретая для себя новые владения, Петр все время протягивал руку помощи Августу, который, наоборот, терял и то, что ему принадлежало. Через генерала Паткуля, перешедшего на московитскую службу в качестве посланника в Саксонии, Петр предложил королю встретиться в Гродно, дабы обсудить столь несчастливо сложившиеся обстоятельства. Август прибыл туда с некоторым количеством войск и в сопровождении генерала Шуленбурга, который прославился на всю Северную Европу своим отступлением к Одеру и в ком польский король полагал единственную свою надежду. Царь же явился с армией в семьдесят тысяч человек. Оба монарха строили новые планы войны. Низложенный Август, приводя теперь в Польшу московитов, уже не опасался возбудить противу себя озлобление поляков. Было решено, что царская армия разделится на несколько корпусов, дабы препятствовать каждому шагу шведского короля. Именно в эти дни Август восстановил орден Белого Орла — слабое средство для привлечения к себе нескольких польских вельмож, более падких на вещественные выгоды, чем пустопорожние почести, каковые обращаются в посмешище, ежели исходят от короля, царствующего лишь

* «<...> новый городок Петербург должен был отбиваться от шведов. 12 июня 1704 года на Выборгской стороне явилось шведское войско под начальством генерала Майделя и начало стрелять в Петропавловскую крепость; комендант ее, Роман Брюс, отстреливался удачно, и Майдель счел за лучшее отступить. С другой стороны, так же неудачно окончилось покушение шведского флота овладеть Кроншлотом». (См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. СПб.: Изд-во «Общественная польза», б. г. С. 1277.)

на бумаге. Встреча обоих монархов завершилась совершенно неожиданно: оставив свое войско союзнику, царь поспешно уехал, дабы усмирить угрожавшее ему восстание в Астрахани. Сразу после его отъезда король Август приказал арестовать в Дрездене Паткуля. Вся Европа был поражена заключением в тюрьму посланника единственного государя, каковой протежировал польскому королю, что по очевидности противоречило и собственным интересам Августа.

О том, какая пружина привела в действие сие событие, рассказывал мне сам маршал Мориц Саксонский, сын короля Августа. Изгнанный из своей родной Ливонии за то, что он защищал ее интересы, Паткуль стал генералом у Августа, но его живой и гордый нрав плохо сочетался с высокомерием королевского любимца генерала Флемминга, и посему перешел он на службу к царю, который дал ему чин генерала и назначил посланником при Августе. Проницательный Паткуль понял, что и Флемминг, и саксонский канцлер желают любой ценой добиться мира со шведами, и решился предупредить сие, устроив соглашение между царем и королем шведским. Канцлер прознал о сем и добился ареста Паткуля. Август сказал царю, что он изменник, который предает их обоих. На самом же деле вся его вина заключалась лишь в слишком усердной службе новому своему повелителю. Но как часто неловкая услуга наказывается так же, как измена!

Тем временем шестьдесят тысяч русских, разделенных на малые отряды, жгли и опустошали земли сторонников Станислава, а от другой границы приближался Шуленбург с новыми войсками. Но удача шведов была такова, что менее чем за два месяца они рассеяли обе сии армии. Карл XII и Станислав нападали на

московитские отряды по отдельности и с таковым напором, что каждый их генерал терпел поражение еще до того, как узнавал о разгроме своего сотоварища.

Никакие препятствия не могли остановить победителя; если от неприятеля его отделяла река, Карл со своими шведами переправлялся через нее вплавь. Один шведский отряд захватил обоз Августа, в котором везли двести тысяч экю звонкой монетой. Станислав завладел ста тысячами дукатов, принадлежавших московитскому генералу князю Меншикову. Карл во главе конницы преодолевал по тридцать лье за двадцать четыре часа; каждый всадник вел с собою запасную лошадь, чтобы пересаживаться на нее. Московиты в страхе и беспорядке бежали за Борисфен.

Пока Карл гнал московитов в глубь Литвы, Шуленбург перешел обратно через Одер и явился во главе двадцатитысячной армии сразиться с лучшим генералом Карла фельдмаршалом Реншильдом, коего называли Парменионом Северного Александра. Оба сии славных полководца, разделившие судьбы своих монархов, встретились при Фрауенштадте. У Реншильда было всего тридцать батальонов и двадцать два эскадрона, всего около десяти тысяч человек, у Шуленбурга вдвое больше*. Примечательно, что у него был московитский корпус в 6–7 тысяч человек, которые прошли долгую выучку и на которых уже полагались как на надежных воинов. Баталия при Фрауенштадте произошла 12 февраля 1706 г. Но здесь тот же самый Шуленбург, чуть было не пошатнувший всего с четырьмя тысячами

* Соотношение шведских и русско-польско-саксонских войск составляло 8 тыс. к 30 тыс. (См.: Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Соч. Т. 10. М., 1959. С. 456.)

Фортуну самого Карла, не устоял перед Реншильдом. Битва продолжалась не более четверти часа; саксонцы не сражались ни единой минуты, московиты при виде шведов сразу же побросали оружие. Всеобщее смятение было столь внезапным, что победители нашли на поле брани семь тысяч заряженных ружей, из коих не успели даже выстрелить. При сем неслыханном и позорнейшем разгроме у Шуленбурга, по признанию саксонских и шведских офицеров, была великолепная диспозиция. Вот сколь самые предусмотрительные расчеты человеческие мало влияют на ход событий!

Среди пленников оказался даже целый полк французов. Сии несчастные были взяты в полон саксонскими войсками еще в 1704 г. после знаменитой битвы при Гохштедте*, столь пагубной для славы Людовика XIV. Они перешли на службу к королю Августу, который собрал из них драгунский полк под командою француза из рода Жойёзов. Полковник был убит первым и единственным залпом шведов. В тот же день сии французские пленники изъявили желание служить Карлу XII и были приняты, но судьба готовила для них еще одну смену победителя и повелителя.

Московиты на коленях умоляли о пощаде, но были бесчеловечно перебиты, что произошло через шесть часов после битвы в возмездие за жестокости их соотечественников, а также дабы избавиться от пленников, с коими неизвестно было как поступить.

---

* Гохштедт — город в Баварии, где 13 августа 1704 г. во время войны за Испанское наследство 1701–1714 гг. англо-голландские и имперские войска под командованием герцога Мальборо и принца Евгения Савойского разгромили французско-баварскую армию маршалов Таллара и Марсена и курфюрста Максимилиана.

Теперь Август окончательно лишился средств к сопротивлению. Он сохранил только Краков, в котором и заперся с двумя московитскими и двумя саксонскими полками и несколькими отрядами коронной армии, от коих можно было опасаться предательства и выдачи короля неприятелю. Но несчастия его достигли предела, когда узнал он, что 1 сентября 1706 г. Карл XII вторгся в Саксонию.

Шведский король пересек Силезию, даже не удостоив венский двор предупреждением о таковом демарше. Германия содрогнулась, собравшийся в Ратисбонне имперский Сейм, чьи решения столь же бесплодны, сколь и торжественны, заявил, что будет считать Карла врагом Империи, если перейдет он за Одер, и уже одно это тем паче побудило его направиться в Германию.

Шведов повсюду встречали опустелые селения, и тогда король прибег к тому же средству, что и в Копенгагене, — повелел везде провозглашать, что он пришел с миром, и к вернувшимся в свои дома, ежели заплатят они назначенную им контрибуцию, будет относиться как к своим подданным, а всех прочих беспощадно карать. Сия декларация государя, известного верностью своему слову, ободрила тех, кто из страха не смел возвращаться в собственные дома. Для лагеря своего Карл избрал место возле селения Альтранштадт, неподалеку от Лютцена, где происходила знаменитая битва, ознаменовавшаяся победой и смертью Густава Адольфа*. Он ездил осматривать то место, где был сражен великий король, и сказал там: «Я старался жить

* 6 ноября 1632 г. во время Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. шведская армия под командованием короля Густава II Адольфа нанесла при Лютцене поражение имперским войскам А. Валленштейна.

как он. Может быть, Господь дарует и мне столь же славную смерть».

Из своего лагеря Карл отослал повеление сословным чинам Саксонии собраться и незамедлительно прислать к нему финансовые реестры всего курфюршества. Ознакомившись с истинными возможностями сей страны, он обложил ее ежемесячной контрибуцией в шестьсот двадцать пять тысяч рикталеров. Кроме сего, жители должны были ежедневно поставлять каждому шведскому солдату по два фунта мяса и хлеба, две кружки пива и еще четыре су деньгами, а также фураж для кавалерии. Затем король установил новый порядок, дабы обезопасить саксонцев от солдатских бесчинств: во всех городах, где содержались гарнизоны, хозяева каждый месяц подавали свидетельства о поведении постоялых солдат, без которых сии последние не получали жалованья. В добавление к сему каждые две недели по домам ходили приставы, осведомляясь, не было ли какого вреда от шведов. Они возмещали убытки и наказывали виновных.

Общеизвестно, сколь строго поддерживалась дисциплина в войсках Карла XII: они не грабили взятые приступом города без нарочитого на то дозволения и соблюдали порядок даже при грабеже, прекращая оный по первому сигналу. И до сего дня шведы похваляются своей дисциплиной, выказанной в Саксонии, хотя сами саксонцы жалуются на ужасающие опустошения, ими совершенные. Сии противоречия невозможно разрешить, ежели не принимать во внимание то, насколько люди по-разному смотрят на одни и те же предметы. Не удивительно, что победители злоупотребляют подчас своими правами, а побежденные воспринимают даже наилегчайшие нарушения, как варварский разбой. .

Однажды король совершал верховую прогулку в окрестностях Лейпцига, и в ноги ему бросился саксонский крестьянин, умолявший защитить его от гренадера, который лишил обеда все семейство. Король велел привести сего солдата и сурово спросил: «Правда ли, что ты ограбил этого человека?» — «Государь, я не причинил ему и того вреда, каковой Ваше Величество нанесли его повелителю. Вы взяли себе целое королевство, а я у этого пентюха — всего лишь какого-то индюка». Карл подал крестьянину десять дукатов и простил солдата, рассмеявшись на смелость его ответа и присовокупив: «Но запомни, мой друг, отняв престол у короля Августа, я ничего не взял для самого себя».

Большая лейпцигская ярмарка открылась как обычно, купцы съехались, не сомневаясь в безопасности, и на ней не появилось ни единого шведского солдата. Можно было подумать, что войско короля пришло сюда для охраны спокойствия в стране. Сам король распоряжался так же самовластно, как и в Стокгольме.

Август, скитавшийся по Польше, лишенный королевства и курфюршества, написал, наконец, собственноручное письмо Карлу с просьбою о мире. Тайно доставить оное письмо доверил он барону Имгофу и референдарию Тайного Совета Пфингстену, дав им все полномочия и свою бланковую подпись с таковым дословным напутствием: «Постарайтесь добыть для меня приемлемые и божеские условия». Он был принужден скрывать мирные свои намерения и не прибегать к посредничеству какого-либо другого государя, ибо находился тогда в Польше во власти московитов и вполне резонно боялся мести со стороны опасного союзника за свою капитуляцию перед победителем. Его полномочные посланники ночью прибыли в лагерь Карла и

получили тайную аудиенцию. Прочтя письмо, король сказал им: «Господа, ответ мой вы получите сейчас же, без малейшего промедления». С этими словами он удалился в свой кабинет и написал нижеследующее:

«Я согласен на мир при перечисленных далее условиях, кои ни при каких обстоятельствах не могут быть изменены.

I. Король Август навсегда отрекается от польской короны, признает Станислава Лещинского законным государем и обещает не претендовать на престол и после смерти сего последнего.

II. Он отказывается от всех договоров, особливо от тех, кои были заключены с Московией.

III. Он с почестями отпускает в мой лагерь князей Собеских и всех тех пленников, коих удалось ему захватить.

IV. Он передает мне всех дезертиров, перешедших на его сторону, и особливо Иоганна Паткуля, а также прекращает все преследования тех, кто перешел от него на мою службу».

Карл отдал сей документ графу Пиперу, коему поручил все дальнейшие переговоры с посланцами короля Августа. Они были потрясены жестокостью его условий и попытались употребить все те немногие средства, коими располагает бессильная сторона, для смягчения ультиматума. Несколько раз беседовали они с графом Пипером, но тот неизменно ответствовал одно и то же: «Такова воля короля, моего повелителя. Он никогда не переменяет своих решений».

Пока шли сии тайные переговоры о мире, Фортуна подала королю Августу надежду на более почетные условия.

Главнокомандующий московитскими войсками князь Меншиков явился к Августу в Польшу с тридцатитысячным корпусом, когда король уже не только не хотел для себя помощи, но и боялся оной. При нем оставалось

небольшое число поляков и саксонцев, всего шесть тысяч. Окруженный армией князя Меншикова, он имел все основания для опасений в случае, если бы открылись его переговоры со шведским королем. Низложенный врагом, Август мог попасть теперь в полон к своему союзнику. В довершение сей щекотливой ситуации поблизости находился еще и шведский генерал Мейерфельд, стоявший в Калише на границе Познанского воеводства с десятью тысячами солдат. Князь Меншиков требовал от Августа баталии. Король, будучи в крайнем затруднении, увиливал под разными предлогами, поскольку, хоть неприятель и был по числу втрое слабее, все-таки четыре тысячи шведов представлялись ему немалой силой. Кроме сего, решиться на баталию во время переговоров означало еще глубже вырыть для себя пропасть, в которую Август и так уже низвергнулся. И он решил отправить доверенного человека к неприятельскому генералу с уведомлением о мирных переговорах и просьбой к нему отвести войска. Однако генерал Мейерфельд посчитал, что его хотят поймать в ловушку, и решился пойти на риск сражения.

В сей день русские впервые победили шведов в регулярной баталии*. Победа сия, одержанная королем Августом чуть ли не противу своего желания, была полной. После всех своих несчастий Август с триумфом въехал в разрушенную Варшаву, готовую принять любого победителя и признать своим монархом наисильнейшего. У короля было искушение напасть на шведов в Саксонии, употребив для сего московитскую армию. Однако, приняв в соображение то, что во главе

* Имеется в виду сражение русских войск с большим шведско-польским отрядом у Калиша 18 октября 1706 г.

шведских войск стоит сам Карл XII, что русские бросят его на произвол судьбы при первых же слухах о мирных переговорах, что наследственная его Саксония, уже истощившаяся людьми и деньгами, подвергнется опустошению, как со стороны шведов, так и московитов, что занятая войной с Францией Империя ничем не сможет помочь ему, и он останется без денег, без друзей и без владений, Август понял, что надобно принять требования шведского короля. Требования сии стали только тяжелее после того, как Карл известился о нападении на свои войска во время переговоров. Гнев и желание еще более унизить врага, одержавшего победу, сделали его окончательно неуступчивым по всем пунктам договора. Таким образом, победа лишь ухудшила положение короля Августа — случай в своем роде небывалый и единственный.

Август только что отслужил в Варшаве благодарственный молебен, когда из Саксонии прибыл референдарий Пфингстен с мирным договором, лишавшим его польской короны. После недолгих колебаний он подписал сей договор и отправился в Саксонию в тщетной надежде, что его присутствие смягчит шведского короля и что враг, быть может, вспомнит о прежних союзах и родстве их династий.

Оба сии государя встретились впервые в местечке Гутерсдорф, в резиденции графа Пипера, без соблюдения каких-либо церемоний. Карл XII был в ботфортах, с черным тафтяным платком на шее и, по своему обыкновению, в голубом мундире грубого сукна с позолоченными медными пуговицами. На боку у него висела длинная шпага, служившая ему еще в Нарвской баталии, и он то и дело опирался на ее рукоять. Разговаривали только о его ботфортах. Король сказал Августу, что вот уже шесть

лет, как снимает их только на ночь, если ложится в постель. О таковых-то безделицах беседовали два короля, один из которых отнимал у другого корону. Но именно Август имел вид удовлетворенности, каковой монархи и люди, привыкшие к делам государственным, умеют придавать себе среди самых жестоких унижений. Оба короля два раза вместе обедали. Карл нарочито, как бы в знак уважения, усаживал Августа по правую руку, но требования свои не смягчал, а делал их еще более тяжкими. Чего стоило уже одно то, что надобно было выдать генерала и официального посланника, отдать Станиславу коронные драгоценности и архивы. Однако верхом унижения стало требование поздравить своего преемника с восшествием на престол. Карл настаивал на письме к Станиславу от Августа, и сему последнему пришлось подчиниться. Я имел случай видеть снятую с сего письма дословную копию, каковая приводится ниже слово в слово:

«ГОСУДАРЬ И БРАТ,

Мы не почитали для себя обязательным прибегать к какому-то нарочитому обмену письмами с Вашим Величеством. Однако ради того, чтобы сделать удовольствие Его Шведскому Величеству, равно как и не желая давать повод для обвинений в неуступчивости его воле, мы поздравляем вас с восприятием короны и выражаем надежду, что найдете вы в своем отечестве более верноподданных, чем осталось оных после нас. Всему свету ведомо, что за все наши милости видели мы одну лишь неблагодарность и что большинство наших подданных стремились только ускорить погибель нашу. Мы желаем вам избежать таковых несчастий и поручаем вас покровительству всемогущего Бога.

Дано в Дрездене апреля 8-го дня 1707 года.
Ваш брат и сосед
Август, король».

Августу пришлось самолично приказать всем чинам дрезденского магистрата уже не именовать его более королем Польши и не упоминать сей титул при богослужениях. Менее тягостным было для него освобождение князей Собеских — выйдя из тюрьмы, они сами не пожелали видеть его. Но хуже всего дело обстояло с Паткулем: царь настаивал на его возвращении как своего посланника, а шведский король угрожающе требовал выдачи. Паткуль был заключен в саксонском замке Кёнигштейн. Август хотел и спасти свою честь, и удовлетворить Карла XII. Он отправил охрану для передачи сего несчастного шведам, но одновременно послал коменданту замка тайный приказ устроить для него побег. Однако несчастная судьба Паткуля возобладала над всеми стараниями к спасению. Комендант замка, зная, что он очень богат, решил принудить его купить себе свободу ценою денег. Узник же, все еще надеясь на международное право и зная о намерениях короля Августа, отказывался платить. Тем временем прибыл присланный за ним конвой, и Паткуль сразу был передан четырем шведским капитанам, которые доставили его в главную альтранштадтскую квартиру, где он три месяца провел прикованным тяжелой цепью к столбу. Затем его перевезли в город Казимир.

Карл XII пренебрег статусом Паткуля как царского посланника и не хотел знать ничего, кроме того, что тот родился его подданным, и посему велел военному суду вынести ему приговор по наивысшей строгости. Паткуль был осужден на колесование. Объявить о предстоящей смерти к нему пришел капеллан, но он не сказал, какая именно казнь назначена для него. И тогда человек сей, бросавший вызов смерти в стольких битвах, теперь, оказавшись наедине со священником

и не находя уже поддержки для своего мужества ни в славе, ни в праведном гневе, пролил горькие слезы, оплакивая выпавший ему жребий. Он был обручен с одной благородной и достойной саксонской дамой, госпожой Айнсидель, отличавшейся еще и красотою. С ней предполагал он соединиться узами брака почти в то самое время, каковое теперь предназначалось для его казни. Паткуль просил капеллана навестить оную даму со словами утешения и передать, что умирает он с самыми нежнейшими к ней чувствами. Когда привезли его на место казни и он увидел приготовленные колеса и колья, то в судорогах ужаса пал на грудь священника, который со слезами обнял его и накрыл своим плащом. Шведский офицер громко зачитал для всеобщего сведения приговор:

«Да будет всем ведомо, что по именному приказу Его Величества, всемилостивейшего нашего повелителя, сей человек, как предатель Отечества, подлежит колесованию и четвертованию в воздаяние за все его преступления и ради устрашающего для всех других примера. Пусть всякий и каждый хранит себя от измены и верно служит королю».

При словах «всемилостивейшего нашего повелителя» и «предатель Отечества» Паткуль вскричал: «Хороша же его милость! Увы! Слишком усердно служил я моему Отечеству!» Ему было дано шестнадцать ударов, и пришлось вынести ужаснейшие и нескончаемые страдания, какие только можно себе вообразить. Так сгинул Иоганн Рейнгольд Паткуль, генерал и посланник российского императора.

Все те, кто видели в нем лишь изменника королю, почитали таковую смерть заслуженной, но другие, признавая его за ливонца, отстаивавшего привилегии сей

провинции, называли его мучеником свободы. Однако и те, и другие соглашались в том, что как царский посланник имел он священное право неприкосновенности. Один лишь шведский король в своем упоении принципами деспотизма не сомневался в справедливости сей казни, хотя вся Европа осуждала его жестокосердие.

Рассеченные члены несчастного были выставлены для всеобщего обозрения и оставались на виду вплоть до 1713 г., когда возвративший себе трон Август повелел собрать сии свидетельства собственного своего альтранштадтского унижения, и они были доставлены в Варшаву. Показывая их французскому посланнику господину де Бюзенвалю, король сказал только: «Вот останки Паткуля», — и ничего более не присовокупил касательно одобрения или осуждения его памяти. Прочие из присутствовавших не решились что-либо добавить к сему, понимая всю деликатность и прискорбность сего дела.

Около того же времени другой ливонец, саксонский офицер Пайкель, взятый в плен с оружием в руках, по приговору Сената был осужден в Стокгольме на смерть, но всего лишь через отсечение головы. Таковая разница самого рода казни за одно и то же преступление явственно доказывает, что, предавая Паткуля столь мучительной смерти, Карл более думал о мести, нежели о наказании. После суда Пайкель предложил в обмен на помилование раскрыть секрет получения золота и в тюрьме показал, что действительно умеет делать это. При сем присутствовали полковник Гамильтон и городские чины. То ли он и вправду изобрел какой-то полезный способ, то ли смог всех ловко одурачить, что, конечно, более вероятно, но на стокгольмский монетный двор прислали золото, обнаружившееся в тигле после совершения его опыта. Дело сие было доложено Сенату

и воспринято как наиважнейшее, настолько, что королева-бабка повелела отсрочить казнь до получения дальнейших приказаний самого короля.

Карл же ответствовал, что отказал друзьям в помиловании преступника и никогда не поставит денежную выгоду превыше отношений дружества. Сия неуступчивость имела в себе нечто героическое, поелику сам он полагал таковой секрет вполне возможным. Король Август, узнав обо всем этом, сказал: «Не удивительно, что шведский король толико безразличен к философическому камню, ведь он нашел его в Саксонии».

Когда царь известился о сем, ни на что не похожем мире, каковой, вопреки всем договорам, Август заключил в Альтранштадте, и что полномочный его посланник в нарушение всех международных законов был выдан шведскому королю, разразился он протестами, отправленными ко всем европейским дворам: германскому императору, королеве Англии и Генеральным Штатам Объединенных Провинций. Ту болезненную необходимость, каковая вынудила к сему Августа, называл он подлостью и предательством и заклинал все сии державы оказать содействие в возвращении российского посланника, дабы загладить афронт, нанесенный в его лице всем коронованным особам. Он призывал не унижаться до признания альтранштадтского трактата, чего с угрозами требовал Карл. Но письма его только еще раз показали все могущество шведского короля. Императору, Англии и Голландии приходилось вести разорительную войну с Францией, и они не посчитали уместным раздражать Карла отказом в пустой формальности, каковой были гарантии сего трактата. Что касается несчастного Паткуля, то ни одна из держав не предложила своего посредничества, показав этим, сколь мало могут надеяться

подданные на своих государей и как все короли боялись тогда монарха, восседавшего на шведском троне.

У царя в совете предлагали для ответного возмездия наказать пленных шведских офицеров, привезенных в Москву, но Петр не пожелал прибегать к варварским сим мерам, каковые имели бы весьма пагубные следствия, ибо в Швеции было более московитских пленников, нежели шведских в Москве.

Царь искал более выгодные для себя способы. Находившаяся в Саксонии многочисленная армия его противника пребывала в бездействии. Генерал Левенгаупт, остававшийся в Польше с двадцатью тысячами солдат, не мог охранять все проходы в сей стране, не имевшей крепостей, но зато отягощенной множеством партий. Станислав находился в лагере Карла XII. Московитский император воспользовался сими обстоятельствами и возвратился в Польшу во главе шестидесятитысячного войска, которое разделил на несколько корпусов, а сам с летучим отрядом подошел ко Львову, где не было оставлено шведского гарнизона. Все польские города оказываются под властью тех, кто приходит к ним с оружием. Царь повелел созвать во Львове такое же собрание, как и варшавское, низложившее Августа.

В Польше было тогда не только два короля, но и два примаса, назначенные Августом и Станиславом. Первый из них созвал собрание во Львове, куда съехались все те, кого после Альтранштадтского мира покинул Август, а также и другие, польстившиеся на деньги царя. Им было предложено избрать нового монарха. Поставить в Польше трех королей дело не такое уж трудное, сложнее определить единственно законного из них.

Во время львовских переговоров царь, связанный с императором Германским общим страхом перед Карлом,

добился присылки к нему многих немецких офицеров. Сии последние день ото дня усиливали его армию, принося с собою дисциплину и воинскую опытность. Он приманивал их милостями и щедротами, а для поощрения своих войск пожаловал за победу при Калише каждому генералу и полковнику собственный портрет с бриллиантами, офицерам — золотые медали и рядовым солдатам — серебряные. Сии памятные знаки были выбиты в новом его граде Петербурге, где уже начали процветать искусства по мере того, как приучал он свою армию к духу соревновательности и славы.

Всеобщая смута, множество партий, непрестанное опустошение страны — все это помешало львовскому Сейму принять какое-либо решение, и царь переместил его в Люблин. Но перемена места отнюдь не уменьшила всех сих замешательств: собрание ограничилось лишь тем, что не признало ни отрекшегося Августа, ни избранного помимо его воли Станислава. Для избрания короля не доставало ни единства, ни мужества. Во время сих бесплодных прений столкнулись сторонники князей Сапегов, Огинского, а также те, которые тайно поддерживали Августа, с новыми подданными Станислава. Они опустошали земли друг друга и довершали всеконечную погибель своего Отечества. Войска Левенгаупта, разбросанные по Ливонии, Литве и Польше, преследовали московитов и сжигали все на своем пути, за исключением имений тех, кто твердо стоял за Станислава. Русские уничтожали одинаково и друзей, и врагов. Глаз не находил ничего, кроме сожженных городов и бродячих польских отрядов, собранных из лишившихся всего людей, кои равно ненавидели и обоих своих королей, и Карла XII, и царя.

15 июля 1707 г. король Станислав уехал из Альтранштадта в сопровождении генерала Реншильда и шест-

надцати шведских полков. Он вез много денег, предназначавшихся для успокоения Польши и мирного признания его как монарха. Повсюду, где бы он ни проезжал, его признавали законным королем. Дисциплина его войск, особенно в сравнении с варварством московитов, завоевывала для него души. Почти все партии, видя отменную его приветливость и ласку, присоединялись к нему. Деньги дали Станиславу поддержку подавляющего большинства коронной армии. В то же время царь, опасаясь недостатка продовольствия среди разоренной им страны, ушел в Литву, где был назначен общий сбор всех его корпусов и отрядов и где намеревался он устроить свои магазины. Сие отступление дало королю Станиславу возможность мирно царствовать почти во всей Польше.

Единственный, кто тогда досаждал ему, был граф Сенявский, великий коронный гетман, назначенный еще королем Августом. Сей человек изрядных талантов и еще больших амбиций стоял во главе третьей партии, не признававшей ни Августа, ни Станислава. Когда все его усилия быть самому избранным на престол оказались тщетными, графу пришлось довольствоваться ролью предводителя партии. Коронные войска, остававшиеся под его началом, не получали никакого жалованья, кроме свободы безнаказанно грабить собственную свою страну. Поэтому все те, кто имел основания опасаться сих разбоев или уже претерпевшие от них, перешли на сторону Станислава, чья власть укреплялась с каждым днем все больше и больше.

В то время король шведский принимал в своем альтранштадтском лагере посланников от государей почти всего христианского мира. Одни умоляли его покинуть пределы Империи, другие интриговали, дабы,

наоборот, обратил он свое оружие противу императора. Распространился даже слух, что он вознамерился соединиться с Францией противу Австрийского Дома. Среди сих посланников явился от имени английской королевы Анны славный герцог Джон Мальборо. Муж сей, еще не знавший ни единого поражения ни в осадах, ни в регулярных баталиях, был вместе с тем ловким придворным в Сент-Джемском дворце, главой партии в парламенте и не имел себе равных на переговорах с иностранными державами. Франции нанес он не меньший ущерб умственными своими талантами, нежели успехами оружия. Секретарь Генеральных Штатов господин Фагель, человек весьма заслуженный, рассказывал, что Штаты неоднократно решались противодействовать предложениям герцога Мальборо, однако являлся сам герцог и на своем ужасном французском языке переубеждал всех. Сие подтверждал мне и лорд Болингброк.

Вместе с сотоварищем своим по оружию принцем Евгением и великим пенсионарием Нидерландов Гейнзиусом герцог вынес все тяготы действий союзников противу Франции*. Он знал о недовольстве Карла

* Имеется в виду война за Испанское наследство (1701–1714 гг.) после пресечения династии испанских Габсбургов, вызванная длительной борьбой Франции с испанскими и австрийскими Габсбургами за господство в Европе. На стороне императора Священной Римской Империи Германской Нации выступили Англия, Нидерланды, большинство германских государств, Дания и Португалия. В результате войны ставленнику Франции Филиппу V Бурбону была оставлена Испания с колониями, Австрия получила испанские владения в Нидерландах и Италии. Англии достались Гибралтар и остров Менорка, территории в Северной Америке, а также монопольное право работорговли в испанских колониях.

императором и о тайных происках французов, и если бы Швеция поддержала Людовика XIV, от сего воспоследовали бы великие беды и несчастия.

Правда, Карл обещал никак не вмешиваться в войну французского короля противу союзников, однако герцог Мальборо не верил в существование таких государей, которые столь рабски зависят от данного слова, чтобы не пожертвовать им ради выгоды и усиления своего могущества. Поэтому он приехал из Гааги, намереваясь выведать планы шведского короля. Господин Фабрис, находившийся тогда при Карле XII, рассказывал мне, что герцог Мальборо сразу по прибытии тайно обратился не к первому министру графу Пиперу, но к барону Гёрцу, который уже разделял с графом доверенность короля. Он даже приехал в главную квартиру Карла в карете барона, и между ним и канцлером Пипером возникло явное охлаждение. Представленный Пипером вместе с английским посланником Робинсоном королю, обратился он к сему последнему по-французски и сказал, что был бы счастлив научиться под его командою тому, чего недостает ему в познании военного искусства. Карл не ответствовал на сей комплимент никакой любезностью и, казалось, совершенно забыл, что говорит с самим Мальборо. Я слышал, что королю не понравился слишком изысканный его наряд и неподходящий для человека военного внешний вид. Разговор оказался утомительным и беспредметным. Карл XII говорил по-шведски, а Робинсон переводил. Мальборо, который никогда не спешил со своими предложениями и владел искусством постигать людей и понимать связь между самыми тайными их мыслями, делами, жестами и разговорами, внимательно изучал короля. Ему показалось, что у Карла есть природная.

неприязнь к Франции и он как будто с удовлетворением говорил о победах союзников. Когда герцог упомянул имя царя, глаза Карла загорелись, несмотря на спокойный тон их беседы. Кроме того, заметил он на столе карту Московии, и сего было вполне достаточно, дабы проникнуть в истинные замыслы короля и постичь единственное его вожделение — свергнуть вслед за Августом и московитского царя. Герцог понял, что ежели Карл останется в Саксонии, то лишь для того, чтобы предъявить германскому императору некоторые довольно обременительные условия. Он также не сомневался в уступчивости императора и, следовательно, в безболезненном окончании всех сих дел, а потому и предоставил Карла течению собственных его природных склонностей, не сделав ему никаких со своей стороны предложений. Все сии подробности подтвердила мне и вдовствующая герцогиня Мальборо.

Поелику редкие переговоры обходятся без участия денег, и не столь уж редки такие министры, которые продают вражду или приязнь своих повелителей, вся Европа была уверена, что герцог Мальборо преуспел в переговорах со шведским королем, щедро заплатив за это графу Пиперу, по каковой причине репутация сего министра и до сего дня остается под подозрением. Я со своей стороны пытался по мере возможности отыскать источник сего слуха, но узнал только то, что Пипер получил весьма скудный подарок от императора из рук графа Вратислава и с дозволения самого короля, но ничего от герцога Мальборо. Твердая решимость Карла низвергнуть российского императора не подлежит никакому сомнению, и он вообще не брал в расчет ничьих советов, а тем более мнения графа Пипера, дабы осуществить уже издавна замышлявшееся им отмщение.

Наконец, в оправдание сего министра служат и те почести, каковые отдал его памяти Карл XII, узнав о смерти Пипера в России. Он повелел перевезти тело его в Стокгольм и предать за королевский счет пышному погребению.

Не испытавший еще поражений или замедления своих успехов король полагал, что для низложения царя ему потребуется не более года, после чего он сможет возвратиться и стать верховным арбитром всей Европы. Однако прежде сего хотел он еще унизить и германского императора.

Случилось так, что шведский посланник в Вене барон Стральгейм поссорился за столом с камергером графом Зобором, который не пожелал выпить за здоровье Карла XII, сказав без обиняков, что король сей слишком дурно обошелся с его государем. Стральгейм обвинил его во лжи и дал пощечину, после чего имел еще дерзость потребовать в имперском суде возмещения. Страх не угодить шведскому королю заставил императора вместо того, чтобы защитить своего подданного, отправить его в ссылку. Но Карл XII не был доволен даже этим, а потребовал еще и выдать ему графа Зобора. Венскому двору пришлось снова поступиться своей честью; графа передали в руки короля, который, продержав его некоторое время пленником в Штеттине, отпустил все-таки на родину.

Более того, шведский король противу всех законов международного права претендовал еще и на выдачу полутора тысяч московитов, кои, спасаясь от его оружия, нашли убежище в пределах Империи. Венскому двору пришлось согласиться и с этим неслыханным требованием. Если бы не ловкость московитского посланника в Вене, который помог сим несчастным бежать

по разным дорогам, все они были бы переданы в руки врагов своих.

Третье, и последнее, из его требований было самым тяжелым. Карл провозгласил себя защитником протестантских подданных императора в Силезии, наследственном владении Австрийского Дома. Он хотел, чтобы император признал за ними привилегии, полученные по Вестфальскому миру*, но утраченные после подписания Рисвикского трактата. Император, стремившийся только к тому, чтобы избавиться от сего опасного соседа, согласился и на это. Силезские лютеране получили на сто церквей больше, чем должны были возвратить от католиков по договору. Однако большинство из сих привилегий, данных во время побед шведского короля, были взяты назад, как только лишился он возможности диктовать свои законы.

Сей император, сделавший все эти вынужденные уступки и склонившийся перед волей Карла XII, именовался Иосифом. Он был старшим сыном Леопольда и братом Карла VI, который впоследствии унаследовал его трон. Папский интернунций, находившийся тогда при Иосифе, горько упрекал его за то, что, будучи католическим императором, он пожертвовал интересами своей религии в угоду еретикам. «Вам еще повезло, — ответствовал ему со смехом император, — что швед-

* Вестфальский мир завершил Тридцатилетнюю войну 1618–1648 гг. между двумя большими группировками европейских государств: Испанией, Австрией, Польшей и католическими князьями Германии, с одной стороны, и Францией, Швецией, Нидерландами, Данией и протестантскими князьями, с другой. По этому договору в Германии были уравнены в правах с лютеранами и католиками кальвинисты, а также узаконена секуляризация церковных земель.

ский король не потребовал от меня обратиться в лютеранскую веру. Случись так, я уж и не знаю, как бы пришлось тогда поступить».

Посланник императора граф Вратислав привез в Лейпциг грамоту с привилегиями для силезцев, собственноручно его государем подписанную. Карл сказал ему, что питает самые дружественные чувства к императору, но для него весьма досадительно видеть все происки Рима, слабость коего вызывает лишь презрение. Половина Европы сделалась непримиримым его врагом, и он поддерживает свой кредит лишь ловкостию при переговорах. Но шведы, которые прежде покорили римлян*, не в пример им отнюдь не выродились, и еще придет время, когда он потребует от Папы возвратить все, оставшееся в Риме после королевы Христины**. Никто не знает, до чего могли бы дойти требования сего юного завоевателя, если бы Фортуна споспешествовала всем его замыслам. Ничто не казалось ему невозможным. Он даже тайно посылал своих офицеров в Азию и Египет, дабы снять планы городов и разузнать о силах держав там расположенных. Несомненно, что если кто и смог бы сокрушить владычество персов и турок, а затем прийти в Италию, то это был бы Карл XII. Он имел возраст Александра, таковую же воинственность и предприимчивость при большей неутомимости, телесной крепости и горячности нрава. Да и шведы стоили большего, чем македонцы. Однако подобные замыслы, именуемые божественными в случае успеха, при неудачах трактуются как химерические.

---

* Имеется в виду взятие Рима в 410 г. вождем германского племени вестготов Аларихом. Древнейшей родиной готов считается южное побережье Балтийского моря.

** См. комментированный указатель имен.

Наконец все трудности были преодолены, и все желания его исполнены. Унизив императора, защитив свою лютеранскую религию от католиков, низложив одного короля и короновав другого, воздвигнувшись как гроза монархов, он приготовился идти далее.

Приятности и утехи Саксонии, где провел он в праздности целый год, ничуть не переменили его образа жизни. Он вставал в четыре часа утра и три раза в день совершал верховые прогулки. Сам одевался, не пил вина, не сидел за столом долее четверти часа, каждодневно учил солдат и не имел иного удовольствия кроме того, чтобы сотрясать всю Европу.

Даже сами шведы еще не знали, куда поведет их король. В армии подозревали только, что Карл может пойти на Москву. За несколько дней до выступления приказал он своему обер-гоффурьеру подать ему в письменном виде сведения о дорогах из Лейпцига... здесь он на мгновение замялся и, дабы нельзя было догадаться о его планах, добавил, смеясь: во все столицы Европы. Обер-гоффурьер принес ему перечень всех сих дорог, во главе которого было написано большими буквами: *Путь из Лейпцига в Стокгольм*. Большинство шведов хотели только возвратиться в свое отечество, но король был весьма далек от того, чтобы доставить им возможность вновь его увидеть. «Господин гоффурьер, — сказал он, — я понимаю, куда вы хотите привести меня, однако же возвратимся мы в Стокгольм не так еще скоро».

Армия уже выступила и проходила мимо Дрездена. Карл ехал, по своему обыкновению, впереди охраны на двести или триста шагов. Внезапно он исчез из вида, и несколько офицеров во весь опор помчались разыскивать повсюду короля, но нигде его не находили.

В одно мгновение вся армия заволновалась и встала на месте. По прошествии некоторого времени узнали, наконец, от одного проходившего саксонца, что же сталось с королем.

Проезжая мимо Дрездена, ему вздумалось нанести визит королю Августу, и он вместе с тремя или четырьмя генералами въехал в город. На заставе спросили их имена, и король сказался драбантом* Карлом; другие также назвали вымышленные имена. Граф Флемминг увидел, как они въезжают на площадь, и едва успел предупредить своего повелителя. Карл вошел к Августу прежде, чем тот смог прийти в себя от изумления. Он был нездоров, сидел в шлафроке и переоделся только в последнюю минуту. Шведский король позавтракал с ним, подобно пришедшему проститься другу, после чего пожелал еще осмотреть городские укрепления. Один беглый ливонец, перешедший на саксонскую службу, посчитал, что ему представляется благоприятный случай получить прощение, и просил короля Августа замолвить за него слово, не сомневаясь в снисходительности Карла к тому, у кого он отобрал корону. Август не затруднился сей просьбою. Он стоял на некотором расстоянии от короля вместе со шведским генералом Хордом и с улыбкою сказал ему: «Полагаю, ваш повелитель не откажет мне». — «Вы не знаете его, — ответствовал генерал, — он скорее откажет именно здесь, нежели в каком-либо другом месте». Однако Август все-таки вступился за ливонца и получил на сие резкий отказ. Через несколько часов Карл обнял Августа и уехал. Возвратившись к армии, он нашел своих генералов еще в волнении, и они сказали

* Драбант — телохранитель у владетельного лица.

ему, что уже приготавливались осаждать Дрезден на случай, ежели Его Величество был бы задержан там силою. «Этого никто не осмелился бы сделать», — отвечал король. Через несколько дней генерал Реншильд в разговоре с ним посетовал на неосторожную его поездку в Дрезден. «Я всегда полагаюсь на свою удачу, — возразил Карл, — хотя и была тогда минута неуверенности. Флемминг, кажется, не хотел выпускать меня из города».

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Победоносный Карл покидает Саксонию и углубляется на Украину. Полтавская баталия. Карл принужден бежать в Турцию

Наконец в сентябре 1707 г. Карл выступил из Саксонии во главе сорокатысячной армии, которая блистала теперь золотом и серебром, захваченным среди прочей добычи в Польше и Германии. Каждый солдат получил по пятьдесят экю. Все полки были не только полностью укомплектованы, но в каждой роте имелись еще и сверхштатные солдаты. Один из лучших генералов, граф Левенгаупт, с двадцатитысячным корпусом ждал короля в Польше, а еще пятнадцать тысяч находились в Финляндии. Кроме сего, из Швеции прибывали и новые пополнения. При наличии такой силы не было никаких сомнений, что король низвергнет московитского царя.

Сей император находился тогда в Литве, занятый воскрешением оставленной королем Августом партии. Его разделенные на несколько отрядов войска бежали при первом известии о приближении Карла, да он и сам рекомендовал всем своим генералам не дожидаться сего завоевателя при таковом неравенстве сил.

Во время победного своего марша шведский король дал аудиенцию турецкому послу в главной квартире графа Пипера, поелику министр сей всегда устраивал у себя торжественные церемонии, поддерживая не слишком блестящим их великолепием достоинство своего повелителя. Сам же король, неизменно плохо устроенный и еще

хуже обслуживаемый, одетый проще, нежели самый последний офицер в его армии, говаривал, что дворец его находится в жилище Пипера. Турецкий посол подарил Карлу сто шведских солдат, захваченных калмыками и выкупленных султаном, который прислал их в качестве самого дорогого подарка, поелику, как естественный враг московитского и германского императоров, хотел заручиться противу них дружественностью Швеции и союзом с Польшей. Посол поздравил Станислава с восшествием на престол, и таким образом король сей за непродолжительное время был признан Германией, Францией, Англией, Испанией и Турцией. Один лишь Папа выжидал, укрепит ли время на его голове корону, которая может быть сбита немилостями судьбы.

Сразу после аудиенции для посланника Оттоманской Порты Карл начал преследование московитов. В течение войны царские войска более двадцати раз вторгались в Польшу и выходили из нее — сия открытая со всех сторон страна не имеет крепостей, которые закрывали бы пути отступления, и посему русские пользовались совершенной свободой неоднократно возвращаться на те места, где их побивали, и даже проникать столь же глубоко внутрь, как и сами победители. Пока Карл находился в Саксонии, царь дошел до Львова, расположенного в самой южной части Польши, а теперь был уже на севере, в Гродно, за сто лье от Львова.

Карл оставил в Польше Станислава, который с помощью тысячи шведов и своих подданных должен был защищать Королевство от врагов внешних и внутренних. Сам он в январе 1708 г. во главе своей кавалерии, невзирая на снега и льды, шел прямо на Гродно.

Он уже переправился через Неман в двух лье от сего города, а царь все еще ничего не знал о его марше. При

первом же известии о приближении шведов царь выехал из города через северные ворота, а Карл вступил в него через южные. У короля было не более шестисот гвардейцев, все остальные не успевали за ним. Царь же бежал более чем с двумя тысячами, уверенный, что к Гродно подошла вся шведская армия. Но в тот же день узнал он от польского перебежчика, что главные силы неприятеля еще только в пяти лье от города, и, не теряя времени, отрядил полторы тысячи всадников для нападения на Карла. Под покровом наступивших сумерек сии московиты подошли неузнанными к первому шведскому посту. Тридцать шведов почти десять минут удерживали натиск полутора тысяч. Находившийся на другом конце города король сразу же прискакал им на помощь, и русские поспешно бежали. Вскоре подошла и вся шведская армия, а сам Карл, не задерживаясь, продолжал преследование неприятеля. Все рассеянные по Литве московитские отряды стремительно отступали на восток к Минскому воеводству, где у самых границ Московии было назначено для них место общего сбора. В свою очередь, шведы, также разделившиеся на несколько отрядов, на протяжении тридцати лье непрестанно гнали их. Оба войска почти каждодневно, несмотря на зимнее время, двигались форсированными маршами. Уже давно и для солдат Карла, и для солдат царя все времена года сделались одинаковыми. Разница между русскими и шведами заключалась лишь в том ужасе, каковой внушало само имя Карла.

Вся страна к востоку от Гродно и до Борисфена представляет собой болота, пустоши и нескончаемые леса; даже в самых земледельческих местах нельзя было добыть продовольствия — крестьяне зарывали в землю зерно и все, что только сохранялось там. Дабы обнаружить сии подземельные магазины, приходилось

прощупывать почву длинными пиками. И московиты, и шведы попеременно пользовались сими запасами, однако им не всегда удавалось находить оные, тем более в достаточном количестве.

Король шведский, предвидя таковые затруднения, повелел доставить для пропитания своей армии сухари, и посему ничто не задерживало победоносного его шествия. Пройдя Минский лес, где ежеминутно приходилось валить деревья, дабы расчищать дорогу для людей и обоза, 25 июня 1708 г. он вышел к реке Березине супротив города Борисова.

Царь собрал в сем месте наибольшую часть своих сил и укрепился за сильными ретраншементами, намереваясь воспрепятствовать переправе шведов на другой берег. Карл расположил несколько полков на берегу, как бы показывая, что намерен переходить реку именно в сем месте, на виду у неприятеля. Но всю остальную армию он отвел на несколько лье вверх по течению, поставил там мост и без промедления пошел на неприятеля. Русские, никак не ожидавшие его, отступили к Борисфену, уничтожая все на своем пути, дабы, по крайней мере, задержать продвижение шведов.

Однако Карл преодолевал все препоны и продолжал идти к Борисфену. В местечке Головчин он столкнулся с укрепившимися за болотом двадцатью тысячами московитов, подступиться к коим можно было, лишь перейдя реку*. Король атаковал, не дожидаясь подхода главных сил пехоты, и во главе своих гвардейцев сам бросился в воду, которая местами доходила выше

* По данным акад. Е. В. Тарле, в битве у Головчина с русской стороны сражались не более 8–9 тыс. чел. (См.: Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 510.)

плеч. Кавалерии он приказал обойти болото и ударить во фланг неприятеля.

Конница пробилась сквозь вражеские ряды и в самый разгар боя соединилась с королем. Он тут же вскочил в седло, однако через недолгое время, увидев одного молодого дворянина по имени Гилленштерн, весьма им любимого, который был ранен и не мог идти, Карл заставил его взять свою лошадь, а сам опять встал во главе пехоты. Сия битва изо всех им данных оказалась, быть может, самой примечательной, ибо подвергался он здесь наибольшей опасности и выказал при сем наиболее воинского умения. В память о ней была выбита медаль с надписью на одной стороне: «Silvæ, paludes, aggeres, hostes victi»*, и с другой — из Лукана: «Victrices copias alium laturus in orbem»**.

Преследуемые со всех сторон, русские отошли за Борисфен, который служит границей между их страной и Польшей. Карл не давал им передышки и у Могилева сразу же переправился через сию большую реку. Сей последний польский город, как и все пограничные города, часто переходил из рук в руки то поляков, то московитских царей.

Петр, видя, что Империя его, где насадил он уже искусства и торговлю, вовлечена в войну, которая вскоре может уничтожить плоды всех его великих замыслов и даже самый трон его, решился предложить мирные условия через некоего польского дворянина, который поехал к шведам. Карл XII, привыкший заключать мир с врагами только в их столицах, ответствовал: «Мы

---

* «Леса, болота, холмы, побежденные враги» *(лат.)*.

** «Вели войска побед в иные земли» (Lucan, Pharsalia, V, 238) *(лат.)*.

поговорим об этом с царем в Москве». Когда сему последнему донесли о словах его, он сказал: «Брат мой Карл все время хочет быть Александром, но я льщу себя надеждой, что не обретет он во мне второго Дария».

В тридцати лье к северу от Могилева по течению Борисфена, вдоль московско-польской границы, начинается смоленская земля, через которую проходит большая дорога из Польши на Москву. Царь отступал по ней, Карл форсированными маршами преследовал его. Московитский арьергард неоднократно схватывался с драгунами шведского авангарда, которые почти всегда одерживали верх. Однако шведы только растрачивали свои силы в сих мелких, ничего не решающих стычках и понапрасну теряли своих людей.

22 сентября 1708 г. король атаковал у Смоленска десятитысячный отряд кавалерии, усиленный шестью тысячами калмыков.

Калмыки сии — это татары, обитающие между принадлежащим российскому императору Царством Астраханским и Царством Самаркандским, страною узбекских татар и родиною Тимура, известного под именем Тамерлана. Калмыки живут к востоку, вплоть до самых гор, отделяющих монголов от Западной Азии. Считается, что царь обладает абсолютной властью над астраханскими калмыками, кои платят ему дань, однако же сему препятствует их кочевая жизнь, и поэтому обращается он с ними так же, как турецкий султан с арабами — то не обращает внимания на их грабежи и бесчинства, то строго карает. В московитском войске всегда есть калмыки, царю удалось даже приучить их к дисциплине, как и других своих солдат.

Карл напал на сие войско, имея всего шесть полков кавалерии и четыре тысячи пехотинцев. Встав во

главе Остроготского полка, атаковал он, прежде всего, тех московитов, кои отступали перед ним. Король преследовал их по разбитой дороге до того места, где сидели в засаде калмыки. Они бросились на шведов и отрезали весь полк от остальной армии. В единое мгновение король оказался окружен неприятелями. Были убиты двое сражавшихся рядом с ним адъютантов и его лошадь; ординарец подвел ему другую, но сам был тут же изрублен вместе с нею в куски. Карл дрался пешим, окруженный несколькими офицерами.

Многие были схвачены, ранены или убиты, или же оказались вдалеке от короля, оттесненные толпой нападающих. Возле Карла оставалось всего пятеро. Он собственноручно сразил более дюжины врагов, не получив при этом по какому-то невероятному везению ни единой царапины. Удача все еще повсюду сопровождала его, и он неизменно на нее полагался. Наконец полковник Дальдорф пробился через калмыков с ротой своего полка, как раз вовремя, чтобы выручить короля. Шведы не пощадили никого из этих татар. Армия построилась, Карл сел на коня и, невзирая на усталость, еще целых два лье преследовал русских*.

---

* Здесь имеется в виду бой у деревни Раевки, окончание которого так описано акад. Е. В. Тарле на основании письма Петра I к Ф. М. Апраксину: «Выручив короля <...>, шведы вернулись назад. Когда шведы возвращались, то регулярная наша конница их не преследовала, а снова были пущены в ход казаки, которые „на неприятельских флангах многих копьями покололи". Петр считает урон шведов в этот день в 1 тыс. человек. До позднего вечера велся пушечный огонь по отступавшим шведам. Русские тоже отошли к своим позициям. Петр все время лично командовал в этом деле и даже „виден нам был король шведский самой особою своею"». (См.: Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 527–528.)

Победитель все время шел по большой дороге к столице Московии. Расстояние между Смоленском, где произошло сие сражение, и Москвой составляет около ста французских лье. У армии почти не оставалось съестных припасов, и все умоляли короля подождать генерала Левенгаупта, который должен был доставить оные вкупе с подкреплением в пятнадцать тысяч солдат. Но король, который редко слушался советов, не только не согласился с разумным сим мнением, но, к величайшему удивлению всей армии, повернул с московской дороги на юг, к Украине, в страну казаков, расположенную между Малой Татарией, Польшей и Московией. Страна сия имеет протяженность с юга на север около ста наших лье и почти столько же от востока на запад. Она разделяется приблизительно на две равные части Борисфеном, который течет с северо-запада на юго-восток. Главный город Батурин стоит на реке Сейм. В самой северной части Украины процветает земледелие, но южная, доходящая до сорок восьмого градуса, хотя и не имеет равных себе по плодородию, являет собою совершенную пустыню. Дурное правление не дает здесь пользоваться всеми теми благами, коими природа одаривает человека. Обитатели сих мест, соседствующих с Малой Татарией, ничего не сеют и не выращивают, поелику буджакские* и перекопские татары и молдаване, сии разбойные народы, все равно похитили бы их урожаи.

Украина всегда хотела быть свободной, однако окруженная со всех сторон Московией, владениями султана и Польшей, принуждена была искать для себя

* Буджак — название южной части бывшей Бессарабской губернии.

защиты в лице властителя какой-либо из сих трех держав. Первоначально находилась она под протекторатом Польши, каковая трактовала ее как побежденную страну, затем предалась она московитам, старавшимся по мере сил своих обратить ее в рабское состояние. Украинцы пользовались сначала привилегией самим избирать для себя государя, именовавшегося гетманом, но вскоре были лишены сего права, и гетман стал назначаться московитским правительством*.

В то время должность сию исполнял польский дворянин по имени Мазепа, родившийся в Подольском воеводстве. Он воспитывался в качестве пажа при дворе короля Яна Казимира и даже воспринял там некоторый лоск литературной образованности. Еще в молодые годы у него была интрига с польской дворянкой, муж которой, прознав про сие, велел привязать обнаженного любовника к лошади и прогнать на волю судьбы. Украинская лошадь привезла его полумертвым в свою страну, где крестьяне оказали ему гостеприимство. Превосходство познаний доставило ему всеобщее уважение среди казаков. Репутация Мазепы возрастала день ото дня, что и побудило царя назначить его гетманом Украины**.

Однажды, во время пребывания его в Москве, царь предложил ему привести казаков в еще большее подчинение. Мазепа отвечал, что положение Украины и сам характер нации представляют для сего препятствия непреодолимые. Разгоряченный вином царь, не всегда умевший сдерживать свой гнев, обозвал его изменником и пригрозил посадить на кол.

---

* Избрание гетманов было запрещено в 1722 г. после смерти гетмана И. И. Скоропадского.

** Мазепа был избран гетманом в 1687 г. еще в правление царевны Софьи.

Возвратившись на Украину, Мазепа вознамерился поднять бунт. Явившаяся на границах шведская армия лишь облегчала исполнение сего замысла. Он хотел добиться независимости и сделать из Украины и остатков Российской Империи сильное королевство. Это был отважный и предприимчивый человек, способный на неустанные труды, хотя и достигший уже весьма преклонных лет. Он вступил в тайное соглашение с королем шведским, дабы ускорить падение царя и извлечь из сего для себя пользу.

Карл назначил местом их соединения реку Десну, и Мазепа обещал явиться туда с тридцатитысячным войском, съестными и военными припасами и несметными сокровищами. Именно в этом направлении и двигалась шведская армия к великому сожалению всех офицеров, которые ничего не ведали о сговоре короля с казаками. Карл послал Левенгаупту приказание идти с войсками и обозом на Украину, где он намеревался провести зиму и, укрепившись в сей стране, с началом весны приступить к завоеванию Московии. А пока он двигался к Десне, которая впадает в Борисфен у Киева.

Препятствия, встречавшиеся до сего времени, оказались незатруднительными по сравнению с теми, кои возникли теперь на новом пути: пришлось продираться через болотистый лес, растянувшийся на пятьдесят лье. Командовавший пятитысячным авангардом генерал Лагеркрон отклонился на тридцать лье к востоку от верного направления. Только через четыре дня король понял его ошибку, и с превеликими трудами пришлось возвращаться обратно. Однако почти вся артиллерия и весь обоз увязли в болотах.

Наконец после тяжелого двенадцатидневного марша, когда были уже съедены последние сухари, сия

обессиленная и изголодавшаяся армия подошла к месту, назначенному у Десны Мазепой. Но вместо самого гетмана здесь оказался отряд московитов, двигавшийся к противоположному берегу. Изумленный король решился тем не менее сразу переправляться и атаковать неприятеля. Берега сей реки весьма круты, и солдат пришлось спускать вниз на веревках. Переправлялись по уже принятому обыкновению: одни с помощью наспех сооруженных плотов, другие вплавь. Подошедший тем временем отряд московитов не насчитывал и восьми тысяч человек, которые недолго сопротивлялись, так что и сие препятствие было преодолено.

Карл шел по этой разоренной стране, не будучи уверен ни в правильности пути, ни в верности Мазепы. Теперь сей казак выглядел скорее беглецом, нежели сильным союзником. Московиты предвидели и раскрыли его замыслы. Они напали на его казаков и изрубили их. Главные его сообщники, числом около тридцати, взятые с оружием в руках, погибли на колесе. Принадлежавшие ему города были сожжены до пепла, сокровища разграблены, а собранные им для шведского короля припасы захвачены. Он едва спасся вместе с шестью тысячами человек* и несколькими повозками, нагруженными золотом и серебром. Но, по крайней мере, Карл надеялся, что гетман даст ему сведения о сей неизвестной стране и привлечет к себе всех озлобленных против России казаков, которые явятся к нему в лагерь с достаточными для пропитания всех запасами.

Карл рассчитывал и на то, что обоз генерала Левенгаупта возместит возникшую сию недостачу. Он

* Отряд Мазепы не превосходил и 2 тыс. чел. (См.: Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 577, 578.)

должен был привести около пятнадцати тысяч шведов, стоивших больше, чем сто тысяч казаков, и доставить также съестные и военные припасы. Но Левенгаупт явился почти в таком же состоянии, что и Мазепа.

Он уже перешел Борисфен выше Могилева и продвинулся по украинскому тракту на двадцать наших лье. Левенгаупт вез конвой из восьми тысяч повозок и деньги, собранные им в Литве. Когда он подошел к деревне Лесной, при соединении рек Прони и Сожа, появился Петр во главе сорокатысячной армии*.

Шведский генерал, имевший всего шестнадцать тысяч солдат, не озаботился тем, чтобы укрепиться за ретраншементами. Непрестанные победы внушили шведам таковую уверенность в себе, что они никогда не осведомлялись о численности неприятеля, но лишь о том месте, где оный обретается. Посему 7 октября после полудня Левенгаупт атаковал московитов, коих при первом же натиске сразу полегло полторы тысячи. Смятение охватило армию царя, и она ударилась в беспорядочное бегство. Российский император уже видел перед собой свое всеконечное поражение и понимал, что от сей битвы зависит спасение его державы, и если Левенгаупт победит и соединится с королем, погибель неминуема.

Видя, что войска начинают отступать, он поскакал к стоявшим в арьергарде казакам и калмыкам. «Приказываю, — вскричал он, — стрелять в любого бегущего, и ежели сам я окажусь таковым трусом, убивайте и меня!» Затем возвратился он к авангарду и самолично с помощью князя Меншикова и князя Голицына собрал солдат. Левенгаупт, имевший строжайшие пред-

* У Петра было 4830 чел. пехоты и 6795 чел. кавалерии. (Там же. С. 547.)

писания идти к королю, предпочел бы продолжать свой марш, полагая, что сделал уже вполне достаточно, дабы отбить у неприятеля охоту преследовать его.

На следующий день в одиннадцать часов царь атаковал Левенгаупта возле болота и развернул свою армию так, чтобы окружить его. Но шведы повсюду стойко сопротивлялись. В течение двух часов обе стороны дрались с равным упорством. Потери московитов были втрое большими, но никто не уступал, и победа оставалась нерешенной.

В четыре часа генерал Боур привел к царю подкрепления, и битва возобновилась уже в третий раз, но с еще большей яростию и ожесточением и продолжалась до темноты. Наконец численное превосходство возобладало. Шведы дрогнули, и неприятель прорвался к обозу. Левенгаупт собрал солдат за повозками. Шведы были побеждены, но ни один из девяти тысяч не побежал. Генерал построил их в ордер баталии, как если бы ничего не случилось. Царь также провел ночь, оставаясь в полной готовности. Под страхом разжалования офицерам и смерти солдатам он запретил отлучаться для грабежа.

С восходом солнца Петр предпринял новую атаку. Левенгаупт уже отошел на несколько миль в более удобную местность, предварительно заклепав часть своих пушек и поджегши обозные повозки.

Московиты успели как раз вовремя, чтобы спасти обоз от пламени, и им досталось более шести тысяч повозок. Жаждавший полного разгрома шведов царь послал генерала Флюга атаковать их в пятый раз. Сей генерал предложил Левенгаупту почетную капитуляцию, но тот отказался и пятый раз вступил в бой, столь же кровопролитный, как и все предыдущие. Из девяти тысяч еще остававшихся у него солдат он потерял по-

ловину, но другая половина устояла. Наконец, с наступлением ночи, выдержав пять боев противу сорокатысячного войска*, Левенгаупт, с оставшимися у него пятью тысячами, перешел через Сож. Царь потерял около десяти тысяч человек**, но приобрел славу победителя шведов, а Левенгаупту оставалась только честь того, что он в течение трех дней оспаривал победу и отступил, не будучи сбит с последней своей позиции. Таким образом, явился в лагерь повелителя своего, не окончательно в обороне, но без припасов и без армии.

Теперь у шведского короля уже окончательно не оказалось ни провизии, ни сообщения с Польшей, окруженной врагами. Единственною его опорою было только собственное его мужество.

При всех сих крайностях наступавшая памятная зима 1709 г., куда более страшная на границах Европы, чем у нас во Франции, уничтожила значительную часть шведской армии. Карл бросал вызов стихиям, так же, как он делал это по отношению к врагам, совершая долгие переходы при смертельных холодах. Во время одного из таких маршей прямо у него на глазах погибли от холода две тысячи человек. У кавалеристов не осталось сапог, у пехотинцев — башмаков. Мундиры износились до окончательной непригодности. Солдаты сами кто как умел шили себе обувь из кожи животных; часто недоставало даже хлеба. Из-за нехватки тягловых лошадей пришлось утопить в болотах и реках почти все

---

* В своей «Истории России» Вольтер пишет, что, по новым сведениям, у царя было только двадцать тысяч человек. *(Примеч. франц. издателя.)*

** Русские потеряли 1110 чел. убитыми и 2856 чел. ранеными из участвовавших в бою 10 тыс. чел. (См.: Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 555.)

пушки. От сей столь блестящей прежде армии осталось двадцать четыре тысячи заморенных почти до смерти солдат. Из Швеции уже не доходило никаких вестей.

Маркиз де Бранка, впоследствии французский посланник в Швеции, рассказывал мне, что один солдат осмелился при всей армии подать королю кусок совсем черного хлеба, заплесневелого и испеченного из ячменя и овса — единственной тогдашней пищи, которой и то недоставало. Карл хладнокровно взял хлеб и весь съел, после чего сухо сказал солдату: «Хлеб нехорош, но его можно есть». Подобные, хотя и незначительные, случаи более, чем все другое, помогали шведской армии переносить крайние тяготы, каковые при любом другом полководце были бы нестерпимыми.

Находясь в бедственном сем положении, Карл получил наконец известия из Стокгольма, в коих уведомлялось о кончине его сестры, герцогини Голштинской, воспоследовавшей в декабре 1708 г. от оспенной болезни на двадцать седьмом году жизни. Сия принцесса была столь же сострадательна и мягкосердечна, насколько брат ее отличался твердостию воли и упорной мстительностью. Но к ней относился он с неизменной нежностью, и потеря эта тем паче была для него горестна, что подступившие к нему несчастия сделали его несколько чувствительнее.

Также узнал он, что во исполнение его приказов собраны войска и деньги, однако же ничего из сего не могло быть доставлено к нему в лагерь, поелику сей последний отстоял от Стокгольма почти на пятьсот лье, и путь этот был прегражден превосходящим по численности неприятелем.

Царь, не менее деятельный, чем Карл, после того как отправил в Польшу войска на помощь конфеде-

ратам* генерала Сенявского противу Станислава, не медля, посреди суровой зимы, двинулся на Украину. Он и там продолжал все ту же стратегию ослабления неприятеля в мелких стычках и вполне резонно рассудил, что в конце концов шведская армия за отсутствием подкреплений уничтожится сама собой. Жестокие морозы принудили противников пойти на временное прекращение военных действий. Однако уже с 1 февраля война продолжилась среди снегов и льдов.

После нескольких неудачных стычек у Карла оставалось всего восемнадцать тысяч шведов, да и те не перемерли от голода и лишений только благодаря помощи казачьего князя Мазепы. В таковых обстоятельствах царь предложил Мазепе возвратиться под его руку, однако сей последний остался верен новому своему союзнику, то ли памятуя об ужасной казни своих сообщников и боясь за самого себя, то ли желая отомстить за них.

Но Карл со своими восемнадцатью тысячами шведов отнюдь не оставил намерения дойти до Москвы. В конце мая он осадил Полтаву, что на реке Ворскле, в тридцати больших лье от Борисфена. Это уже земля запорожцев, самого необыкновенного в свете племени, представляющего собой смесь русских, поляков и татар. Все они исповедуют своего рода христианскую веру и занимаются разбоями наподобие флибустьеров**. Запорожцы избирают предводителя, которого сами же и смещают, а неред-

---

* Конфедераты — члены политических военных союзов шляхты (конфедераций).

** Флибустьеры — первоначально (1625 г.) французские каперы, грабившие испанские поселения и суда в Карибском море. Они образовали в Вест-Индии нечто вроде самостоятельного пиратского государства, находившегося под покровительством Франции. Прекратили свое существование к началу XVIII в.

ко даже предают смерти. Они не терпят у себя женщин, но похищают в окрестных местностях детей, коих воспитывают в своих нравах и обычаях. Летом они на войне, а зимой живут в огромных сараях по четыреста или пятьсот человек в каждом. Они ничего не боятся, ничем не ограничивают свою свободу и готовы ради самой ничтожной добычи рисковать смертию с той же отвагой, каковую выказывал Карл XII для того, чтобы раздавать короны. Царь послал им шестьдесят тысяч флоринов, надеясь привлечь их к себе. Они взяли эти деньги, но по интригам Мазепы встали на сторону Карла. Хотя служба запорожцев была невелика, поелику им казалось смехотворным сражаться не ради добычи, однако уже то, что от них не воспоследовало никаких помешательств, стоило само по себе многого. Всего к Карлу явилось их около двух тысяч. Когда однажды утром королю представляли десять запорожских начальников, только с превеликими трудностями удалось сохранить оных в трезвости, потому что именно с пьянства у них принято начинать день. Их привели к траншее, и они показали умение поражать из длинных карабинов любых неприятелей на выбор с расстояния шестисот шагов. Карл присоединил к этим разбойникам еще несколько тысяч волохов, которых продал ему хан Малой Татарии. Итак, со всем этим войском, состоявшим из восемнадцати тысяч шведов, запорожцев, казаков и волохов, осадил он Полтаву. Вся армия составляла около тридцати тысяч человек, но это было изнуренное и всего лишившееся войско. В Полтаве находились магазины, и если бы король взял ее, для него могла бы вновь открыться дорога на Москву, или, по крайней мере, получил бы он возможность дождаться там подкрепления из Швеции, Ливонии, Померании и Польши, на которые он не переставал надеяться. Поэтому Карл

с такой настойчивостью и осаждал сей город. Мазепа, имевший в Полтаве своих людей, уверял его в скором ее падении. Дух солдат поднялся, они видели во взятии Полтавы конец всех своих бедствий.

Уже с самого начала осады король понял, что он уже обучил своего врага искусству войны. Несмотря на все предосторожности шведов, князь Меншиков сумел ввести в город подкрепления, и гарнизон таким образом усилился до пяти тысяч защитников.

Из крепости делались вылазки, иногда успешные, но неприступность Полтавы обеспечивалась, прежде всего, приближением царя с семидесятитысячной армией. Карл XII сам увидел ее в день своего рождения 27 июня во время рекогносцировки и тогда же обратил в бегство один из ее отрядов. Но при возвращении в лагерь он был ранен выстрелом из карабина. Пуля пробила сапог и раздробила пятку, однако на лице его не заметили ни малейшей перемены, и он, сохраняя полное спокойствие, продолжал отдавать приказы и еще шесть часов оставался в седле. Кто-то из слуг, приметив, что весь его сапог в крови, побежал за хирургами. Боль настолько усилилась, что пришлось снимать короля с лошади и нести на руках в палатку. Хирурги осмотрели рану и рекомендовали ампутацию. Невозможно описать то волнение, которое охватило всю армию. Один из хирургов, более опытный и смелый, по имени Нейман, заявил, что можно спасти ногу короля, если сделать глубокие разрезы. «Тогда приступайте к делу, — сказал Карл, — режьте смелее и ничего не бойтесь». Он сам держал ногу обеими руками и смотрел на разрезы, как если бы делали их кому-то другому.

Даже в то самое время, когда накладывали ему повязку, король отдавал приказы к предстоящему штурму. Но

едва успел он распорядиться этим, как пришло известие о приближении всей неприятельской армии. Надобно было менять планы. Карл оказался между Борисфеном и текущей у Полтавы рекой, в пустынной местности, где не было надежных позиций, отрезанный от путей отступления, лишенный возможности добывать продовольствие и уже почти без воинских припасов. В сей крайности он не стал собирать воинский совет, как о том многие сообщали, а в ночь с 7-го на 8 июля призвал к себе фельдмаршала Реншильда и без рассуждений и колебаний приказал ему готовиться к завтрашнему штурму. Реншильд не стал возражать и удалился. Выходя из палатки, он повстречал графа Пипера, с которым уже давно был в весьма натянутых отношениях, как это часто случается между министрами и генералами. Пипер спросил его, есть ли что-либо новое, но Реншильд, не задерживаясь, лишь с холодностию отвечал: «Нет, ничего». Когда граф вошел к королю, тот спросил, сказал ли ему что-нибудь Реншильд. «Нет, ничего не сказал», — отвечал Пипер. «Так вот, завтра мы даем баталию», — промолвил король. Канцлера весьма испугало столь отчаянное намерение, но он хорошо знал, что повелитель его никогда не изменяет уже принятых решений, и посему лишь молчанием выразил свое изумление.

Решительная сия баталия под Полтавой произошла 8 июля 1709 г. между двумя самыми необычайными монархами, какие только существовали тогда в свете. Карл XII прославился девятью годами непрестанных побед, Петр Алексеевич — девятью годами трудов, создавших армию, равную шведской; один раздавал царства, другой насаждал в своих владениях цивилизацию. Карл любил опасности и сражался лишь для славы; Петр Алексеевич не бежал от опасностей, но воевал только

ради выгоды. Шведский монарх был щедр по величию души, московит если и отдавал что-нибудь, то лишь по расчету собственных интересов. Один являл образец беспримерной трезвости, воздержания и природного великодушия, лишь единожды унизившись до варварства. Другой, так и не избавившись от грубости воспитания и жестоких нравов своей страны, был столь же грозен для собственных подданных, сколь и привержен к чужеземцам; и наконец, толико погряз он во всяческих излишествах, что они сократили дни его. Карл получил титул Непобедимого, которого мог лишиться за единую минуту, но Петру Алексеевичу вся Европа уже присвоила имя Великого, каковое ни одно поражение не могло отнять у него, поелику заслужено оно было отнюдь не победами.

Дабы получить ясное понятие о сей баталии и том месте, где она происходила, надобно представить Полтаву на севере, лагерь короля на юго-востоке, шведский обоз в одной миле позади него и к северу от города реку, текущую с востока на запад.

Царь перешел эту реку в одном лье от города с западной стороны и начал строить лагерь.

С рассветом шведы вышли из траншей, имея при себе лишь четыре железных пушки; все прочие вместе с тремя тысячами солдат оставались в лагере, а еще четыре тысячи — при обозе. Всего на приступ шла двадцать одна тысяча, из коих природных шведов было около шестнадцати тысяч.

Генералы Реншильд, Роос, Левенгаупт, Шлиппенбах, Горн, Спарре, Гамильтон, родственник короля принц Вюртембергский и еще некоторые другие, в большинстве своем видевшие Нарвскую баталию, напоминали младшим офицерам, что в оном сражении восемь тысяч шведов разгромили вдесятеро сильнейших моско-

витов, оборонявшихся в укрепленном лагере. Офицеры говорили об этом солдатам, и все, идя на штурм, елико возможно подбадривали себя.

Короля несли на носилках во главе пехоты. Он приказал выдвинуть вперед часть кавалерии и атаковать неприятеля. В половине пятого часа утра с этого и началась баталия. Вражеская конница находилась на левом фланге московитского лагеря. Князь Меншиков и граф Головин расположили ее в промежутках между редутами, на которых были поставлены пушки. Генерал Шлиппенбах обрушился на эту конницу. Все, кто служил в шведской армии, знают, что почти невозможно устоять перед первым ее натиском. Московитские эскадроны были прорваны и смяты. Чтобы собрать их, прискакал сам царь, шляпа его была прострелена мушкетной пулей, под Меншиковым убило трех лошадей. Шведы уже выкрикивали: *Победа!*

Карл не сомневался в успехе. Еще ночью он отрядил генерала Крейца с пятью тысячами кавалеристов, которые должны были атаковать неприятеля с фланга при наступлении главных сил по фронту. Но, к несчастью, Крейц заблудился и не появлялся более. Царь, почитавший себя уже разгромленным, получил время собрать свою кавалерию и сам обрушился на королевскую конницу, каковая, не имея поддержки отряда Крейца, была, в свою очередь, смята. Одновременно семьдесят две пушки начали пальбу из лагеря по шведам. Русская пехота вышла из своих линий и атаковала неприятеля. В этом бою был пленен генерал Шлиппенбах.

Теперь царь отправил князя Меншикова занять позицию между Полтавой и шведами, и тот умело и расторопно исполнил сей приказ. Меншиков не только прервал сообщения шведской армии с войсками, находившимися в лагере перед Полтавой, но, встретив резервный отряд

из трех тысяч человек, окружил его и изрубил в куски. Ежели совершил он это по собственному вдохновению, значит, Россия обязана ему своим спасением, если же произошло сие по приказу самого царя, то в сем случае Петра Алексеевича должно почитать достойным соперником Карла XII. Тем временем московитская пехота продолжала идти вперед, а шведская кавалерия собралась в четверти лье от неприятельской армии. Король приказал начинать генеральную баталию.

Все остававшиеся у него войска построил он в две линии, поставив пехоту в центре, а кавалерию на флангах. Точно так же расположил свои войска и царь, имевший численное преимущество и семьдесят две пушки против четырех шведских, для которых почти совсем не оставалось пороха.

Московитский император находился в центре, он имел тогда чин всего лишь генерал-майора и по субординации должен был подчиняться генералу Шереметеву. Петр ездил по рядам войск на арабском скакуне, подаренном ему султаном, вдохновляя офицеров и солдат, и обещал каждому достойную награду.

Баталия возобновилась в девять часов утра. Первыми же залпами московитских пушек были убиты две лошади, везшие коляску Карла. Он велел запрячь других, но второй залп разнес в щепки сам экипаж и повалил короля наземь. Из двадцати четырех драбантов, подбежавших, чтобы нести короля, двадцать сразу же полегли на месте. Шведы дрогнули. Под убийственным огнем неприятеля первая линия навалилась на вторую, вторая пришла в замешательство и побежала. Десять тысяч русской пехоты сбили с позиции почти всю шведскую армию!

Шведские писатели единогласно утверждают, будто баталия сия была бы выиграна, если бы не досадные

ошибки, однако все офицеры уверены в том, что главная ошибка заключалась в решении дать само сражение, а еще большая — в самом этом походе через дикую страну, вопреки всем разумным советам, да еще противу воинственного неприятеля, втрое сильнейшего и по числу людей, и по находившимся в его распоряжении средствам и припасам, которых не имели шведы. Но все-таки главной причиной несчастья Карла явилась Нарва*.

Принц Вюртембергский, генерал Реншильд и несколько высших офицеров были уже пленены, лагерь под Полтавой взят, и все пришло в непоправимое смятение. Граф Пипер и некоторые чины его канцелярии бежали из лагеря, но не знали ни что им делать, ни того, где теперь находился король. Один майор по имени Бере предложил провести их к обозу, но из-за облаков пыли и порохового дыма, застилавших поле битвы, равно как и вполне натурального замешательства чувств, они оказались на контрэскарпе** городских укреплений и все были пленены.

Король не хотел бежать, но не мог и обороняться. В этот момент возле него находился генерал Понятовский, полковник шведской гвардии короля Станислава, человек редкостных достоинств, чья преданность особе Карла подвигнула его последовать за королем на Украину, не получив никакой командной должности. Сей муж при всех обстоятельствах своей жизни, а особливо в случаях опасности, обладал даром быстрых и удачных решений. Он дал знак двум драбантам, и они,

---

* Имеется в виду легкая победа под Нарвой, вскружившая Карлу XII голову и послужившая причиной многих опрометчивых действий с его стороны.

** Контрэскарп — боковая поверхность наружного рва укрепления.

подняв короля, посадили его на лошадь, хотя это и доставляло ему нестерпимые страдания.

Несмотря на то что Понятовский никем и ничем не командовал, однако, оказавшись в такой крайности, собрал он вокруг Карла пятьсот всадников — драбантов, офицеров и простых солдат. Целое лье сей отряд пробивался через десять московитских полков и сумел достичь шведского обоза.

Во время бегства под королем была убита лошадь. Истекающий кровью полковник Гьета отдал ему свою. При отступлении шведский завоеватель переменил двух лошадей, хотя, пока длилась сама баталия, и не мог сидеть в седле.

Небывалое сие бегство уже само по себе много значило при столь великом несчастии, однако же надо было отступать и далее. В обозе нашли карету графа Пипера, а поелику своей собственной у короля со времени отъезда из Стокгольма никогда не бывало, его усадили в сей экипаж и со всем поспешанием направились к Борисфену. Король, не вымолвивший ни слова с той минуты, когда его посадили на лошадь, и до прибытия к обозу, вдруг спросил, что сталось с графом Пипером. «Пленен вместе со всей канцелярией», — ответствовали ему. «А генерал Реншильд и принц Вюртембергский?» — поинтересовался он. «Они тоже в плену», — ответил граф Понятовский. «В плену у русских! — повторил Карл, пожимая плечами. — Тогда уж лучше едем к туркам». Однако на лице короля не замечалось уныния, и всякий, кто увидел бы его, никогда не подумал, что он ранен и побежден.

Пока король отступал, русские завладели его артиллерией, находившейся в лагере под Полтавой, обозом и войсковой казной, где было шесть миллионов звонкой монетой, взятых у поляков и саксонцев. В баталии было

убито почти девять тысяч шведов и казаков, около шести тысяч попали в плен. Оставалось еще шестнадцать тысяч вместе с поляками и казаками. Все они отступали к Борисфену под командой генерала Левенгаупта. Сам король направился другой дорогой в сопровождении всего нескольких всадников. На пути карета сломалась, и его пересадили опять на лошадь. В довершение всех несчастий они еще и заблудились посреди леса. И здесь мужество уже не могло возместить истощившиеся силы. Боль в ране Карла сделалась невыносимой, да и лошадь пала. Невзирая на ежеминутную опасность пленения неприятелем, каковой повсюду его разыскивал, король лег под дерево и проспал несколько часов.

В ночь с 9-го на 10 июля Карл подъехал к берегу Борисфена, где уже находился Левенгаупт, приведший остатки армии. Шведы с радостью и болью смотрели на своего короля, коего почитали уже погибшим. Враг приближался, но для переправы через реку не было ни моста, ни времени, дабы соорудить оный, ни даже пороха для обороны, равно как и провизии, чтобы не дать солдатам умереть с голода. Но все-таки это была шведская армия, а побежденный король — сам Карл XII. Почти никто из офицеров не сомневался, что на сем месте будет занята позиция противу русских, и сами они или погибнут, или победят на берегах Борисфена. Несомненно, именно таковое решение и принял бы Карл, не будь он обессилен лихорадкой от гноившейся раны. Уже давно было замечено, что в большинстве случаев гнойная лихорадка лишает даже храбрейших того инстинкта мужества, который, подобно прочим добродетелям, требует ясной головы. Карл был совершенно не в себе, и везли его словно в обмороке. К счастию, нашлась какая-то развалленная повозка, которая и дотащила короля до реки.

Ее погрузили на небольшую лодку, а сам Карл и генерал Мазепа поместились в другой. Сей последний вез с собой несколько сундуков, наполненных деньгами. Но по причине сильного течения и жестокого ветра пришлось выкинуть за борт более трех четвертей из сих сокровищ, дабы облегчить суденышко. Канцлер Мюллерн и граф Понятовский вместе с несколькими офицерами переправлялись в других лодках. Триста кавалеристов, множество казаков и поляков, доверившись своим лошадям, решились переплыть на них реку, и их сомкнутые ряды, разрезая волны, сопротивлялись течению, но все отставшие погибли в пучине. Из пехоты ни один не достиг другого берега.

На жалкие сии остатки шведской армии надвигался теперь князь Меншиков с десятью тысячами всадников, каждый из которых имел позади седла еще и пехотинца. Дорогу вслед за бегущими шведами ему указывали их трупы. Князь послал к шведскому генералу трубача с предложением капитуляции, и Левенгаупт сразу же направил четырех генералов, чтобы принять условия победителей. Еще вчера шестнадцать тысяч солдат Карла XII кинулись бы на всю армию московитской Империи и скорее погибли бы до единого человека, чем положили оружие. Однако после проигранной баталии и воспоследовавшего бегства, не видя своего государя, который и сам принужден был спасаться; когда ни у одного солдата не оставалось даже последних сил, а мужество их уже не поддерживалось никакой надеждой, жажда жизни одержала верх над бесстрашием. Один только полковник Трутфетр, видя приближающихся московитов, двинулся было со своим батальоном в атаку, однако Левенгаупт остановил бесполезное сие поползновение. Капитуляция состоялась, вся армия была взята

в плен. Несколько отчаянных солдат, дабы не попасть в руки московитов, бросились в Борисфен, два офицера из полка доблестного Трутфетра застрелили друг друга. Остальные попали в рабство. Все они прошли перед князем Меншиковым и клали оружие свое к его ногам, как девять лет назад тридцать тысяч московитов делали это у Нарвы перед шведским королем. Но если Карл отпустил тогда безвредных для него московитских пленников, то царь оставил у себя всех взятых шведов.

Сии несчастные были разосланы по всем его владениям, главным образом в Сибирь, огромную провинцию Великой Татарии, которая распространяется на восток вплоть до границ Китайской Империи. В сей варварской стране, где неизвестно даже употребление хлеба, шведы по нужде стали изобретательны и практиковали те ремесла и искусства, в коих имели хоть какие-то познания. Тогда исчезали все различия, которые Фортуна полагает обыкновенно между людьми: офицеру, не владевшему никаким ремеслом, приходилось колоть и носить дрова для солдата, сделавшегося портным, суконщиком, слесарем или каменщиком и способного добывать себе пропитание. Некоторые офицеры стали живописцами, другие архитекторами. Занимались они также обучением языкам и открывали общественные школы, каковые впоследствии стали столь полезны и известны, что детей в них присылали даже из Москвы.

Первого министра шведского короля графа Пипера долгое время держали в Петербурге. Царь, как и вся Европа, был убежден, что он продал своего повелителя герцогу Мальборо и навлек на Москву шведское нашествие, что могло бы умиротворить Европу. Он сделал плен для Пипера особливо отяготительным. Министр сей умер через несколько лет в Московии, пользуясь

лишь скудным вспомоществованием своего семейства, каковое наслаждалось в Стокгольме всеми благами жизни. Втуне сожалевший о нем король не пожелал унизиться до выкупа за своего министра, боясь отказа, а договора с царем о размене пленных у него не было.

Московитский император, не давая себе труда сдерживать свою радость, прямо на поле битвы делал смотр пленникам, коих приводили к нему толпами, и постоянно переспрашивал: «Но где же брат мой Карл?»

Он оказал честь шведским генералам и пригласил их за свой стол. Среди прочих к ним вопросов спросил он генерала Реншильда, сколько войск было у его повелителя накануне битвы. Реншильд сказал, что полный их перечень всегда находился у самого короля, который никому оный не показывал, но сам он полагает общее число около тридцати тысяч, из них восемнадцать тысяч шведов, а остальные казаки. Царь казался удивленным и спросил, как они могли решиться пойти в столь отдаленную страну и осадить Полтаву с такой малой армией. «Нас никогда не спрашивали, — ответствовал шведский генерал, — но мы, как верные слуги, всегда безропотно подчинялись воле нашего повелителя». При сих словах царь посмотрел на некоторых из своих придворных, коих подозревал когда-то в причастности к заговорам, и сказал: «Да, вот как надобно служить своему государю!» Потом, взяв стакан вина, произнес: «За здравие учителей моих в искусстве воинском!» Реншильд спросил, кого именно почтил он столь лестным титулом. «Вас, господа шведские генералы», — отвечал ему царь. «Хорошо же Ваше Величество отблагодарили учителей своих!» — возразил граф. После трапезы царь велел возвратить шпаги всем шведским генералам и обращался с ними как государь, желающий дать подданным своим

урок великодушия и любезного обхождения. Но этот же монарх, столь учтиво обошедшийся со шведами, приказал колесовать всех попавших в плен казаков.

Победоносной некогда шведской армии не существовало более, половина погибла от лишений, другие были убиты или пленены. За единый день Карл потерял плод девятилетних трудов и почти ста сражений. Сам он бежал в жалкой повозке вместе с тяжелораненым генерал-майором Хордом. За ним шел небольшой отряд, кто верхом, кто на тележке, а вокруг простиралась пустыня, где не было ни хижин, ни шатров, ни людей или зверей, никаких дорог, вообще ничего, даже воды. Местность сия находится у сорок седьмого градуса широты, и бесплодная сия пустыня делала еще более невыносимым палящее солнце. Лошади падали, люди чуть ли не валились замертво от жажды. Единственным источником влаги оказался найденный к вечеру мутный ручей. Бурдюки были наполнены водой, которая и спасла маленький отряд шведского короля. После пятидневного марша они вышли к берегу реки Гипаниса, сиречь Буга — так именуют ее ныне варвары, которые изуродовали все вплоть до самих имен в тех местах, где некогда процветали греческие колонии.

За Бугом, на самой границе Турецкой Империи, находится небольшой городок Очаков. Жители его, видя отряд вооруженных людей, говоривших на неизвестном языке, отказались впустить их без приказа своего губернатора Мехмед-паши. Король послал к нему нарочного, но сей турок не осмелился самолично пропустить шведов без дозволения сераскера*, чья главная

* Сераскер — в султанской Турции — главнокомандующий *(тур.)*.

квартира находилась в бессарабском городе Бендерах. Таковая нерешительность Мехмед-паши вполне объяснима для сей страны, где за опрометчивый шаг часто приходится платить жизнью.

Тем временем русские, уже пленившие армию короля, перешли Борисфен и, казалось, сейчас захватят и его самого. Наконец, очаковский паша прислал небольшую лодку для короля и двух-трех особ его свиты. В сей крайности шведам пришлось взять силой то, что не давали им по доброй воле. Несколько человек переплыли в челноках на другой берег, захватили там лодки и вернулись к своим. Это было спасением. Одновременно получился и благоприятный ответ бендерского сераскера. Однако король имел несчастие видеть пленение пятисот человек его свиты и слышать оскорбительные насмешки неприятеля. Очаковский паша через переводчика умолял простить его проволочки, послужившие причиной захвата сих пятисот человек, и не жаловаться на него султану. Карл, учинив ему выговор, почти как своему подданному, обещал исполнить его просьбу.

Комендант Бендер, бывший одновременно и сераскером, и пашой провинции, поспешил прислать к королю агу* с приветствиями, роскошным шатром, провизией, повозками и всяческими предметами обихода, равно как и почетный эскорт для сопровождения в Бендеры. Таков обычай турок — доставлять все необходимое для следования в пути не только послам, но и тем высоким особам, которые ищут у них убежища.

---

* Ага — в султанской Турции — титул военачальников *(тюрк.)*.

КНИГА ПЯТАЯ

**Состояние Оттоманской Порты.
Карл в Бендерах.
Август возвращается на трон,
датский король нападает на Швецию.
Прутская история**

Турецкой Империей правил тогда Ахмед III, возведенный на престол в 1703 г. вместо брата своего Мустафы, благодаря перевороту, сходственному с тем, который отдал английскую корону Иакова II его зятю Вильгельму*. Мустафа, находившийся под влиянием ненавистного всему народу муфтия**, восстановил противу себя всю Империю. Войско, с помощью коего намеревался он покарать недовольных, присоединилось к восставшим. Он был схвачен, торжественно низложен, а брат его извлечен из сераля*** и сделан султаном. Все сие произошло почти без пролития даже единой капли крови. Ахмед заточил бывшего султана в константинопольский сераль, где тот и прожил еще несколько лет, к величайшему изумлению всей Турции, привыкшей видеть смерть своих государей сразу после их низложения.

Новый султан в награду за доставленную ему корону казнил всех министров, генералов, янычарских

---

* Имеется в виду английская революция 1688 г., в результате которой был свергнут Иаков II Стюарт, а на престол взошел муж его дочери Марии, штатгальтер Нидерландов Вильгельм Оранский под именем Вильгельма III.

** Муфтий — высшее лицо исламского духовенства.

*** Сераль — в странах Востока дворец и его внутренние покои.

начальников и прочих других, участвовавших в сем деле, опасаясь, как бы их не соблазнил и второй переворот. Пожертвовав столькими отважными людьми, султан ослабил силы Империи, однако же укрепил свой трон, по крайней мере, на несколько лет. Засим предался он собиранию сокровищ. Это был первый из Оттоманов, кто осмелился хотя бы незначительно изменить деньги и ввести новые налоги. Однако из страха перед бунтом он должен был остановить оба эти начинания. Алчность и тирания султанов распространяются обычно только на высших чинов Империи, которые вне зависимости от своего положения все поголовно суть домашние рабы своего государя. Но зато остальные мусульмане пользуются полной безопасностью и не боятся ни за свою жизнь, ни за свободу, ни за имущество.

Таков был турецкий император, у коего король Швеции искал для себя убежища. Оказавшись в его владениях, Карл незамедлительно отписал ему. Сохранилось несколько списков с этого письма от 13 июля 1709 г., но теперь все они почитаются недостоверными. Из тех, кои были у меня в руках, все без исключения написаны в тоне высокомерном, свидетельствующем скорее о неустрашимости автора, нежели соответствующем его положению. Султан ответил лишь в конце сентября. Блистательная Порта* дала почувствовать Карлу всю разницу между турецким императором и королем какой-то части Скандинавии, к тому же еще христианином и побежденным беглецом.

---

* Блистательная Порта — название правительства османской Турции.

Да и на самом деле, оказавшись в Турции, Карл превратился в почетного пленника. Тем не менее он вынашивал планы обращения Оттоманской Империи противу своих врагов и лелеял надежду возвратить под свое владычество Польшу и покорить Россию. В Константинополе у него был посланник, но более всех других послужил ему граф Понятовский, который отправился в турецкую столицу как частное лицо и за недолгое время сделался необходимым королю, приятным Порте и стал опасен даже великим визирям*.

Весьма изрядно помогал ему португальский еврей Фонеска, обосновавшийся в Константинополе в качестве врача. Человек сей отличался ученостию и проницательным умом, ловкостью в делах и, быть может, был единственным философом среди всей своей нации. Его занятия открывали ему доступ к Порте, а часто и к доверию визирей. Я хорошо знал его в Париже и во многом основывался на беседах с ним. Граф Понятовский сам говорил и писал мне, что ему удалось передать письмо к султанше валиде**, матери царствующего императора; сын ее сначала обращался с ней пренебрежительно, но в то время она уже приобретала влияние в серале. Некая приближенная к сей принцессе еврейка очаровала ее своими постоянными рассказами о подвигах шведского короля. Благодаря той тайной склонности, каковая свойственна почти

* Визирь — в Турции до новейшего времени титул высших сановников и государственных советников.

** Валиде — почетный титул вдовствующей султанши, сохранявшийся за ней только на время царствования ее сыновей. В описываемый период принадлежал Гюльнюш Эмметулах Султан, вдове Мехмеда IV, матери султанов Мустафы II и Ахмеда III.

всем женщинам, к людям необыкновенным, даже если они никогда оных и не видели, султанша возглавила в серале партию сего государя и называла его не иначе, как своим львом. «Когда же, наконец, ты поможешь моему льву пожрать этого царя?» — спрашивала она у своего сына-султана и дошла даже до того, что преступила жесткие законы сераля, собственноручно написав несколько писем к графу Понятовскому, каковые и до сего времени еще у него сохраняются.

Короля с почестями сопровождали через пустыню, некогда именовавшуюся Гетской, до Бендер, и турки озаботились, дабы у него в пути не было никакого недостатка. Одновременно его свита значительно пополнилась теми из поляков, шведов и казаков, которым удалось спастись от московитов. Когда он доехал до Бендер, с ним было уже тысяча восемьсот человек, и всем им предоставили жилище и пропитание за счет султана.

Король пожелал встать лагерем под Бендерами, чтобы не жить в самом городе. По приказу сераскера Юсуф-паши для него поставили великолепный шатер, и то же самое было сделано для всех знатных особ его свиты, а через некоторое время Карл велел построить в том же самом месте небольшой дом. Его примеру последовали офицеры, солдаты же соорудили некое подобие казарм. Таким образом, лагерь сей превратился как бы в маленький город. Король еще не излечился от раны, и у него из ноги пришлось извлечь загнившую кость. Но как только смог он сесть в седло, то сразу же возобновил обыкновенные свои труды, вставал раньше света, загонял каждый день трех лошадей и занимался обучением солдат. Иногда ради забавы он играл в шахматы. И если мелочи мо-

гут показывать человека, то стоит сказать, что в игре сей Карл всегда ходил королем и употреблял его чаще всех других фигур, отчего и проигрывал все партии.

Он жил в Бендерах среди полнейшего изобилия, столь редкого для побежденных изгнанников. Кроме более чем достаточной провизии и пятисот экю в день, которыми щедро одаривала его Порта, он получал еще деньги от Франции и занимал у константинопольских купцов. Часть этих денег шла на интриги в серале и подкуп визирей. К тому же он обильно одаривал своих офицеров и охранявших его янычар*. Распределял все сии щедроты его любимец и казначей Гротгусен, человек, совершенно не похожий на тех, которые обыкновенно исполняют подобные должности, ибо не менее своего повелителя любил все раздавать. Однажды он принес королю счет на шестьдесят тысяч экю, состоявший из двух строк: десять тысяч отдано шведам и янычарам по приказанию и от щедрот Вашего Величества, остальное мною проедено. «Мне нравятся таковые отчеты моих друзей, — сказал на это Карл, — а то Мюллерн заставляет читать бесконечные листы из-за каких-то десяти тысяч франков. Куда приятнее лаконическая манера Гротгусена». Один из старых его офицеров, заподозренный в некоторой скаредности, пожаловался на то, что Его Величество отдает все Гротгусену. Король ответил ему: «Я даю деньги только тем, кто с толком их тратит». Из-за безрассудной щедрости у него самого часто ничего не оставалось, и небольшая экономия была бы не менее благородна и много более полезна,

* Янычары — воины привилегированного пехотного войска в османской Турции.

но порок сего государя состоял в том, что он доводил до крайности все добродетели.

Множество иностранцев приезжали из Константинополя, чтобы увидеть его. Соседние турки и татары стекались толпами, и все смотрели на короля с восхищением и почитанием. Видя его неукоснительное воздержание от вина и непременное присутствие дважды в день на богослужении, они говорили: «Вот истинный мусульманин» и горели нетерпением идти с ним на покорение Московии.

Среди бендерской праздности, каковая затянулась долее, нежели он предполагал, Карл незаметно для самого себя приохотился к чтению, чему более всего способствовал голштинский посланник барон Фабрис, милейший юноша веселого нрава и легкого обращения, которые столь нравятся государям. Он знал всех французских авторов, и Карл по его рекомендации читал трагедии Корнеля и Расина, а также труды Депрео. Королю совершенно не пришлись по вкусу сатиры сего последнего, впрочем и в самом деле не принадлежащие к лучшим его творениям. Но другие вещи сего автора были изрядно им оценены. Когда ему прочли из восьмой сатиры то место, где Александр* назван безумцем и одержимым, он в гневе разорвал этот лист.

Более прочих изо всех французских трагедий понравился ему «Митридат»**, поелику судьба сего поверженного и жаждавшего отмщения монарха столь походила на его собственную. Он пальцем указывал

---

* Имеется в виду Александр Македонский.

** «Митридат» — трагедия Жана Расина, посвященная понтийскому царю Митридату VI (132–63 гг. до н. э.), потерпевшему сокрушительное поражение от римского полководца Помпея.

господину Фабрису поражавшие его места, но сам не решался читать вслух и вообще ни разу не произнес ни единого слова по-французски. Даже встретившись в Бендерах с господином Дезалёром, посланником Франции при Порте, который владел лишь природным своим диалектом, он ответствовал ему по-латыни, а когда оный господин Дезалёр возразил, что не знает и четырех слов сего языка, предпочел призвать переводчика, нежели самому изъясняться по-французски.

Таково было времяпрепровождение Карла в Бендерах, где он оставался в надежде, что турецкое войско придет ему на помощь. Шведский посланник представлял от его имени промемории великому визирю, а граф Понятовский поддерживал оные кредитом, каковой сумел он для себя заслужить. Старания его повсюду приносили успех; одевался он только по-турецки, и для него открывались все двери. Султан пожаловал ему кошелек с тысячью дукатов, а великий визирь сказал: «Одной рукой я возьму руку вашего короля, а другою меч и поведу его на Москву с двухсоттысячным войском». Сего великого визиря звали Чорлулу Али-паша, он был сыном крестьянина. У турок подобное происхождение отнюдь не унизительно, там нет дворянства: ни того, которое дают должности, ни заключающегося в титулах. Все нужно заслужить — таков обычай почти всего Востока, естественный и благой, если бы чины и должности давались только по заслугам. На самом же деле визири являются лишь креатурами какого-нибудь черного евнуха или рабыни-фаворитки.

Но первый министр не замедлил переменить свое мнение. Король мог только интриговать и вести переговоры, а у русского царя были деньги, в том числе

и походная казна шведов, взятая под Полтавой и тоже обращенная противу поверженного врага. Вскоре уже не было и речи о войне с русскими. Авторитет царя у Порты стал непререкаем, московитский посланник удостоился таких почестей, коими никогда не пользовался ни один из его предшественников: ему отвели дворец в квартале франков* и позволили сообщаться с другими посланниками. Царь даже возомнил о возможности заполучить обратно генерала Мазепу, подобно тому как Карл XII добился выдачи несчастного Паткуля. Чорлулу Али-паша не мог ни в чем отказать государю, который платил миллионы. И тот же самый великий визирь, еще недавно клятвенно обещавший вести шведского короля на Москву, осмелился теперь предложить ему пожертвовать Мазепой. Карл был вне себя от гнева. Неизвестно, сколь далеко мог бы зайти в сем деле великий визирь, если бы семидесятилетний Мазепа не скончался как раз в это время. К вящему унижению короля, русскому послу Толстому публично прислуживали шведы, плененные под Полтавой. Сих доблестных воинов продавали в рабство на константинопольских рынках. К тому же московитский посол во всеуслышание утверждал, что стража в Бендерах приставлена к королю не в качестве почетного караула, а чтобы содержать его как пленника.

Обманутый великим визирем и еще раз побежденный царем, на сей раз уже не оружием, а силою денег, униженный Портой, Карл оказался почти пленником среди татар. Свита его уже впадала в отчаяние, только он один оставался тверд и ни на минуту не пока-

* Франки — общее название для всех европейцев, принятое в османской Турции.

зывал никаких признаков уныния, полагая, что султан ничего не знает об интригах своего великого визиря, и посему решился открыть ему глаза на оные. За опасную сию комиссию взялся граф Понятовский. Каждую пятницу султан ездил в мечеть в окружении солаков — особой охраны, чьи тюрбаны украшены столь длинными перьями, что те закрывают его от посторонних взоров. Ежели кто-либо вознамерится просить о чем-нибудь султана, то втирается для сего среди охраны и поднимает высоко вверх свое прошение. Изредка султан снисходит до того, чтобы самому взять его, но обычно приказывает сделать это одному из чинов свиты и рассматривает дело после выхода из мечети. Никто не осмеливается беспокоить султана пустыми делами или мелочными прошениями, поелику пишут в Константинополе за целый год менее, чем в Париже за единый день. Еще реже рискуют подавать жалобы на министров, которым султан обычно и отдает сии жалобы, не читая их. Но у графа Понятовского не было иного пути, чтобы довести до властелина турок претензии шведского короля. Он составил промеморию с обвинениями противу великого визиря. Все это рассказывал мне господин де Ферриоль, тогдашний французский посланник, при посредстве которого был сделан перевод промемории на турецкий язык. Дабы подать ее, был подкуплен один грек, каковой, смешавшись с охраной, поднял вверх эту бумагу и возопил таким громким голосом, что султан обернулся в его сторону и самолично взял жалобу.

К таковому же средству противу великого визиря уже прибегали и раньше, и впоследствии: некий швед по имени Лелуан вскоре подал вторую жалобу. Оказавшись в Турецкой Империи, Карл XII был

принужден обращаться к подобным способам, каковые приличествуют разве что угнетенному подданному.

Через несколько дней султан прислал шведскому королю двадцать пять арабских скакунов, из коих у одного, носившего прежде на себе особу Его Высочества, седло и чепрак были украшены драгоценными камнями, а стремена сделаны из цельного золота. Подарок сей сопровождался любезным письмом, составленным однако в общих выражениях и дающим повод заподозрить, что визирь делал все с согласия султана. Умевший таить свои чувства Чорлулу также прислал пять редкостных лошадей, но Карл сказал приведшему их: «Возвращайся к своему господину и скажи, что я не принимаю подарков от врагов».

После сего у графа Понятовского созрел смелый замысел свергнуть великого визиря. Он знал, что его не любит султанша-мать и ненавидят кизлыр-ага* и янычарский ага. Посему граф стал подстрекать всех троих говорить противу него. Сколь поразительны сии интриги христианина, поляка и королевского агента, не имевшего никаких полномочий, но стремившегося подорвать власть самого вице-короля Оттоманской Империи, который к тому же был полезен и приятен своему повелителю. Понятовский никогда не достиг бы успеха, и один только сей замысел стоил бы ему жизни, если бы некая другая, более мощная, чем все иные, сила не нанесла бы последний удар великому визирю Чорлулу.

У султана был юный любимец, который впоследствии управлял всей Оттоманской Империей и по-

* Кизлыр-ага — начальник «черных евнухов», высший чин султанского гарема.

гиб в Венгрии в битве при Петервардейне в 1716 г., разгромленный Евгением Савойским. Имя его было Кумурджи Али-паша, а происхождение нисколько не выше, чем у Чорлулу, поелику отец его занимался переноской угля. Ахмед II, дядя Ахмеда III, встретил однажды в лесу Кумурджи и, пораженный красотой ребенка, взял его к себе в сераль. Он понравился и следующему султану, Мустафе, а потом стал любимцем Ахмеда III, но занимал пока лишь должность селиктар-аги, то есть носителя имперского меча. Слишком юные лета не позволяли ему претендовать на место великого визиря, хотя он и стремился к этому. Шведской партии никак не удавалось привлечь на свою сторону сего любимца, он так и не стал другом Карла, как и ни одного другого христианского государя, ни тем паче никого из их министров. Но тогда, сам того не желая, он помог Карлу XII, объединившись с султаншей валиде и высшими чинами Порты для низвержения Чорлулу, коего все они ненавидели. Сей старый министр, верно служивший своему повелителю, стал жертвой своенравного юнца и интриг чужеземца. Его лишили должности, отняли богатства и жену, бывшею дочерью предыдущего султана Мустафы. Он был сослан в Кафу, прежде именовавшуюся Феодосией, что в Крымской Татарии. Государственную печать отдали Нуману Кёпрюлю, внуку того великого Кёпрюлю, который завоевал Кандию*. Сей новый визирь никак не походил на турка по представлениям мало сведущих европейцев — это был муж несгибаемой добродетели, скрупулезно соблюдавший все законы и зачастую

* Кандия — итальянское название о. Крит, завоеванного великим визирем Кёпрюлю Ахмед-пашой в 1669 г.

противупоставлявший правосудие воле самого султана. Он и слышать не желал о войне с Московией, почитая оную неправедной и бесполезной. Но та же самая приверженность к закону, каковая не позволяла ему нарушить договор с царем*, заставляла в то же время исполнять долг гостеприимства по отношению к королю шведскому. Он говорил государю своему: «Закон запрещает нападать на царя, ничем тебя не оскорбившего, но повелевает помогать и королю шведов, коего несчастия занесли в твои владения». Он послал Карлу восемьсот кошельков (по пятьсот экю) и советовал ему мирно возвратиться к себе на родину через земли императора германского или же на французских кораблях, которые стояли тогда в константинопольском порту и которые французский посланник де Ферриоль предлагал для переезда в Марсель. Граф Понятовский еще более ревностно вел переговоры с сим министром и достиг при сем превосходства над московитами, коим уже не могло помочь их золото у неподкупного визиря. Тогда русская партия посчитала, что наилучший для сего выход — это отравить столь опасного для нее государственного мужа. Был подкуплен слуга, чтобы подсыпать яд в кофе, но в последнюю минуту преступник был пойман с отравой в склянке. Его судили в заседании Дивана** и отправили на галеры, поелику турецкое правосудие не карает смертию за несовершенные преступления.

Карл XII был твердо убежден в том, что рано или поздно ему удастся сподвигнуть Турецкую Империю

---

* Имеется в виду перемирие на 30 лет, заключенное 3 июля 1700 г. в Константинополе, по которому Азов и вновь построенные Петром I городки остались за Россией.

** Диван — правительственный совет турецкого султана.

на войну с Империей Российской и не соглашался ни на какие предложения о мирном возвращении в свои владения. Того самого царя, коего столь долгое время он презирал, теперь представлял он как чрезвычайно опасного для турок врага. Эмиссары его непрестанно внушали, что Петр Алексеевич хочет стать хозяином Черного моря и, подчинив себе казаков, намеревается сделать то же самое и с крымскими татарами. Таковые внушения то возбуждали Порту, то, благодаря стараниям русского посланника, оставались без какого-либо действия.

Пока Карл XII находился в зависимости от воли и судьбы визирей, получал подарки и претерпевал афронты со стороны иностранной державы, подавал жалобы султану и существовал только его щедротами, встрепенувшиеся враги стали нападать на его владения.

Полтавская баталия сразу же вызвала революцию в Польше. Возвратившийся Август опротестовал и свое отречение, и Альтранштадтский мир и публично обвинил уже не страшного ему Карла XII в разбое и варварстве. Он заключил в тюрьму Пфингстена и Имгофа, тех самых полномочных представителей, которые подписали его отречение, за то, что они будто бы преступили данные им инструкции и предали своего повелителя. Саксонские войска Августа, явившиеся предлогом для его низложения, снова привели его в Варшаву в сопровождении большинства польских воевод, которые когда-то, присягнув ему, потом клялись в верности Станиславу. Даже граф Сенявский присоединился к его партии и, уже не надеясь сам взойти на престол, удовлетворялся своей должностью великого коронного гетмана. Первый

министр короля Флемминг, принужденный покинуть на время Саксонию из страха быть выданным вместе с Паткулем, теперь, благодаря своей ловкости, привлек на сторону Августа бóльшую часть польского дворянства.

Папа освободил католиков от присяги Станиславу. Сей столь своевременный демарш святейшего отца, поддержанный войсками Августа, имел весьма существенное значение, укрепив репутацию римской курии в Польше, где в то время ни у кого не было ни малейшего желания оспаривать химерическое право первосвященников на вмешательство в светские дела королей. Все охотно возвратились под скипетр Августа и без зазрения совести приняли никчемное отпущение, каковое нунций не преминул представить как непременную необходимость.

Могущество Карла и слава шведов приближались к своему концу. Более десятка коронованных голов уже давно со страхом и завистью взирали на распространение господства Швеции далеко за ее естественными пределами на Балтийском море — от Двины до Эльбы. Падение Карла пробудило вожделения всех сих государей, надолго усыпленные их бессилием нарушить уже заключенные трактаты.

Царь, превосходивший своими силами всех оных монархов вместе взятых, воспользовался своей победой, захватил Выборг и всю Карелию, наводнил Финляндию войсками и осадил Ригу, после чего послал русский корпус, чтобы вновь возвести на польский трон короля Августа. Теперь московитский император заменил Карла в качестве арбитра Польши и севера Европы. Но если Карл слышал лишь зов возмездия и славы, то царь имел в виду только собственные свои

выгоды. Шведский монарх помогал союзникам и преследовал врагов, не заботясь о плодах одержанных побед. Петр, напротив, вел себя как мудрый государь, а не стремящийся к одной лишь славе герой, и споспешествовал польскому королю лишь ради приобретения для московитов в вечное их владение всей Ливонии.

Король датский, забыв о Травендальском трактате, как и Август об Альтранштадтском, уже помышлял о том, как бы завладеть герцогствами Голштинским и Бременским, в отношении коих он сызнова заявил свои претензии. Король Пруссии имел давние права на шведскую Померанию, каковые и стремился теперь возобновить. Мекленбургский герцог с неудовольствием взирал на шведскую власть в Висмаре, самом лучшем городе своих владений. Сей принц должен был жениться на племяннице московитского императора*, а царь только и ждал предлога, чтобы по примеру шведов проникнуть в Германию. Ганноверский курфюрст Георг, в свою очередь, хотел бы обогатиться за счет пожитков Карла. Не прочь был завладеть кое-какими правами и мюнстерский епископ.

Померанию и владения Карла в Германии защищали двенадцать—тринадцать тысяч шведов. Именно туда должна была перенестись теперь война, и буря сия обеспокоила императора и его союзников. Таков закон Империи — всякий, нападающий на ее провинции, почитается врагом всего германского сообщества.

---

* Имеется в виду дочь брата Петра I, царя Ивана V, Екатерина Ивановна, вышедшая в 1716 г. замуж за герцога Мекленбургского Карла Леопольда.

Но было и еще большее затруднение — все сии государи, исключая царя, были объединены тогда противу Людовика XIV, могущество коего внушало Империи такой же страх, как и сам Карл XII.

В начале сего века вся Германия с севера до юга подвергалась ударам армий Франции и Швеции*. Французы перешли Дунай, а шведы Одер. И если бы удалось им соединиться, это означало бы гибель Империи. Но те же фатальные неудачи, кои одолевали Швецию, преследовали и французов, однако наличные средства и возможности Швеции не были исчерпаны, а Людовик XIV настойчиво, хоть и неудачно, продолжал войну. Можно было опасаться, что если Померания и герцогство Бременское станут театром военных действий, сие окажется непосильным для Империи и, ослабленная с этой стороны, она не будет уже так успешна противу Людовика. Дабы предотвратить сию опасность, в конце 1709 г. император, германские князья, английская королева Анна и Генеральные Штаты Объединенных Провинций подписали в Гааге один из самых необычных договоров в свете.

Сии державы решили, что будут вести войну со шведами только за пределами Померании и Германии. Король польский и царь также присоединились к сему трактату, присовокупив еще и статью о том, чтобы не выпускали из Померании находившихся там двенадцать тысяч шведов.

Для соблюдения сего договора было предложено собрать обсервационную армию, обладавшую бы неким воображаемым нейтралитетом и стоявшую бы на Одере. Сие явилось совершенным новшеством — ар-

* Речь идет о войне за Испанское наследство 1701–1714 гг.

мия, нарочито созданная для предотвращения войны. По договору предполагалось, что в нее войдут войска императора, короля Пруссии, курфюрста ганноверского, ландграфа гессенского и епископа Мюнстера.

Однако, как и следовало ожидать, договор не выполнялся, князья не предоставили своих войск, и не набралось даже и двух полков. Много говорили о нейтралитете, но никто не соблюдал его. Все северные князья, у которых было что делить с Карлом XII, оставляли за собой полную свободу оспаривать друг у друга владения сего государя.

При сих обстоятельствах царь, оставив войска свои на квартирах в Литве и повелев осадить Ригу, возвратился в Москву, дабы представить народу своему небывалое для него торжество — триумф, подобный тем, кои устраивали древние римляне. 1 января 1710 г. он въехал в Москву, где было поставлено семь триумфальных ворот, украшенных всем тем, что только могли позволить климат и процветавшая его попечениями торговля. Во главе процессии шел гвардейский полк, везший за собой шведские пушки, захваченные при Лесном и Полтаве. В каждую впряжено было по восемь лошадей под длинными червленными попонами, свисавшими до самой земли. Затем несли штандарты, литавры и взятые в обеих сих баталиях знамена. Все сии трофеи сопровождали самые лучшие полки. После их прохождения появилась колесница, сооруженная нарочито для того, чтобы везти носилки Карла XII, найденные на поле Полтавской битвы и совершенно разбитые двумя ядрами. За ними попарно шли все пленные. Среди них были: первый министр Швеции граф Пипер, славный фельдмаршал Реншильд, граф Левенгаупт, генералы Шлиппенбах, Стакельберг,

Гамильтон, а также все офицеры и солдаты, коих впоследствии разослали по всей Великороссии. Сразу вослед ехал сам царь на той же лошади, которая была под ним при Полтаве. В нескольких шагах от него находились генералы, разделившие славу сей победы. За ними шел второй гвардейский полк, а замыкали шествие повозки со шведской амуницией.

Торжество сие происходило при звоне всех московских колоколов и звуках барабанов, цимбал, труб и бесчисленного множества других музыкальных инструментов, а также залпах двухсот пушек и радостных кликах пятисоттысячной толпы: «Да здравствует император, отец наш!»

Сей триумф еще более усугубил благоговение народа перед царем, хотя, быть может, все содеянное им для его блага лишь ослабляло таковое почитание. А тем временем он продолжал осаду Риги. Его генералы овладели всей остальной Ливонией и частью Финляндии. Одновременно король датский явился со всем своим флотом к берегам Швеции и семнадцать тысяч датчан высадились под началом графа Ревентлова.

В то время Швеция управлялась Регентским советом, который состоял из назначенных королем сенаторов и власть которого вызывала ревнивую зависть самого Сената. Страна страдала от сих раздоров, но когда после Полтавской битвы стало известно, что король находится в Бендерах во власти татар и турок, а высадившиеся в Скании датчане захватили Гельсингборг, все распри прекратились, и уже никто не помышлял ни о чем другом, как только о спасении Швеции. Уже недоставало регулярного войска, ибо хотя Карл и совершал всегда свои походы во главе маленьких армий,

но бесчисленные сражения на протяжении девяти лет, необходимость содержать гарнизоны и целые корпуса в Финляндии, Ингерманландии, Ливонии, Померании, Бремене и Вердене стоили шведам более двухсот пятидесяти тысяч солдат. Оставалось менее восьми тысяч старого войска, которое вкупе с новонабранным ополчением и составляло все, чем располагала страна.

Воинственные нации рождаются таковыми от природы, а всякий народ исподволь обретает характер своего монарха. По всей Швеции только и говорили, что о легендарных подвигах Карла и его генералов при Нарве, у Двины, Клиссау*, Пултуска** и Головчина***. Самые последние из шведов восприяли дух воинственности и жажду славы вкупе с восторженным поклонением своему королю и неискоренимой ненавистью к датчанам. Во многих странах крестьяне — это просто рабы или почитаются за таковых, но в Швеции они составляют государственное сословие, ощущают себя гражданами и вдохновляются возвышенными чувствами. По этой причине составленное из них ополчение показало себя как лучшая армия Северной Европы.

Регентский совет послал генерала Стенбока во главе восьми тысяч ветеранов и около двенадцати тысяч новонабранного ополчения противу датчан, которые опустошали все побережье вблизи Гельсингборга и уже требовали контрибуцию со многих мест внутри страны.

---

* Клиссау (Клишов) — село в Польше, где 20 июля 1702 г. Карл XII одержал победу над польско-саксонскими войсками.

** Пултуск — город в Польше.

*** Головчин — село неподалеку от Могилева, где 14 июля 1708 г. Карл XII нанес поражение русским войскам под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева.

Для обмундирования сего ополчения не было ни времени, ни средств. Большинство сих мирных работников явились в домотканых зипунах, а свои пистолеты они веревками привязывали к поясам. С этой невиданной еще доселе армией генерал Стенбок 10 марта 1710 г. встретил датчан в трех лье от Гельсингборга. Первоначально он намеревался дать людям несколько дней отдыха и укрепиться на позиции, однако все сии крестьяне стали требовать безотлагательной в тот же день баталии.

Бывшие при сем офицеры рассказывали мне, что почти все сии новобранцы в бешенстве изрыгали пену, настолько велика ненависть шведов к датчанам! Стенбок воспользовался сим одушевлением, каковое в день баталии драгоценнее самой строгой воинской дисциплины, и атаковал неприятеля. Новонабранные ополченцы уже в первом своем сражении ничем не уступали ветеранам — случай в истории войн невиданный! Два полка сих крестьян, наспех еле-еле вооруженных, изрубили в куски гвардейский полк датского короля, от которого уцелело лишь десять человек.

Разгромленные датчане укрылись под прикрытием пушек Гельсингборга. Благодаря близости расстояния, датский король в тот же день известился о поражении своей армии и послал флот за ее остатками. Через пять дней после сей баталии датчане поспешно покинули Швецию. Однако они не смогли забрать с собой лошадей и, дабы ничего не досталось врагу, всех их до единой перерезали. Провиант и имущество были преданы огню, остались только четыре тысячи раненых, из коих почти все перемерли как от заразы, распространявшейся смердящими лошадиными трупами, так и вследствие недостатка продовольствия, которого

лишили их соотечественники, не пожелавшие, чтобы оно досталось шведам.

Крестьяне Далекарлии, узнав во глубине своих лесов о пленении турками их короля, прислали в Регентский совет депутацию с предложением снарядить на свои деньги двадцать тысяч человек, чтобы освободить его. Сие ходатайство свидетельствовало более о доблести и преданности, но навряд ли могло принести пользу, однако было благосклонно выслушано. Совет, отвергнув его, тем не менее не преминул сообщить о нем королю, присовокупив к реляции о Гельсингборгской битве.

Сии благоприятные известия Карл получил в своем лагере под Бендерами в июле 1710 г. Вскоре новые события еще более подкрепили его надежды.

Уже два месяца, как был смещен великий визирь Кёпрюлю, противившийся намерениям короля. Небольшой двор Карла и все те, кто еще поддерживал его в Польше, повсюду разглашали, что он назначает и свергает визирей и из своего бендерского убежища управляет всей Турцией. Но на самом деле Карл не имел никакого отношения к опале фаворита. Как говорили, единственной причиной падения оного была его неподкупная честность: предшественник Кёпрюлю платил янычарам не из казны султана, а теми деньгами, кои вымогал всяческими притеснениями, чего не пожелал делать новый визирь. Ахмед упрекал его, говоря, что он более печется о подданных, нежели о самом императоре: «Предшественник твой, Чорлулу, умел находить другие средства, чтобы содержать мое войско», на что великий визирь ответствовал: «Ежели искусен он был в обогащении твоего высочества поборами, то я горжусь, что не познал сего искусства».

Глубокая таинственность сераля не допускает того, чтобы подобные разговоры просачивались наружу, но именно этот стал все-таки известен после опалы Кёпрюлю. Сей визирь не заплатил головою за свою смелость, поелику истинная добродетель, даже и неугодная, иногда заставляет все-таки уважать себя, и ему было разрешено удалиться на Негропонт*. Сии подробности узнал я из писем родственника моего, господина Брюна, первого драгомана** при Оттоманской Порте.

Султан вернул из Алеппо Балтаджи Мехмеда, сирийского пашу, который уже был великим визирем. Слово «балта» означает секира, и «балтаджи» — это раб, заготавливающий дрова для принцев крови и самого султана. Именно этим и занимался сей визирь в молодые лета и сохранил свое имя, как это принято у турок, которые не стыдятся ни первоначального своего состояния, ни рода занятий отцов, ни места рождения.

Когда Балтаджи Мехмед был еще слугою в серале, он сумел оказать кое-какие мелкие услуги принцу Ахмеду, бывшему в царствование его брата Мустафы государственным узником. Оттоманским принцам принято оставлять для их развлечения несколько женщин, которые хотя и не могут уже рождать детей (а возраст сей наступает у турчанок весьма рано), но еще достаточно красивы и привлекательны. Став султаном, Ахмед выдал одну из своих любимых рабынь за Балтаджи Мехмеда, и женщина сия интригами сделала своего мужа великим визирем. Но иные происки

---

* Негропонт — итальянское название о-ва Эвбеи, наибольшего из островов Греции в Эгейском море.

** Драгоман — обычно переводчик при европейском посольстве на Востоке.

сместили его, и, наконец, третья интрига вернула на прежнее место.

Когда Балтаджи пришел к власти, в серале господствовала шведская партия. Султанша валиде, любимец султана Али Кумурджи, начальник черных евнухов кизлыр-ага и ага янычар — все хотели войны с царем, на которую уже решился и сам султан. Своим первым же повелением он приказал великому визирю выступить с двухсоттысячным войском противу московитов. Балтаджи Мехмед никогда не бывал на войне, но он не был слабоумным, каковым изображали его шведы. Получая из рук султана изукрашенную драгоценными каменьями саблю, он сказал: «Твое Высочество знает, что с детских лет я был приучен не к мечу, но к топору, чтобы рубить лес, а не командовать войсками. И ежели при всех моих стараниях не смогу я достичь успеха, не суди меня». Султан уверил его в своей благосклонности, и визирь занялся необходимыми приуготовлениями.

Прежде всего был заключен в Семибашенный замок московитский посланник. Турки всегда арестовывают послов тех государей, коим они объявляют войну. Строго соблюдая во всем другом обычаи и законы гостеприимства, здесь они нарушают самые священные права народов. Таковое беззаконие совершается под предлогом праведного возмездия, поелику полагают они, что ведут только справедливые войны, всегда освященные одобрением их муфтия. В соответствии с подобным принципом турки считают себя вправе карать нарушителей договоров, каковые нередко сами же и преступают, и посему наказывают посланников вражеских стран, полагая их соучастниками коварства их государей.

С таковыми рассуждениями соединяется еще и аффектированное презрение к христианским монархам и их послам, коих они почитают не более, чем купеческими консулами.

Хан крымских татар, которого мы называем просто хан, получил повеление быть наготове с сорокатысячным войском. Сей князь управляет землей ногаев, Буджаком, частью Черкесии и всем Крымом, именовавшимся в древности Херсонесом Таврическим, куда достигали греки со своим оружием и товарами и основывали там большие города, перешедшие впоследствии к генуэзцам, когда те стали властителями европейской торговли. В сей стране можно еще видеть среди варварства и запустения руины греческих городов и оставшиеся после генуэзцев памятники.

Подданные именуют хана императором, однако, несмотря на пышный сей титул, он, как и все прочие, лишь раб Порты. Кровь Оттоманов, от коих произошли ханы, и их претензии владеть Турецкой Империей в случае прекращения султанской династии делают род сей почитаемым самим султаном и даже опасным для него. Однако же султан не решается извести татарских ханов, хотя и не позволяет им достигать преклонных лет. Они всегда содержатся под надзором соседних пашей*, владения их окружены янычарами, а неизменно подозрительные их намерения пресекаются великими визирями. Если татары жалуются на своего хана, его смещают, пользуясь сим предлогом; но если он слишком любим, то это еще большее преступление, за которое неизменно следует кара, и почти все они с вы-

* Паша — титул высших сановников и правителей провинций в османской Турции.

соты величия попадают в ссылку и кончают дни свои на Родосе, каковой остров служит для них и тюрьмой, и могилой.

Крымские татары — это самое разбойничье в свете племя и в то же время, как сие ни поразительно, самое гостеприимное. Они отправляются за пятьдесят лье от своей земли, чтобы грабить караваны и уничтожать селения, но если чужеземец, кто бы он ни был, оказывается в их стране, то он не только живет там на всем готовом, но сами обитатели еще и спорят за честь принимать у себя гостя. Хозяин дома, жена его и дочери наперебой стараются всячески услужить ему. Сей ненарушимый закон гостеприимства передался к ним от их предков скифов, тем паче что редкость чужеземцев и малая цена имущества оных делает для них сию добродетель не столь уж обременительной.

Когда татары отправляются на войну вместе с войском Оттоманов, пропитание для них дает султан, но вместо жалованья им остается только награбленное, и посему они более всего пригодны к грабежу, чем к регулярным сражениям.

Благодаря интригам и подаркам шведского короля, хан сначала добился того, чтобы сбор всех войск происходил в Бендерах, на глазах у Карла XII, поелику сие означало, что война ведется именно ради него.

Но новый визирь Балтаджи Мехмед, не связанный прежними обязательствами, не пожелал оказать таковую честь чужеземному государю и повелел собрать сию великую армию в Адрианополе, где на обширных и плодородных долинах всегда собираются турецкие войска, отправляясь на войну с христианами. Пришедшие из Азии и Африки отдыхают и подкрепляются там в течение нескольких недель. Но теперь, дабы опередить

царя, великий визирь дал им всего три дня, после чего сразу направился к Дунаю и Бессарабии.

Ныне турецкое войско уже отнюдь не столь грозное, как в прежние времена, когда им были завоеваны многие государства в Азии, Африке и Европе. Прежде численность и отвага турок побеждали слабейшего и не столь дисциплинированного неприятеля. Но сегодня христиане уже лучше познали искусство войны и почти всегда побивают турок в регулярных баталиях даже меньшим числом. Если за последнее время Оттоманская Империя и сделала некоторые завоевания, то лишь за счет Венеции, более умудренной опытом, нежели воинственной, и защищаемой только иностранцами при малой помощи христианских государей, всегда разделенных противоположными интересами.

Янычары и спаги* атакуют беспорядочно, поелику они не способны слушаться команды и держать строй. Их кавалерия при изрядной доброте и легкости коней не выдерживает натиска немецкой конницы, а пехота еще не научилась использовать все преимущества штыкового боя. Кроме того, у турок после славного Кёпрюлю, который завоевал остров Кандию, так и не появилось другого достойного генерала. А теперь бывший раб, воспитанный в праздности и тиши сераля, сделавшийся визирем из фаворитов и генералом противу своего желания, стоял во главе армии, поспешно собранной, необстрелянной, не знающей дисциплины, которая должна была идти на закаленных двенадцатилетней войной московитов, только что победивших самого шведского короля.

---

* Спаги — кавалерия в армии османской Турции.

По всем сим признакам царь должен был разгромить Балтаджи Мехмеда, но, выступая противу турок, совершил он ту же оплошность, что и Карл по отношению к нему самому. Известившись о вооружении турок, Петр распорядился заменить правильную осаду Риги блокадой, покинул Москву и собрал на границах Польши восьмидесятитысячное войско. С сей армией выступил он через Молдавию и Валахию, некогда страну даков, а ныне обитаемую христианами греческой веры, которые платят дань султану.

Молдавия управлялась тогда князем Кантемиром, природным греком, который соединял в себе таланты древних своих предков с образованностью и познаниями в военном искусстве. Ему приписывали происхождение от славного Тимура, известного под именем Тамерлана, поелику представлялось сие более почетным, нежели происхождение греческое. Доказывали таковую генеалогию по самому имени: Тимур — то же, что Темир, а титул хана имел он еще до завоевания Азии, и оный содержится в имени Кантемир. Посему князь Кантемир и есть потомок Тамерлана. Впрочем, подобные основания лежат в основе и многих других генеалогий.

Из какого рода ни происходил бы Кантемир, возвышением своим он был обязан Оттоманской Порте, но, едва вступив в управление, предал благодетеля своего, султана, в пользу царя, от коего ожидал еще больших для себя выгод. Он надеялся, что победитель Карла XII легко одолеет сего ничтожного визиря, никогда еще не бывавшего на войне и избравшего первым своим помощником начальника турецких таможен. Кантемир рассчитывал на поддержку своих подданных, тем паче что и греческие патриархи были на

его стороне. Царь заключил тайный договор с сим князем и в июне 1711 г. явился на северный берег Гиерасуса, ныне именуемого Прутом, неподалеку от столицы Молдавии Ясс.

Как только великий визирь узнал о прибытии Петра Алексеевича, он сразу же вышел из своего лагеря и, продвигаясь вдоль Дуная, перешел сию реку по наплавному мосту возле того самого места, где Дарий когда-то соорудил мост, носивший его имя. Турецкое войско шло с таким поспешанием, что скоро от московитов разделяла их только река Прут.

Надеявшийся на молдавского князя царь никак не ожидал, что молдаване обманут его, хотя нередко интересы государя и подданных весьма сильно расходятся. Здешние же обитатели привыкли к турецкому правлению, которое тягостно только для знати, а для подвластных народов весьма снисходительно. Они боялись всех христиан, особливо же московитов, кои всегда поступали с ними самым бесчеловечным образом, и посему все свои продовольственные припасы отдали оттоманской армии. Те поставщики, которые взялись снабжать московитов, заключили такую же сделку и с великим визирем, как и с царем. Соседи молдаван, волохи*, выказывали подобную же приверженность к туркам. Так издавна укоренившееся представление о московитском варварстве отталкивало от них все умы и души.

Царь, обманутый в своих, быть может, и легковесных надеждах, оказался вдруг без продовольствия

* Волохи — жители Валахии, исторической области на юге нынешней Румынии. Впоследствии вошли в состав румынской нации.

и фуража. Солдаты дезертировали целыми отрядами, и вскоре армия сократилась почти до тридцати тысяч человек, едва не умиравших от голода. Царь уже раскаивался в своей доверчивости к Кантемиру, оказавшись в положении Карла XII, понадеявшегося на Мазепу. Тем временем турки перешли Прут, окружили русских и поставили укрепленный лагерь. Удивительно то, что Петр даже не пытался помешать их переправе или, по крайней мере, не дал им баталию сразу же после сего и тем самым подверг свою армию неминуемой опасности пропасть от голодной смерти и изнурения. Похоже на то, что в сей кампании государь этот сделал все возможное для всеконечной своей погибели: остался без съестных припасов, имея в тылу реку Прут, а перед собой сто пятьдесят тысяч турок и сорок тысяч татар*. Находясь в сей крайности, он во всеуслышание сказал: «Вот и я теперь в столь же бедственном положении, ежели не хуже, как и брат мой Карл под Полтавой».

В армии великого визиря находился вместе с несколькими поляками и шведами неутомимый агент короля граф Понятовский, и все они почитали погибель царя уже неотвратимой.

Как только Понятовский удостоверился в сближении обеих армий, он сообщил о сем королю, который, не мешкая, выехал из Бендер в сопровождении сорока офицеров, уже заранее предвкушая удовольствие еще раз сразиться с московитским императором. После многочисленных потерь и губительных

* По сведениям С. М. Соловьева, турок было 119 665, а татар 70 000, русских же только 38 246. (См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. СПб.: Изд-во «Общественная польза», б. г. С. 69.)

маршей у прижатого к Пруту царя не было никаких иных ретраншементов, кроме рогаток и телег. Янычары и спаги уже кое-где нападали на столь дурно укрепившуюся его армию. Но атаки их были беспорядочны, а московиты стойко защищались, побуждаемые присутствием самого государя и отчаянным своим положением.

Турки уже дважды были отбиты. На следующий день граф Понятовский посоветовал великому визирю уморить армию московитов голодом, ибо, не имея никаких припасов и средств, она неминуемо вместе со своим императором через день сдастся на капитуляцию.

Впоследствии царь неоднократно признавался, что никогда за всю свою жизнь не испытывал он столь жестоких мучений, как в ту ночь. Петр мысленно перебирал все, что он уже сделал за столько лет ради счастия и славы своего народа, все те великие дела, кои неизменно прерывались войнами, и теперь могут, еще не завершившись, быть уничтожены вместе с ним самим. Оставался единственный выбор — или погибнуть голодной смертию, или же пробиваться через стовосьмидесятитысячное войско, имея истощенную и наполовину сократившуюся армию, с кавалерией почти без лошадей и погибавшей от голода и лишений пехотой.

Он призвал генерала Шереметева и, не колеблясь и ни с кем не советуясь, приказал заутра начать штыковую атаку на турок.

Кроме того, царь велел сжечь весь обоз, чтобы ни у кого не оставалось более одной повозки, и все остальное не попало бы в руки неприятеля.

Договорившись с генералом о завтрашней битве, удалился он в свой шатер. На него напала превеликая скорбь и подступило то самое конвульсивное сотрясе-

ние тела, каковому часто он бывал подвержен и которое усугублялось при всех несчастиях. Царь приказал никого и ни под каким видом ночью не пускать к нему, не желая выслушивать представления по поводу уже принятого отчаянного, но необходимого решения, равно как и не хотел он показывать то плачевное состояние, в котором сам теперь находился.

Тем временем по его повелению была сожжена бóльшая часть обоза; некоторые зарывали в землю то ценное, чем обладали. Генералы уже отдавали приказы к выступлению и старались внушить армии уверенность, каковой не имели сами. Солдаты, изнуренные усталостью и голодом, шли без одушевления и без надежды. Женщины, коими армия была переполнена сверх меры, издавали вопли, которые еще возбуждали в воинах остатки отваги. Все ждали назавтра смерти или рабства.

Но в московитском лагере находилась одна женщина, не менее замечательная, чем сам царь. Тогда ее называли лишь по имени — Екатериной. Мать ее, звавшаяся Эрб-Магден, была убогой крестьянкой в эстонской деревне Ринген. Народ сей провинции, принадлежавшей тогда шведам, пребывал в рабском состоянии. Отца своего она не знала* и была крещена под именем Марты. Приходский священник воспитывал ее из милости до четырнадцати лет, когда она поступила в услужение к лютеранскому пастору Глюку в Мариенбурге.

В 1702 г. восемнадцати лет от роду она вышла замуж за шведского драгуна, который на следующий

* Екатерина I была дочерью литовского крестьянина Самуила Скавронского.

день после свадьбы не возвратился из неудачной для шведов стычки с московитами, и жена его уже никогда ничего о нем не узнала.

Через несколько дней она сама попала в русский плен, сначала к генералу Боуру, а от него к фельдмаршалу Шереметеву. Сей последний отдал ее Меншикову, который пережил в своей жизни величайшие превратности судьбы: из мальчишки-пирожника он сделался генералом и князем, а под конец жизни был лишен всего и сослан в Сибирь, где и скончался в нищете и безысходности.

Император увидел ее за ужином у князя Меншикова и влюбился с первого взгляда. Он тайно женился на ней в 1702 г.*, прельщенный отнюдь не какими-нибудь женскими уловками, но видя в ней ту твердость духа, каковая была нужна, чтобы споспешествовать не только всем его усилиям, но и продолжать его дело. Он уже давно отверг первую жену свою Евдокию, боярскую дочь, обвиненную в неприятии тех перемен, кои производил он в своих владениях. В его глазах это было величайшим преступлением; Петр не желал, чтобы в собственном его семействе кто-нибудь думал иначе, чем он. Император нашел в сей рабыне-чужеземке качества истинной государыни, хотя и не было в ней никаких добродетелей слабого пола. Ради нее пренебрег он теми предрассудками, кои остановили бы человека обыкновенного, и короновал ее как императрицу. Тот же попечительный гений, который сделал Екатерину супругой Петра Алексеевича, после его

* Петр встретился с Екатериной в 1703 или 1704 г. Их брак совершился 19 февраля 1712 г. В 1724 г. Екатерина была коронована в Москве.

смерти отдал в ее руки и всю Империю. С изумлением взирала Европа на сию женщину, которая, не научившись ни читать, ни писать, сумела возместить недостатки своего образования и характера мужественностью и со славою заняла трон законодателя.

Когда царь женился на ней, она перешла из лютеранской веры, в коей была рождена, в московитскую, и по обычаю получила новое имя, Екатерины. Женщина сия, также находившаяся в прутском лагере, стала советоваться с генералами и вице-канцлером Шафировым, пока царь оставался у себя в шатре.

Все они пришли к тому заключению, что надобно просить у турок мира и сподвигнуть царя на сей демарш. Вице-канцлер написал от имени своего повелителя письмо к великому визирю, а царица вошла с оным письмом в шатер к Петру, несмотря на все его запреты, и после долгих умаливаний, возражений и слез добилась его подписи. Тогда, не мешкая, собрала она все свои драгоценности и все деньги, да еще впридачу заняла кое-что у генералов. Соорудив изо всего набравшегося изрядный презент, она послала его помощнику великого визиря Османа-аге с письмом, подписанным московитским императором. Сам Балтаджи Мехмед поначалу держался с высокомерием визиря и победителя и ответил: «Пусть царь пришлет ко мне первого своего министра, а потом посмотрим, что я смогу сделать». Шафиров не замедлил явиться с подарками, которые публично преподнес великому визирю. Они были достаточно значительны, чтобы показать заинтересованность в нем, но не столь велики для подкупа.

Требование визиря первоначально заключалось в том, чтобы царь со всей армией сдался на капитуляцию. Шафиров ответствовал ему, что император через

четверть часа нападет на него и московиты скорее полягут все до единого, чем согласятся на столь позорные условия. Осман-ага присовокупил к словам Шафирова и свои увещевания.

Мехмед Балтаджи не был воином, он видел, что янычары были вчера отбиты; Осман легко убедил его не рисковать битвой и не ставить на карту верные выгоды. Поэтому сначала согласился он на шестичасовое перемирие, чтобы обсудить условия договора.

Пока шли переговоры, случилось одно незначительное происшествие, которое показывает, что турки зачастую с большею ревностию относятся к данному слову, нежели мы думаем. Двое итальянских дворян, родственники подполковника московитского гренадерского полка господина Брилло, заблудились на фуражировке и были захвачены татарами, которые привели их в лагерь и предложили на продажу одному янычарскому офицеру. Турок сей, возмущенный таковым нарушением перемирия, велел схватить этих татар и сам доставил их вместе с обоими пленниками к великому визирю.

Визирь отослал итальянцев обратно в лагерь к царю, а тем татарам, которые более всего были замешаны в похищении, велел отрубить головы.

Тем временем крымский хан всячески противился сему договору, каковой лишал его надежды на грабеж. Граф Понятовский поддерживал хана, но по более важным резонам. Однако настояния Османа перевесили происки и хана, и Понятовского.

Визирь посчитал, что сделал уже достаточно для султана, заключив выгодный мир: он потребовал у московитов отдачи Азова, уничтожения галер, в сем порту находившихся, и срытия крепостей на Палус

Меотисе* с передачей всех их пушек и амуниции в собственность султана. Также царь должен был вывести свои войска из Польши, не вмешиваться в дела казаков, находившихся под покровительством Польши и Турции, и платить отныне татарам ежегодную субсидию в сорок тысяч цехинов.

Наконец договор был подписан, однако без какого-либо упоминания о короле шведском. Граф Понятовский смог добиться от визиря только включения статьи о свободном возвращении Карла XII и, что самое странное, пожелания мира между царем и шведским королем.

На сих условиях царь получал свободу уйти со всей армией при пушках, знаменах и с обозом. Турки доставили ему продовольствие, и уже через два часа после подписания договора в московитском лагере было изобилие съестных припасов. Переговоры начались 21 июля и завершились 1 августа 1711 г.

Как раз в то самое время, когда вызволившийся из сей опасной переделки царь отступал при барабанном бое и развернутых знаменах, явился шведский король, горевший нетерпением сразиться и заполучить врага в свои руки. Он проскакал верхом более пятидесяти лье из Бендер в Яссы, но его ожидало лишь зрелище отступавших в полном порядке русских войск. Дабы попасть в турецкий лагерь, надобно было переправляться через Прут по мосту, находившемуся в трех лье от сего места. Карл XII, который никогда не поступал как обыкновенные люди, переплыл через реку вплавь, рискуя утонуть, и вдобавок пересек еще и московитский лагерь

* Палус Меотис — римское название Азовского моря (по имени обитавшего на его берегах племени меотов).

с опасностию попасть в плен. Наконец добрался он до турецкой армии и явился в палатку графа Понятовского, который сам мне рассказывал и описывал все, как оно было на самом деле. Граф с печалью подошел к нему и поведал о том, как была потеряна такая оказия, каковой, быть может, никогда уже и не повторится.

Вне себя от гнева король поспешил к шатру великого визиря и с горящим лицом стал упрекать его за подписанный договор, но визирь, сохраняя спокойствие, ответствовал на сие: «Мое право и вести войну, и заключать мир». — «Но, — возразил король, — в твоей власти оказалась вся московитская армия». — «Закон повелевает нам мириться с врагами, когда умоляют они о пощаде». — «И он повелевает тебе заключать дурной договор, когда ты мог продиктовать любые угодные тебе условия? Разве не в твоей власти было привезти царя пленником в Константинополь?»

Турок, уже терявший терпение, сухо ответствовал на сие: «И кто же будет тогда управлять его Империей? Нельзя, чтобы все государи отсутствовали в своих державах». Карл ответил на это лишь презрительной улыбкой. Он бросился на диван и, с возмущением и гневом глядя на визиря, протянул к нему ногу, шпора короля зацепилась за одеяние турка и разорвала оное. Затем Карл резко встал и с отчаянием в сердце ускакал обратно в Бендеры.

Граф Понятовский еще некоторое время оставался в шатре великого визиря, пытаясь более мягкими способами склонить его на бóльшие требования к царю. Но наступило время молитвы, и турок, не отвечая ни единого слова, удалился.

КНИГА ШЕСТАЯ

Интриги в Оттоманской Порте. Карла принуждают к отъезду. Он с сорока слугами защищается противу целой армии. Его пленение

Столь переменчивая Фортуна преследовала Карла и в самом наималейшем: маленький лагерь шведского короля под Бендерами со всеми его жилищами был затоплен водами Днестра. После сего шведы отъехали на несколько миль к селению Варница, и, словно бы по тайному предчувствию будущих событий, король велел построить там большой каменный дом, где можно было в случае нападения несколько часов выдерживать приступ. Противу своего обычая он даже обставил его с роскошью, дабы внушить туркам большее почтение.

На тот же манер было сооружено еще два дома, один для канцелярии, другой для королевского фаворита господина Гротгусена. Пока король занимался сим строительством, как будто решив навсегда остаться в Турции, великий визирь, опасавшийся интриг и жалоб с его стороны, отправил в Вену германского резидента при Порте с просьбой пропустить шведского короля через наследственные владения Австрийского Дома. По прошествии трех недель сей посланец возвратился с согласием Императорского Регентского Совета оказывать Карлу XII все подобающие почести и безопасно препроводить его в Померанию.

К Совету в Вене пришлось обращаться по той причине, что тогда германский император Карл, преемник

Иосифа I, находился в Испании, где оспаривал корону у Филиппа V. Пока происходили сии переговоры, великий визирь отправил к королю трех пашей с уведомлением о настоятельной необходимости для него покинуть пределы Турецкой Империи.

Карл, уже знавший о сем повелении, с самого начала объявил им, буде осмелятся они предложить ему хоть что-нибудь противу его чести и не окажут подобающего почтения, он без промедления велит повесить всех троих. Салоникский паша в наипочтительнейших выражениях передал королю привезенное повеление. Карл прервал аудиенцию, не удостоив их даже ответом. Оставшийся с тремя посланцами канцлер Мюллерн кратко изъяснил им отказ своего государя, что, впрочем, они и так уразумели по его молчанию.

Тем не менее великий визирь не унимался. Он приказал Измаилу-паше, новому бендерскому сераскеру, пригрозить королю гневом султана, ежели он не согласится уехать без малейшего промедления. Но сераскер сей был нрава мягкого и уступчивого, благодаря чему привлек к себе благосклонность Карла и дружественность всех шведов. Король сказал ему, что не уедет до тех пор, пока Ахмед не исполнит двух условий: не накажет своего великого визиря и не даст ему сто тысяч войска для возвращения в Польшу.

Великий визирь понимал, что Карл остается в Турции, дабы погубить его в глазах султана, и посему озаботился поставить охрану на всех дорогах из Бендер в Константинополь, чтобы перехватывать королевские письма. Более того, он лишил Карла огромного содержания в пятьсот экю на день и всей той провизии, каковая потребна для изобильного и роскошного двора.

Когда король узнал об этом, он призвал своего гофмейстера и приказал ему: «До сего дня вы сервировали два стола, отныне их должно быть четыре».

Свита Карла привыкла к тому, что для него не бывает неисполнимых приказов, однако же теперь у них не было ни провизии, ни денег. Пришлось занимать из двадцати, тридцати и даже сорока процентов у офицеров, слуг и янычар, которые уже обогатились от щедрот короля. Голштинский и английский посланники, господа Фабрис и Джеффрис, их секретари и друзья отдали все, что имели. Король с обыкновенной своей надменностью и беззаботностью о завтрашнем дне жил сими даяниями, которых хватило лишь на недолгое время. Надобно было обмануть бдительность стражи и тайно послать кого-нибудь в Константинополь к европейским негоциантам за деньгами. Однако все они отказали в кредите королю, который, по всему вероятию, уже не смог бы отдать взятые деньги. Наконец, некий английский купец по имени Кук решился дать сорок тысяч экю, доставленные в лагерь короля, когда уже стала ощущаться крайняя нехватка во всем и не оставалось никакой надежды на улучшение.

Тем временем граф Понятовский написал реляцию о Прутской кампании, в коей обвинял великого визиря в трусости и предательстве. Доставить сию реляцию султану взялся один старый янычар, оскорбленный слабостью визиря, а еще более подкупленный полученными подарками.

Через несколько дней Понятовский уехал к Оттоманской Порте, дабы интриговать там по своему обыкновению противу великого визиря.

Все обстоятельства для сего были благоприятны: царь, освободившись, не спешил выполнять свои обя-

зательства; ключи от Азова задерживались; сам великий визирь, ответственный за сие, не осмеливался предстать перед султаном.

В то время сераль более чем когда-либо кишел интригами и партиями. Все те происки, столь обыкновенные при всех дворах и завершающиеся у нас в Европе отставкой какого-нибудь министра или, в крайнем случае, ссылкой, в Константинополе стóят нескольких отрубленных голов. Своей жизнию поплатились и прежний визирь Чорлулу, и помощник Балтаджи Мехмеда Осман-ага, главный виновник Прутского мира, хотя и получивший после сего важное место в Порте. Среди сокровищ Османа нашли кольцо царицы и двадцать тысяч золотых в саксонской и московитской монете. Сие послужило явным доказательством того, что только деньги спасли царя от низвержения в пропасть и погубили Карла XII. Великий визирь был сослан на остров Лемнос, где и умер через три года. Султан не отобрал у него имущество даже после смерти, хотя он не был богат, благодаря чему и оставил по себе достойную память. Преемником Балтаджи Мехмеда стал Юсуф, то есть Иосиф, жизнь которого была столь же необычной, как и у всех его предшественников. Родившийся на границах Московии, он шестилетним был захвачен турками вместе с семейством своим и продан одному янычару. Долгое время он прислуживал в серале, но в конце концов из раба превратился во вторую персону Империи, хотя там это всего лишь тень истинного министра. Али Кумурджи, еще будучи селиктаром*, возвысил Юсуфа на сей скользкий пост в ожидании того, чтобы занять его самому. И Юсуф,

* Селиктар — меченосец (придворная должность).

оставаясь его креатурой, не имел никаких иных дел, как только прикладывать печать в соответствии с желаниями фаворита. При новом визире политика оттоманского двора сразу же и полностью переменилась: с царскими посланниками, кои, сохраняя свой статус, оставались заложниками, стали обращаться лучше прежнего. Великий визирь конфирмовал вместе с ними Прутский договор. Но более всего Карла XII уязвляло то, что ставшие известными ему тайные связи Порты с царем происходили через английского и голландского посланников.

После бегства Карла в Бендеры Константинополь уподобился тому, чем столь часто приходилось бывать Риму — средоточием переговоров и интриг всего христианского мира. Французский посланник граф Дезалёр поддерживал здесь интересы Карла и Станислава, посланник германского императора противодействовал им. Шведская и московитская партии сталкивались наподобие французской и испанской в Риме, как это происходило там прежде столь долгое время.

Англия и Голландия сохраняли только видимость нейтралитета — новые возможности для торговли, открывавшиеся в Петербурге, привлекали интерес сих двух торговых наций.

Англичане и голландцы всегда выступают на стороне того государя, который более других благоволит их торговле. От царя можно было получить большие выгоды, и не удивительно, что английский и голландский посланники тайно содействовали ему при Оттоманской Порте. Одно из условий сей новой дружбы заключалось в том, чтобы как можно скорее удалить Карла из Турецкой Империи, то ли потому, что царь надеялся захватить его на дороге, то ли почитали его менее

опасным за ее пределами, дабы не мог он использовать силы Оттоманов противу Империи Российской.

Шведский король домогался того, чтобы Порта отправила его через Польшу вместе с многочисленной армией. Но Диван решил отослать Карла с одним только почетным эскортом из семи—восьми тысяч человек и не в качестве короля-союзника, а лишь как гостя, от которого хотят отделаться.

В сих видах султан Ахмед прислал ему письмо следующего содержания:

«Могущественнейшему среди королей, поклоняющихся Иисусу, защитнику справедливости в государствах Севера и Юга; воссиявшему в величии и другу чести, славы и нашей Блистательной Порты, Карлу, королю Швеции, да благословит Бог все его дела.

Получив послание сие, скрепленное Нашей Императорской Печатью, будьте благонадежны в искренности намерений наших, там изложенных. Хоть и предполагали мы сызнова двинуть противу царя неизменно победоносные войска наши, однако же государь сей, дабы не навлечь на себя праведного нашего гнева за его проволочки в исполнении договора, на берегах Прута заключенного, отдал во владение наше город и крепость Азов и желает при посредстве старинных друзей наших, посланников Англии и Голландии, завязать с нами узы постоянного мира. Мы со своей стороны согласились на сие и дали Нашу Императорскую ратификацию посланникам его, в заложниках у нас обретающимся, после получения из их рук таковой же ратификации.

Наичестнейшему и доблестному Девлет-Гирею, хану Буджака, Крыма, Ногаев и Черкесов, а также наимудрейшему сераскеру нашему в Бендерах Измаилу (да приумножит Господь их величие и разумение) дали мы наши наистрожайшие и благодетельные повеления касательно возвращения вашего через Польшу согласно первоначальному вашему намерению, о каковом мы вновь были вами уведомлены.

Посему надлежит вам, полагаясь на Провидение, приготовиться к отъезду предстоящей зимой в сопровождении почетного эскорта, дабы возвратиться в собственные ваши владения и ехать через Польшу, оставаясь неизменно другом сей страны.

Все потребное для путешествия вашего будет доставлено для вас моей Блистательной Портой, как в отношении денег, так и людей, лошадей и повозок. Превыше всего мы увещеваем вас и советуем вам дать совершенные ясные и утвердительные повеления всем шведам и прочим лицам, при вас находящимся, не чинить никаких беспорядков или прочих иных помешательств, каковые непосредственно или же окольными путями могут нарушить царящие там ныне мир и спокойствие.

Исполнив сие, сохраните вы наше благорасположение, знаки коего мы будем и впредь при соответственных к сему оказиях вам свидетельствовать. Войска, для сопровождения вашего назначенные, получат все соответственные Нашим Императорским намерениям указания.

Дано в нашей Блистательной Порте в Константинополе 14-го дня месяца раби, года хиджры 1124-го».*
Что означало 19 апреля 1712 года.

Сие послание еще не лишало короля шведского последней надежды. Он написал султану о своей вечной признательности за оказанные милости, однако выражал при этом надежду, что чувство справедливости не позволит отправить его с малочисленным эскортом в страну, еще наводненную царскими войсками. Тем более что российский император в нарушение первой статьи Прутского договора не только не вывел из Польши свою армию, но посылает туда еще и новые

* *Хиджра* (*арабск.*, букв. — переселение) — переселение пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в сент. 622 г. Принято как начало мусульманского летоисчисления.

подкрепления, а султану, как сие ни удивительно, ничего об этом не известно.

Недальновидная политика Порты, которая из гордости, принимая у себя чужеземных послов, не имеет при христианских дворах ни единого своего, приводит к тому, что иностранцы не только прознаю́т о тайных ее решениях, но даже и влияют на оные, в то время как Диван пребывает в глубоком неведении касательно всего, у христиан происходящего.

Затворившийся в своем серале среди женщин и евнухов султан смотрит на все лишь глазами великого визиря, а министр сей, столь же недоступный, как и его повелитель, занятый интригами сераля, почти всегда становится жертвой обмана и сам обманывает султана, который при первой же ошибке смещает его или даже велит удавить, после чего избирает для него преемника, столь же невежественного и вероломного. Сей последний, ничем не отличаясь в лучшую сторону, вскоре как и тот низвергается.

Всегдашняя глубокая беспечность сего двора такова, что если бы христианские государи соединились друг с другом, то их корабли были бы у Дарданелл, а войска — под Адрианополем еще прежде того, как турки вздумали бы обороняться. Однако противоположные интересы, всегда разъединяющие христианский мир, спасают турок от той судьбы, каковая ныне уготована им вследствие невежества в искусстве войны на суше и на море.

Ахмед был столь мало осведомлен о делах в Польше, что отправил одного агу разузнать, верно ли, будто войска царя еще находятся там. Этого агу сопровождали два секретаря короля шведского, знавшие турецкий язык, чтобы следить, как бы не послал он ложного донесения.

Ага, увидя все собственными глазами, подал отчет о сем самому султану. Сей последний, придя в негодование, хотел было удавить великого визиря, однако протежировавший ему в своих интересах фаворит выхлопотал для него прощение, и тот еще некоторое время держался у власти.

Русским открыто покровительствовал визирь и тайно — султанский любимец Али Кумурджи, который перекинулся на их сторону. Однако султан так разгневался, нарушение договора было настолько явным, а янычары, которые подчас заставляют дрожать министров, фаворитов и самих султанов, столь громко требовали войны, что никто в серале не осмеливался защищать путь умеренности.

Султан повелел незамедлительно посадить в Семибашенный замок московитских посланников, которые, впрочем, привыкли к тюрьме не менее, чем к пышным аудиенциям. Снова была объявлена война царю, бунчуки* подняты, и разосланы приказы всем пашам собирать двухсоттысячную армию. Сам султан выехал из Константинополя и расположил двор свой в Адрианополе, ближе к театру военных действий.

Как раз в это время по адрианопольской дороге к султану направлялось чрезвычайное посольство от короля Августа и Польской Республики, во главе которого находился мазовецкий воевода со свитою из трехсот особ.

Все сие посольство было задержано и пленено на въезде в город. Никогда еще партия короля шведского

* Бунчук — символ власти турецких пашей, польских и украинских гетманов, атаманов. Имеет вид длинной трости с шаром, под которым прикреплены волосы конского хвоста.

не получала большего удовольствия, чем при сей оказии, однако вскоре все ее упования развеялись в прах.

По мнению некой высокопоставленной и весьма проницательной особы, находившейся тогда в Константинополе, молодой Кумурджи уже обдумывал совсем иные планы, нежели борьба с царем Московии за пустынные пространства и при весьма неясных к тому перспективах. Он намеревался отобрать у венецианцев Пелопоннес, ныне Мореей именуемый, и завладеть всей Венгрией.

Дабы осуществить сии великие замыслы, Али Кумурджи ожидал для себя места великого визиря, чему препятствовали пока лишь его молодые годы. В сих видах царь был нужен ему скорее как союзник, чем враг, равно как и не представлялось никакой выгоды держать у себя шведского короля и тем паче вести ради него войну. Он не только хотел отослать прочь сего государя, но и открыто заявлял, что отныне незачем терпеть в Константинополе христианских посланников, каковые суть не более чем с почетом принимаемые шпионы; они или совращают, или предают визирей и уже издавна плетут в серале всяческие интриги, а живущие в Пере* и Левантинском порту франки — это купцы, и им потребны не посланники, а только консулы. Великий визирь, обязанный своим возвышением и самой жизнию фавориту, коего к тому же он еще и боялся, легко согласился с намерениями сего последнего, тем более что сам уже продался московитам и надеялся еще и отомстить шведскому королю, который хотел погубить его. Муфтий, ставленник Али Кумурджи, также безропотно всему подчинялся: он

* Пера — европейский квартал Константинополя.

советовал султану воевать с царем, когда желал того фаворит, и почитал таковую войну неправедной, если сей юноша переменял свое мнение. И посему, едва армия была собрана, как предложили уладить дело миром. Вице-канцлер Шафиров и молодой Шереметев, полномочные посланники царя и заложники Порты, после долгих препирательств обещали, что царь выведет войска свои из Польши. Великий визирь, прекрасно знавший, что царь никогда не исполнит сего договора, все-таки подписал его. Султан, удовлетворенный видимостью своих повелений русскому царю, оставался пока в Адрианополе. Таким образом, менее чем за полгода можно было видеть заключение мира, объявление войны и возобновление мира.

Главным пунктом всех сих договоров всегда было удаление короля шведского. Однако султан не желал, чтобы собственная его честь и достоинство Оттоманской Империи были скомпрометированы в случае пленения короля врагами на возвратном пути. Его отъезд был решен, но от Польши и Московии потребовали гарантий его безопасности. Посланники поклялись в том от имени своих повелителей, при условии, что Карл не будет возмущать Польшу. Как только Диван решил судьбу Карла, бендерский сераскер Измаил приехал в Варницу, где располагался шведский лагерь, с вестью о решениях Порты и старался деликатно внушить королю, что откладывать отъезд уже никак невозможно.

Карл же ответствовал на сие лишь то, что султан обещал ему целое войско, а не почетный эскорт и что государи должны держать свое слово.

Тем временем первый министр и фаворит короля Августа генерал Флемминг тайно списался с крымским ханом и бендерским сераскером. Полковник саксонской

службы французский дворянин Лёмар неоднократно по каким-то подозрительным поводам ездил из Дрездена в Бендеры.

Как раз тогда же по приказу шведского короля на границе с Валахией был задержан курьер Флемминга, направлявшийся к крымскому хану. Отобранные у него тайнописные грамоты удалось прочитать, и таким образом открылись сношения дрезденского двора с татарами. Однако же письма сии были составлены в столь неясных и общих выражениях, что из них никак не явствовало, чего именно хочет Август: то ли просто отвратить Турцию от шведов, то ли чтобы хан выдал Карла саксонцам на пути через Польшу.

Трудно представить столь благородного государя, как Август, жертвующим ради пленения шведского короля не только своими посланниками, но еще и тремястами польскими дворянами, коих держали заложниками в Адрианополе для гарантии безопасности Карла.

Но, с другой стороны, самовластный министр его, Флемминг, был известен как человек развращенный и беспринципный. Издевательства короля шведского над королем-курфюрстом, казалось, оправдывали любое отмщение, и можно предполагать, что если бы дрезденский двор купил Карла у татарского хана, то без труда мог бы за деньги приобрести у Оттоманской Порты и свободу польских заложников.

Все сии вероятности обсуждались между королем, его личным канцлером Мюллерном и фаворитом Гротгусеном. Они читали и перечитывали захваченные письма, а несчастное их положение делало всех еще более подозрительными, и посему пришли они к тому заключению, что следует готовиться к самому худшему.

Через несколько дней подозрения короля как будто подтвердились поспешным отъездом графа Сапеги, находившегося при его особе и внезапно решившего возвратиться в объятия Августа. При любых других обстоятельствах Карл посчитал бы Сапегу лишь одним из недовольных, но теперь, уже не сомневаясь, зачислил его в предатели. Повторившиеся и далее такие же случаи лишь утвердили короля в том мнении, что замышляется измена и его хотят выдать врагам, хотя существование такового заговора никогда потом не было доказано.

Карл мог обманываться относительно сего предательства, но еще более заблуждался он, полагаясь на помощь Оттоманской Порты. Но, как бы то ни было, шведский король решил, что пока надобно выигрывать время.

Он заявил бендерскому паше, что не может уехать, не заплатив долгов. Паша спросил, сколько ему надобно денег, и король наугад назвал «тысячу кошельков», то есть полтора миллиона франков на наши деньги звонкой монетой. Паша отписал о сем Порте, но султан вместо тысячи просимых кошельков прислал двенадцать сотен при следующем послании:

ПИСЬМО СУЛТАНА БЕНДЕРСКОМУ ПАШЕ

«Настоящим письмом поставляем вас в известность, что в соответствии с рекомендациями вашими и представлениями, равно как таковыми же благороднейшего хана Девлет-Гирея, Наше Величество дарует королю шведскому тысячу кошельков, каковые будут отправлены в Бендеры под надзором достославного Мехмед-паши для сохранения в вашем владении до времени отъезда короля Швеции, да сохранит его Бог! Оные деньги с присовокуплением еще двухсот кошельков от щедрот наших должны быть отданы не ранее

его отъезда, как свидетельство высочайшей нашей щедрости, превышающей заявленную им просьбу.

Что касается пути через Польшу, каковым желает он воспользоваться, то вам совместно с ханом, назначенным для его сопровождения, надлежит принять таковые меры осмотрительности и благоразумия, дабы во все время следования, как войска, под вашею командою находящиеся, так и свита самого короля шведского, нигде не чинили бы никакого урона и не совершали никаких действий, каковые могли бы почитаться предосудительными для мира между Нашей Блистательной Портой и Польской Республикой, то есть чтобы король следовал в качестве друга, под нашим покровительством находящегося.

И ежели будет он соблюдать все согласно вашим нарочитым рекомендациям, то и должны ему оказываться со стороны поляков все почести, надлежащие его королевскому достоинству, в чем заверили нас посланники короля Августа и Республики и даже сами предложили на всех сих условиях остаться вкупе с некоторыми благородными поляками заложниками для безопасного проезда короля шведского.

Когда же наступит время отъезда, условленное вами с благороднейшим Девлет-Гиреем, надлежит вам самолично принять команду над доблестным вашим войском и татарами во главе с ханом и сопровождать короля шведского со всею его свитою.

Да будет угодно Всемогущему Богу направлять стопы ваши. Исполняя повеления и намерения Нашего Величества по всем указанным пунктам и статьям, пребывайте достойными нашей высочайшей благосклонности и вознаграждения.

Дано в константинопольской резиденции Нашего Величества 2-го дня месяца шаввала, года хиджры 1124-го».

Пока ожидался ответ султана, король послал жалобу Порте на хана, коего подозревал он в измене, однако уже все пути охранялись, да и правительство не благоволило ему, а посему письма так и не дошли до

султана. Визирь не разрешил приехать в Адрианополь, где находилась тогда Порта, даже господину Дезалёру, опасаясь, как бы он, действуя в интересах короля, не помешал чем-нибудь отъезду сего последнего.

Карл с негодованием взирал на все сии происки изгнать его из султанских владений и решился ни в коем случае никуда не уезжать.

Он мог бы возвратиться через немецкие земли или же плыть по Черному и Средиземному морям в Марсель, однако предпочитал ни о чем не просить и ждать развития событий.

Когда прибыли двенадцать сотен кошельков, королевский казначей господин Гротгусен, который за время сего долгого пребывания выучился турецкому языку, отправился к паше без толмача в намерении выманить у него сии деньги, а затем завязать какую-нибудь новую интригу при Порте, лелея все ту же несбыточную надежду, что шведская партия подвигнет наконец Оттоманскую Империю выступить противу царя.

Господин Гротгусен сказал паше, что королевские экипажи не могут быть приведены в исправность без денег, на что паша возразил ему: «Но ведь мы берем на себя все дорожные расходы. Пока повелитель ваш находится под покровительством моего повелителя, он не нуждается ни в каких тратах».

Казначей ответствовал ему на сие, будто «между экипажами турецкими и франкскими разница столь велика, что надобно прибегать к помощи шведских и польских мастеров, находящихся в Варнице».

Он заверил его, что король уже готов к отъезду, каковой будет только весьма облегчен и ускорен при помощи сих денег, и доверчивый паша отдал ему все двенадцать сотен кошельков. Через несколько дней он

явился почтительнейше просить приказаний короля касательно предстоящего отъезда.

Сколь же велико было его удивление, когда Карл объявил, что еще не готов ехать и ему надобно еще тысячу кошельков. Пораженный словно громом паша на какое-то время потерял дар речи. Со слезами на глазах он отошел к окну и после недолгого молчания обратился к королю с такими словами: «За свою услужливость твоему величеству я поплачусь головой, ведь я отдал двенадцать сотен кошельков вопреки нарочитому повелению моего господина». Сказав это, он повернулся и пошел прочь.

Карл велел ему остаться и уверял, что сам оправдает его перед султаном. «Ах! — возразил турок. — Мой государь никогда не прощает, он только наказывает!»

Измаил-паша отправился сообщить сию новость татарскому хану, у которого был точно такой же приказ не отдавать двенадцать сотен кошельков до отъезда короля, но, несмотря на это, он тоже согласился передать деньги и теперь трепетал при одной только мысли о гневе султана. Оба написали в Порту оправдательные письма, где заверяли, что отдали сии кошельки, поверив твердым обещаниям королевского министра о безотлагательном отъезде, и умоляли не приписывать сие их нерадивости.

Карл же был убежден, что хан и паша хотят предать его в руки врагов, и велел господину Функу, бывшему тогда его посланником при султане, пожаловаться на них и просить еще тысячу кошельков. По чрезмерной своей щедрости и пренебрежению к деньгам он не понимал всю унизительность сей просьбы, ведь ему нужно было получить отказ, а вместе с тем и новый предлог для того, чтобы никуда не ехать. Его переводчик, человек ловкий и предприимчивый, отвез это

письмо в Адрианополь, несмотря на строгость, с коей великий визирь охранял все дороги.

После того как Функ исполнил опасное сие поручение, вместо ответа его посадили в тюрьму. Возмущенный султан собрал свой Диван и самолично выступил с речью, что случается лишь в самых крайних случаях. Вот каким было ее содержание согласно сделанному сразу же переводу:

«Я никогда ничего не знал о шведском короле до полтавского разгрома и до того, как он попросил у меня убежища в пределах моей Империи. Полагаю, мне не было до него никакого дела, ни тем паче никаких причин для любви к нему или боязни. Тем не менее, сообразуясь лишь с гостеприимством мусульманина и своей щедростию, каковая орошает милостью и великих, и малых, и чужеземцев, и собственных подданных, я принял его и сверх того содержал еще всех его министров, офицеров и солдат, и вот уже три с половиною года, как не иссякают дары мои.

Я предоставил ему внушительный эскорт для сопровождения на возвратном пути в собственные его владения. Он испросил тысячу кошельков, чтобы расплатиться за некоторые расходы, хотя оные уже были покрыты из моей казны. Вместо тысячи я дал ему тысячу двести. Получив их из рук бендерского сераскера, потребовал он еще тысячу и все равно не желает уезжать, ссылаясь на малость эскорта, который, напротив того, слишком велик для путешествия через дружественные земли.

А посему спрашиваю я вас, явится ли отсылка сего государя нарушением законов гостеприимства и осудят ли меня чужеземные державы, если принужден я буду употребить для сего силу?»

Весь Диван единодушно согласился, что султан ни в чем не преступает законы справедливости. Муфтий

заявил, что закон не обязывает мусульманина оказывать гостеприимство неверным, а тем паче еще и людям неблагодарным. Он издал по этому поводу фетву — некоего рода повеление, каковое почти всегда сопровождает султанские указы. Фетва почитается как оракул, хотя исходит она от такого же раба султана, как и все другие его подданные.

Угроза привела Карла в бешенство. «Если смеешь, исполняй то, что тебе велено, но прочь с моих глаз!» Негодующий паша ускакал полным галопом, вопреки обыкновению турок. По пути он встретил господина Фабриса и, не останавливаясь, крикнул ему: «Король ничего не желает слышать; вот теперь ты увидишь нечто необычайное!» В тот же день по приказанию паши королю перестали доставлять съестные припасы и сняли янычарскую охрану. Варницким полякам и казакам было сказано, что если они хотят получать еду, то должны перейти из шведского лагеря в Бендеры под покровительство Порты. Все они исполнили сие, при короле же остались только офицеры его свиты и триста шведских солдат против двадцати тысяч татар и шести тысяч турок.

В лагере уже не оставалось провизии ни для людей, ни для лошадей. Король приказал перестрелять двадцать великолепных арабских скакунов, подаренных ему султаном, и сказал при сем: «Мне не надобны ни их провизия, ни их лошади». Зато для татар, которые, как известно, почитают конину деликатесом, это было настоящее пиршество. Тем временем турки и татары со всех сторон обложили маленький королевский лагерь.

Нимало сим не смущаясь, Карл приказал делать ретраншементы и работал собственными руками, подавая пример своему казначею, всем секретарям и всей при-

слуге. Одни загораживали окна, другие крест-накрест вкапывали за дверьми брусья и балки.

Когда весь дом был прочно забаррикадирован и король осмотрел все сии сооружения, претендовавшие именоваться ретраншементами, он спокойно уселся играть в шахматы со своим фаворитом господином Гротгусеном, почитая себя как бы в полнейшей безопасности. К счастию, голштинский посланник барон Фабрис квартировал не в Варнице, но в маленькой деревушке на полпути до Бендер вместе с английским посланником господином Джеффрисом. Оба сии дипломата, видя надвигающуюся грозу, самочинно взяли на себя роль посредников между турками и королем. Хан, а особливо бендерский паша, не имевшие ни малейшего желания нападать на сего монарха, с радостью приняли их услуги.

Господин Фабрис сообщил им, что у короля есть веские основания опасаться, как бы его не выдали при следовании через Польшу неприятелю. Хан, паша и все присутствовавшие, призывая свидетелем самого Аллаха, поклялись своими головами, что прольют всю кровь до последней капли, защищая честь и безопасность Его Шведского Величества, что русский и польский посланники находятся в полной их власти и заплатят жизнию в случае какого-либо афронта королю. И наконец они с горечью пеняли ему за оскорбительные подозрения в отношении тех, кто столь щедро принимал его. Хотя зачастую клятвы — это всего лишь язык коварства, господин Фабрис дал уговорить себя и обещал сделать попытку убедить короля в несправедливости его подозрений. «Но все-таки, намереваетесь ли вы принудить его к отъезду?» — спросил он. «Да, — ответствовал ему паша, — таков приказ нашего повелителя». Господин Фабрис просил их

еще раз обдумать, имеется ли в виду пролить кровь коронованной особы. «Именно так, — возразил ему разгневанный хан, — ежели коронованная сия голова посмеет ослушаться самого султана во владениях его».

Тем временем все уже было готово для штурма, и гибель Карла казалась неизбежной. Поелику в повелении султана не говорилось с полной утвердительностью, что в случае отпора король должен быть убит, паша послал нарочного в Адрианополь, где находился тогда султан, за последними распоряжениями.

Добившись сей отсрочки, господа Джеффрис и Фабрис поспешили к королю, дабы упредить его об этом, воодушевленные порывом, каковой обычно свойственен людям, приносящим добрые вести. Однако же их ждала весьма холодная встреча. Карл продолжал упорствовать в том мнении, что приказ султана поддельный, иначе не надо было бы посылать за новым повелением.

Английский посланник сразу же удалился, не желая более вмешиваться в дела столь несговорчивого государя. Но королевский фаворит, господин Фабрис, более привычный к причудам короля, остался с ним, чтобы заклинать его не подвергать опасности драгоценную свою жизнь в обстоятельствах толико безнадежных.

Вместо ответа король указал ему на ретраншементы и просил его посредничества лишь для доставления съестных припасов. Получить разрешение возить в лагерь провизию до возвращения курьера из Адрианополя не составляло особого труда, а хан запретил своим татарам любые покусительства противу шведов до получения нового приказа. Поэтому Карл выезжал иногда из лагеря в сопровождении сорока всадников и ездил среди татар, которые с почтением повсюду пропускали его.

Наконец получилось повеление султана переколоть всех шведов, которые окажут хоть малейшее сопротивление, и не давать пощады даже самому королю. Паша по обыкновенной своей обязательности показал сей приказ господину Фабрису, дабы тот мог попытаться еще раз уговорить Карла, однако сей последний в ответ на столь неблагоприятные известия объявил, что это второй подложный приказ и он не намерен даже сдвинуться с места. Господин Фабрис умолял его, сердился, упрекал за бесполезное упрямство, но все было напрасно. «Идите к вашим туркам, — сказал король, улыбаясь, — а если они решатся на приступ, я сумею защититься».

Королевские капелланы также на коленях умоляли не отдавать на бесполезную бойню остатки несчастного полтавского воинства и прежде всего собственную его особу, стараясь убедить кроме всего прочего еще и в том, что таковое сопротивление непростительно, как злоупотребление правами гостеприимства по отношению к чужеземцам, кои столь долго и столь щедро вспомоществовали ему. Король, спокойно слушавший господина Фабриса, осердился на капелланов, которые, по его словам, были взяты для молитв, а не для советов.

Генералы Хорд и Дальдорф, всегда выступавшие против таких битв, которые не предвещали верного успеха, обнажили перед королем свои покрытые шрамами животы и заявили, что готовы умереть за него, но вместе с тем умоляли, чтобы произошло это при более благопотребных обстоятельствах. «По своим и вашим ранам, — ответствовал им Карл, — я знаю, что мы вместе доблестно сражались. До сего дня вы никогда не нарушали свой долг, исполните же его и теперь». Не оставалось ничего другого, как повиноваться, тем

более что каждый считал для себя позором не умереть вместе с королем. Сей монарх втайне льстил себе честию держать оборону противу целой армии всего с тремя сотнями шведов. Каждый был поставлен на свой пост: канцлер Мюллерн, секретарь Эренпрёйс и писцы должны были защищать дом канцелярии; барон Фиф и мундшенки*, равно как конюхи и повара, также имели свои места, ибо у короля всякий был солдатом. Сам он непрестанно ездил на лошади от окопов к дому, раздавая офицерские чины, обещая всем и каждому вознаграждение и даже самым последним лакеям — капитанские звания, ежели они будут храбро сражаться.

Ждать приступа турок и татар пришлось недолго, они открыли пальбу из десяти пушек и двух мортир по малому укреплению, а потом ринулись в атаку. Развевались конские хвосты, трубили горны, со всех сторон раздавалось: «Алла! Алла!» Барон Гротгусен обратил внимание на то, что турки не выкрикивали ничего оскорбительного для короля, а называли его просто «демирбаш» — «железная голова». Барон решился в одиночку и без оружия выйти из ретраншемента. Он приблизился к рядам янычар, которые почти все получали от него деньги, и обратился к ним с такими словами: «Друзья мои, неужели вы перебьете триста беззащитных шведов, вы, доблестные янычары, пощадившие сто тысяч русских, когда они запросили у вас пардона? Неужели вы забыли все то добро, которое видели от нас? Неужели вы убьете великого шведского короля, столь вами любимого и столь для вас щедрого? Друзья мои, ему нужны всего три дня, да и повеление султана не так строго, как вам говорят».

* Мундшенк — придворный виночерпий.

Слова сии возымели таковое действие, на которое и сам барон не мог надеяться. Янычары своими бородами поклялись, что не пойдут противу короля и дают ему просимые три дня. Понапрасну звучал сигнал атаки, янычары не только не шли на приступ, но даже угрожали оборотиться противу своих же начальников, если Карлу не будет дана отсрочка. В возбуждении и беспорядке подступили они к шатру бендерского паши, выкрикивая, что повеления султана подделаны. Сему скоропостижному и внезапному мятежу паша мог противупоставить одно лишь терпеливое выжидание.

Он притворился, что разделяет благородный порыв янычар, и приказал им возвратиться в Бендеры. Но татарский хан, человек жестокий и коварный, хотел безотлагательно идти со своим войском на штурм. Однако паша убедил его подождать до следующего утра.

Возвратившись в Бендеры, паша собрал всех янычарских начальников и самых старых солдат. Он прочел и показал им категорический приказ султана. Шестьдесят самых заслуженных ветеранов с убеленными бородами, получавшие из рук самого короля тысячи подарков, предложили, что сами они пойдут умолять его довериться им в качестве охраны.

Паша согласился на это, он был готов прибегнуть к любому средству, лишь бы ему не пришлось быть орудием убийства шведского монарха. На следующее утро все шестьдесят ветеранов отправились в Варницу, не имея при себе ничего, кроме длинных белых палок — единственного оружия янычар в мирное время. Турки почитают варварством обычай христиан носить шпаги, когда нет войны, и входить с ними не только в дома своих друзей, но даже в храмы.

Янычары обратились к барону Гротгусену и канцлеру Мюллерну и заявили, что пришли как верная охрана короля, и ежели он того пожелает, они сопроводят его до Адрианополя, где у него будет возможность самолично обратиться к султану. Во время сего разговора король читал тайно полученные из Константинополя письма графа Понятовского, который уже не имел возможности служить ему ни в Бендерах, ни в Адрианополе, поелику после вызывающего требования второй тысячи кошельков его держали в Константинополе. Он сообщал, что приказ Порты схватить или убить короля при малейшем сопротивлении именно таков, хотя на самом деле министры и обманули султана. Тем не менее надобно уступить обстоятельствам и стараться действовать через министров, не выказывая упрямства, а напротив, лишь готовность идти на уступки. Лекарство следует искать в средствах политических и действии времени, но отнюдь не в жестком упорстве, каковое принесет один лишь бесполезный вред.

Однако ни речи ветеранов-янычар, ни письма Понятовского нимало не убедили короля в том, что он может уступить без потери лица. Он предпочитал смерть турецкому плену и отослал янычар, даже не пожелав видеть их, а велел лишь передать, что ежели они не уйдут, то велит отрезать им бороды, что на Востоке почитается самым тяжким из всех оскорблений.

Ветераны, исполненные живейшего негодования, удалились с криками: «Ах ты, железная голова! Так погибай же, если хочешь смерти!» Они сообщили паше о своих переговорах, а товарищам в Бендерах рассказали про то, какой прием был им оказан. Тут же все поклялись подчиниться повелению паши и теперь уже столь же нетерпеливо ожидали приступа, как еще накануне не желали оного.

Сразу прозвучал приказ. Турки двинулись на ретраншементы, возле которых их уже ожидали татары. Началась пальба из пушек. В единое мгновение янычары и татары ворвались в лагерь. Не успели шведы обнажить шпаги, как триста солдат, не оказавших никакого сопротивления, были уже пленены. Король в это время скакал верхом между своим домом и лагерем вместе с генералами Хордом, Дальдорфом и Спарре. Видя, как тут же в его присутствии солдаты сдаются в плен, хладнокровно сказал он своим спутникам: «Надо защищать дом, — и с улыбкой добавил: — Будем сражаться pro aris et focis»*.

Он галопом поскакал к дому, укрепленному насколько то было возможно; его охраняли сорок слуг, расставленные на манер часовых.

Сопровождавшие его генералы, хотя и привыкшие к неустрашимому упорству Карла, все-таки не могли не восхититься таковым хладнокровием и даже игривостью тона перед лицом целой неприятельской армии при десяти пушках. Всего за королем следовало несколько гвардейцев и слуг, не более, чем двадцать человек.

Подъехав к дверям дома, увидели они осаждавших его янычар. Сотни две татар и турок уже проникли через окно внутрь и овладели всеми комнатами за исключением большой залы, где забаррикадировалась королевская прислуга. К счастью, зала сия была совсем рядом с той дверью, в которую хотели войти король и его свита. Карл спрыгнул с лошади с пистолетом в одной руке и шпагой в другой. Все остальные последовали за ним.

Янычары со всех сторон набросились на него. Их воодушевляли обещанные пашой восемь золотых дукатов

* «За алтари и очаги» *(лат.)*, т. е. за самое важное и дорогое.

каждому, кто хотя бы дотронется до короля при его пленении. Карл колол и валил замертво всех, кто только приближался к нему. Один из янычар упер мушкет прямо в его лицо, и если бы рука турка не дрогнула от толчка бушующей схватки, король был бы убит на месте. Пуля скользнула по его носу, оторвала кусочек уха и раздробила руку генералу Хорду, который постоянно получал раны, когда находился рядом со своим повелителем.

Король воткнул шпагу в живот стрелявшего, а тем временем запершиеся в зале слуги отворили дверь, и он вместе со свитой стрелой влетел внутрь. Дверь сразу же захлопнули и завалили всем, что только оказалось под рукой. Теперь их было около шестидесяти человек: офицеры, гвардейцы, секретари, камердинеры и прочая прислуга.

Тем временем ворвавшиеся татары и янычары грабили сплошь все, что только было в комнатах. «Ну что ж, пора уже выгнать из моего дома этих варваров», — сказал король. Встав во главе своих людей, он сам открыл дверь залы, выходившую в спальню, и они начали палить по скопившимся там грабителям.

Нагруженные добычей турки были ошеломлены при виде короля, коего привыкли они за прошедшее время почитать, и, побросав оружие, стали выскакивать из окон и прятаться в подвалах. Карл воспользовался их замешательством и вместе с воодушевленными сим успехом шведами стал гонять еще остававшихся по комнатам, убивая и нанося удары во все стороны. Через четверть часа дом был полностью очищен от нападавших.

В пылу боя король заметил двух янычар, спрятавшихся под его кроватью. Одного он прикончил ударом шпаги, но другой стал просить у него пощады. «Я дарю тебе жизнь, — сказал ему Карл, — при условии, что ты

в точности расскажешь паше обо всем, здесь происшедшем». Турок поклялся исполнить сие условие, и ему позволили по примеру всех прочих выпрыгнуть из окна.

Снова став хозяевами дома, шведы забаррикадировали теперь и окна. Оружия у них было вполне достаточно: та комната, где хранилось множество мушкетов и порох, не подверглась разорению, и весь сей арсенал они употребили теперь в дело. Смертоносная пальба из окон чуть ли не в упор унесла за четверть часа жизни, по меньшей мере, двух сотен янычар.

Пушечные выстрелы не могли разрушить дом, поелику камни, из коих он был сложен, оказались столь мягкими, что ядра лишь пробивали в них дыры, но не могли повалить сами стены.

Татарский хан и паша хотели взять короля живым и, видя к вящему своему позору, что потеряли уже столько людей из целой армии, осаждавшей каких-то шестьдесят человек, решили поджечь дом, дабы принудить Карла выйти из него и сдаться. С этой целью начали они пускать зажженные стрелы на крышу, в окна и в двери. За какую-нибудь минуту дом запылал, и загоревшаяся крыша должна была вот-вот обрушиться на шведов, однако король с полнейшим спокойствием распоряжался тушением огня. Увидев бочонок с какой-то жидкостью, он самолично опорожнил его прямо на пламя, но в бочонке оказалась водка, отчего пожар запылал с еще большей силой. Зала, где сгрудились шведы, наполнилась едким дымом, а из-под дверей стали наползать языки огня. Одна половина крыши уже провалилась внутрь дома, остатки второй высыпались наружу.

В сей крайности один из гвардейцев, по имени Вальберг, решился крикнуть, что надобно сдаться. «Странный человек, — сказал Карл, — он не понимает,

сколь более славно сгореть живым, нежели попасть в плен!» Другой гвардеец, Розен, заметил, что у соседнего дома, где помещалась канцелярия, каменная крыша и поэтому он безопасен от пожара. Надо сделать вылазку и пробиться к нему, а там уже держать оборону. «Вот настоящий швед!» — вскричал король и, поцеловав его, тут же поздравил полковником. «Вперед, друзья мои, берите как можно больше пороха и пуль. Будем пробиваться шпагами».

Окружавшие пылавший дом турки с ужасом и восхищением смотрели на то, что никто не выходит наружу. Но еще более поразились они, когда из открывшихся дверей выбежали шведы во главе с королем и яростно набросились на них. Карл и офицеры были вооружены шпагами и пистолетами. Едва отворилась дверь, как каждый сделал по два выстрела и тут же, бросив пистолеты, все они выхватили шпаги и отбросили турок более чем на пятьсот шагов. Но в следующее мгновение маленький сей отряд был окружен. Король, носивший всегда ботфорты, зацепился шпорами и упал. Двадцать янычар навалились на него, он только подкинул вверх свою шпагу, чтобы избежать позора самому отдать ее в руки врага. Турки принесли его в главную квартиру паши словно больного, которого боятся потревожить лишним движением.

Как только Карл понял, что он уже схвачен, буйный его нрав и воспаленная сим ужасным боем ярость неожиданно сменились спокойствием и кротостию. У него не вырвалось ни единого нетерпеливого слова, ни единого гневного взгляда не отобразилось на его лице. Одновременно с ним были захвачены и его офицеры и тут же ограблены до нитки. Все это случилось 12 февраля 1713 года, и необычайное сие событие имело еще более необычайные последствия.

КНИГА СЕДЬМАЯ

**Турки перевозят Карла в Демирташ.
Переворот в серале. Война в Померании.
Карл возвращается в свои владения.
Успехи Петра Великого**

Бендерский паша ожидал Карла в своем шатре вместе с переводчиком Марко. Он встретил короля с изъявлениями глубочайшего почтения и просил его отдохнуть на диване, однако Карл, не обращая внимания на любезности турка, продолжал стоять.

«Да благословен Всемогущий Бог, сохранивший жизнь вашего величества! — сказал паша. — Я в отчаянии от того, что ваше величество принудил меня к исполнению повелений его высочества». Король, недовольный лишь сдачею в плен трехсот своих солдат, отвечал: «Ах, если бы они исполнили свой долг, нас не взяли бы и за десять дней». — «Увы, — возразил ему турок. — Сколь бесполезно было сие изъявление доблести!» По приказанию паши король был привезен в Бендеры на лошадях с роскошной упряжью и попонами. Все его шведы были или убиты, или пленены. Имущество, снаряжение, бумаги и одежда — все, вплоть до самой необходимой мелочи, было разграблено или сожжено. По дороге вели чуть ли не голыми шведских офицеров, скованных по двое. Такая же участь постигла канцлера и генералов — они стали рабами поделивших их между собою солдат.

Измаил-паша уступил Карлу в своем бендерском дворце собственные апартаменты, где ему прислуживали как королю, хотя у дверей ради предосторожности

всегда стояла янычарская стража. Для него приготовили постель, но он, даже не снимая сапог, бросился на диван и заснул мертвым сном. Утром следующего дня к королю допустили барона Фабриса, каковой увидел сего государя в разорванных одеждах, с обожженными бровями, всего в крови и пороховой копоти. Но, несмотря на ужасный сей вид, был он совершенно спокоен. Барон кинулся перед ним на колени, не имея сил произнести хотя бы слово. Однако же мягкий и дружеский тон короля вскоре успокоил его, и они со смехом стали вспоминать бендерский бой. «Говорят, будто ваше величество собственной рукой убили двадцать янычар», — сказал господин Фабрис. «Ну, ну, в таких делах всегда увеличивают все вдвое». Как раз во время сей беседы паша прислал к королю фаворита его господина Гротгусена и полковника Риббинса, коих выкупил он на свои деньги. Освобождением других пленников занялся и барон Фабрис.

К нему присоединился также английский посланник господин Джеффрис, пожелавший участвовать в потребных на сие расходах, и некий француз, приехавший в Бендеры из одного только любопытства и описавший впоследствии происшедшие события. С помощью паши, каковой давал еще и свои деньги, сии иноземцы выкупили у турок и татар не только всех офицеров, но и их одежду.

На следующий день короля повезли по адрианопольской дороге вместе с казначеем господином Гротгусеном, а канцлер Мюллерн и несколько офицеров были в другой карете, некоторые ехали верхом. Во главе эскорта находился сам паша.

Барон Фабрис пристыдил его, что невеликодушно оставлять короля без шпаги, однако же паша ответ-

ствовал на сие: «Сохрани меня Господь, ведь он хотел обрезать нам бороды!» Впрочем, через несколько часов шпага была возвращена.

Пока препровождали, как обезоруженного пленника, сего короля, который еще несколько лет назад диктовал законы стольким государствам в качестве арбитра Северной Европы и наводил на нее ужас, в том же самом месте можно было видеть еще один пример хрупкости величия человеческого.

В турецких землях был задержан король Станислав, и его везли как пленника в Бендеры.

Те руки, которые сделали Станислава королем, уже не могли теперь поддерживать его, и, оставшись без денег, а следовательно, и без своей партии в Польше, удалился он сначала в Померанию. Не имея сил сохранить собственное королевство, Станислав защищал, пока мог, владения своего благодетеля. Он даже поехал в Швецию, чтобы ускорить подкрепления, кои были столь необходимы в Померании и Ливонии, и сделал все возможное для истинного своего друга Карла. В то время первый прусский король, государь, умудренный опытом и вполне основательно опасавшийся соседства с московитами, задумал объединиться с Августом и Польской Республикой, дабы выдворить русских обратно в их страну. Он даже намеревался привлечь к сим планам и самого Карла XII. От сего должны были воспоследовать три великих блага: мир на севере Европы, возвращение Карла в свои владения и преграда противу слишком уже усилившихся русских. Началом сего союза, от коего зависело всеобщее спокойствие, было отречение Станислава. Сей последний не только согласился на это, но и взял на себя обязанности посредника в заключении того мира, который отнимал

у него корону. На сие сподвигнули его как необходимость и всеобщее благо, так и слава пожертвования. К тому же заботился он и об интересах Карла, коему был всем обязан и коего искренне любил. Он написал в Бендеры и изобразил королю состояние всех дел, случившиеся несчастия и потребные противу оных средства. Станислав заклинал его не противиться отречению, столь же неизбежному по всем обстоятельствам, как и благородному по самим побуждениям. Он настоятельно просил не приносить в жертву интересы Швеции ради несчастного друга, который отрекся добровольно, заботясь лишь о всеобщем благоденствии. Карл XII получил его письма еще в Варнице и в присутствии свидетелей гневливо сказал курьеру: «Ежели друг мой никак не желает быть королем, значит, я поставлю на его место кого-нибудь другого».

Станислав упорствовал в своей жертве, которую не желал принимать Карл, и поэтому он вознамерился самолично убедить шведского короля. Ради отречения пошел он на больший риск, нежели тот, каковой ожидал его при овладении престолом. Однажды в десять часов вечера он тайно покинул шведскую армию, коей командовал в Померании, и уехал вместе с бароном Спарре, ставшим впоследствии посланником в Англии и Франции, и еще одним полковником. Он взял себе имя некоего француза Арана, майора шведской службы, который умер, будучи комендантом Данцига. Станислав объехал стороной вражескую армию, беря на почте лошадей по паспорту Арана, и наконец после немалых опасностей достиг турецкой границы.

Оказавшись в Молдавии, он отправил обратно к армии барона Спарре и въехал в Яссы, почитая себя совершенно безопасным в сей стране, где толико ува-

жали короля шведского. Он даже не подозревал, что именно тогда происходило там.

Его спросили, кто он таков, и Станислав назвался майором шведской службы, после чего сразу же был арестован при одном лишь упоминании сего имени. Его доставили к молдавскому господарю, который знал уже из газет о бегстве бывшего польского короля и заподозрил истину. Ему описали лицо Станислава, легко узнаваемое по своей полноте и редко встречающемуся выражению мягкосердечия.

Господарь принялся расспрашивать его, стараясь выведать как можно больше, и наконец спросил, кем он был в шведской армии. Оба они говорили по-латыни. «Major sum»*, — ответствовал ему Станислав. Хотя молдаванин и обходился с ним как с королем, но все-таки — как с королем-пленником, и в греческом монастыре, куда его поместили до получения приказаний султана, была поставлена неусыпная стража. Вскоре таковые приказания пришли, и велено было препроводить Станислава в Бендеры, откуда только что увезли Карла.

Новость сия достигла бендерского паши, когда он сопровождал экипаж шведского короля. Паша поведал ее господину Фабрису, и сей последний, приблизившись к Карлу XII, сообщил ему, что отныне он уже не единственный король-пленник в руках у турок и что Станислава везут под конвоем всего в нескольких милях отсюда. «Поспешите к нему, любезный мой Фабрис, — отвечал Карл, не проявляя никаких признаков волнения при сем известии, — и скажите ему, что Август никогда не примирится с ним, но дела наши уже близки

* «Майор есмь» *(лат.)*.

к лучшей перемене». Таков был несгибаемый характер Карла, который, несмотря на предательство поляков, вторжение врагов в собственные его владения и теперешнее свое положение, когда его как пленника везли неизвестно куда, все-таки надеялся еще на свою звезду и рассчитывал получить для себя стотысячное оттоманское войско. Господин Фабрис с разрешения паши и в сопровождении одного янычара поспешил исполнить сию комиссию. Через несколько миль встретил он большой отряд солдат, сопровождавших Станислава. Приметив среди них некоего кавалера, одетого во французское платье и на захудалой лошади, спросил он его по-немецки, где находится теперь польский король. Человек сей и оказался самим королем. «Ах, — ответствовал ему Станислав, — значит, вы уже не помните меня!» Тогда господин Фабрис поведал о нынешнем печальном положении короля шведского и о несгибаемой, хотя и бесполезной твердости его намерений.

Когда Станислав уже подъезжал к Бендерам, паша послал ему арабского скакуна с роскошной сбруей.

Станислав был встречен в Бендерах пушечными залпами, и у него не было никаких причин жаловаться на обращение с ним. А тем временем Карла везли по адрианопольской дороге. Город сей уже полнился слухами об учиненном им побоище. Турки и проклинали его, и восхищались им, однако раздраженный Диван намеревался сослать короля на один из островов Архипелага*.

Польский король Станислав оказал мне честь, рассказав о большинстве сих обстоятельств, равно как

* Имеется в виду Греческий архипелаг, расположенный в северо-восточной части Средиземного моря.

и о том, что предполагалось отправить на один из греческих островов и его самого, однако через несколько месяцев султан смилостивился и позволил ему уехать.

К сожалению, те, кто мог помочь при сих обстоятельствах, то есть господин Дезалёр и граф Понятовский, находились тогда в Константинополе. Большинство шведов, оказавшихся в Адрианополе, были заключены в тюрьму. Казалось, что трон султана со всех сторон неприступен для жалоб шведского короля.

В Адрианополе находился тогда посланный к Карлу из Франции маркиз де Фьервиль. Он решился помочь сему государю, всеми покинутому и преследуемому. К счастию, в таковом намерении вспомоществовал ему некий французский дворянин по имени Вильлонг, человек неустрашимой храбрости, восхищавшийся королем Карлом и приехавший в Турцию нарочито для того, дабы определиться на службу сего государя.

Маркиз де Фьервиль с помощью этого молодого человека написал от имени короля Швеции памятную записку, в коей монарх сей требовал у султана возмездия за нанесенное в его лице оскорбление всем коронованным особам, равно как и за предательство хана и бендерского паши.

Визиря и других министров обвиняли в том, что те продались московитам, предали султана, перехватывали письма Карла и интригами заставили своего государя позорно нарушить закон мусульманского гостеприимства и международного права, напав с двадцатитысячной армией на Карла, у которого не было иной защиты, кроме кучки слуг, и который полагался на священное слово самого повелителя турок.

Когда сей мемуар был составлен, надлежало перевести его на турецкий язык и написать особенным

начертанием на бумаге, нарочито изготовляемой для всего, что подносится султану.

Обратились к французским переводчикам, однако дела шведского короля представлялись столь безнадежными, а визирь с такой решительностью выступал противу него, что ни один из них не осмелился даже перевести мемуар маркиза де Фьервиля. Наконец нашли какого-то иностранца, руку которого не знали в Порте, и он за вознаграждение и при условии глубочайшей тайны сделал перевод и переписал его в надлежащем виде. Шведский офицер барон Арвидсон подделал подпись короля, а маркиз приложил хранившуюся у него королевскую печать. Вильлонг же взялся вручить пакет султану в собственные руки, когда тот пойдет в мечеть. Но визирь, предвидевший требования шведов восстановить справедливость, категорически запретил допускать кого-либо на близкое расстояние к султану, а всех, кого заметят возле мечети с прошениями, незамедлительно брать под стражу.

Вильлонг знал о сем распоряжении и понимал, что рискует головой. Он сменил свой франкский костюм на греческое одеяние и, спрятав на груди письмо, с раннего утра стал прогуливаться возле той мечети, куда обыкновенно ездил султан. Притворившись безумным, он, приплясывая, втерся между двумя рядами янычар, среди коих должен был шествовать повелитель турок, а для удовольствия охраны преднамеренно обронил несколько серебряных монет.

Когда появился султан, Вильлонга пытались оттеснить, но он бросился наземь и стал биться в руках янычар. Головной убор его свалился, и обнажились длинные волосы, которые сразу выдали в нем франка. На него посыпались жестокие удары. Приблизившийся сул-

тан спросил о причине шума и беспорядка. Вильлонг закричал изо всех сил: «Амман! Амман! Пощади!» И тогда султан велел ему приблизиться. Он подбежал, поцеловал стремя и подал пакет со словами: «Это прислал тебе король Швеции». Султан спрятал письмо у себя на груди и поехал дальше, а Вильлонга схватили и бросили в тюрьму.

Выйдя из мечети, султан прочел письмо, после чего пожелал сам допросить дерзкого ходатая. То, что я расскажу дальше, может показаться невероятным, но основываюсь я на письмах самого господина Вильлонга, а слово доблестного офицера все-таки заслуживает доверия. Как он пишет, султан сменил свое императорское одеяние на костюм янычарского офицера, что, впрочем, случалось с ним довольно часто. В качестве переводчика он взял с собой некоего старика-мальтийца. Благодаря сему переодеванию, Вильлонг удостоился того, о чем не мог мечтать ни один посланник христианской страны: беседы наедине с турецким императором на целые четверть часа. Он с полнейшей непринужденностию изъяснил ему все беды короля Швеции, пожаловался на министров и просил о возмещении за нанесенные обиды и оскорбления. Несмотря на тюремный мрак, Вильлонг легко узнал султана и посему говорил с тем большей свободой. Мнимый янычар сказал ему: «Гяур*, будь уверен, что у повелителя моего душа великого императора, и если твой шведский король прав, он поступит с ним по справедливости». Вскоре Вильлонга выпустили из тюрьмы, а через несколько недель во дворце произошли внезапные перемены, которые шведы почли за

* Гяур — презрительное название всякого иноверца у мусульман.

следствие сего необычайного разговора. Был низложен муфтий, татарского хана сослали на Родос, а бендерского пашу — на один из островов Архипелага.

Оттоманская Порта столь подвержена подобным потрясениям, что почти невозможно понять, действительно ли султан хотел сими переменами удовлетворить короля. То, как обращались с ним, отнюдь не свидетельствовало о желании турок сделать ему что-либо приятное.

Султанского фаворита Али Кумурджи подозревали в том, что он единолично произвел все сии перемены ради собственных своих интересов. Говорили, будто по его проискам сослали татарского хана и бендерского пашу под тем предлогом, что они, вопреки повелению султана, отдали шведскому королю двенадцать сотен кошельков. Али Кумурджи посадил на татарский трон брата свергнутого хана*, такого же молодого человека, как и сам фаворит. Креатура сия вполне соответствовала видам Али Кумурджи начать новую войну, да к тому же новый хан еще и не питал никаких родственных чувств к старшему своему брату. Что касается великого визиря Юсуфа, то он был сослан через несколько недель, и его место занял Сулейман-паша.

Господин де Вильлонг и некоторые шведы уверяли меня, будто одно только письмо, поданное от имени шведского короля, произвело все сии великие перемены в Порте. Но господин де Фьервиль со своей стороны утверждал совершенно обратное. Подобное же несоответствие находил я и в некоторых других дове-

---

* Ошибка автора. После смещения Девлет-Гирея II с 1713 по 1716 г. правил Каплан-Гирей I, который уже занимал престол в 1707–1708 гг. (См.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 25.)

рявшихся мне мемуарах. В таковых обстоятельствах историку остается лишь бесхитростно пересказывать все происшедшее, не пытаясь проникнуть в движущие оным причины, и с точностию передавать известное ему без притязаний на большее.

Тем временем Карла перевезли сначала в замок Демирташ под Адрианополем. Чтобы только увидеть его, там собралась несметная толпа турок. Из кареты короля вынесли на диване, но, не желая любопытных взглядов, закрыл он лицо свое платком.

Порта сначала никак не соглашалась оставить Карла в Демотике, небольшом городке в шести лье от Адрианополя у знаменитой реки Гебруса, ныне именуемой Марицей, но в конце концов согласилась на сие. Кумурджи сказал великому визирю Сулейману: «Передай королю шведскому, что он может оставаться в Демотике хоть всю свою жизнь. Не сомневайся, не пройдет и года, как он уедет по собственной воле. Главное, сделай так, чтобы у него не было денег».

Короля перевезли в этот небольшой городок, и ему было назначено изрядное содержание провизией, как и для всей его свиты, но всего лишь двадцать пять экю в день на свинину и вино, каковые сами турки никогда не употребляют. А о пятистах бендерских экю уже не было и речи.

Едва Карл успел обосноваться с небольшим своим двором в Демотике, как был смещен великий визирь Сулейман и на его место поставлен Ибрагим-Молла, гордый, отважный и безмерно грубый человек. Для читателя, может быть, небезынтересно узнать историю его жизни, дающую представление обо всех этих вице-королях Оттоманской Империи, от которых столь зависела судьба Карла XII.

При воцарении султана Ахмеда III он был лишь простым матросом. Император сей имел обыкновение переодеваться в простое платье и под видом частного человека или дервиша* ходить вечером по кофейням и прочим общественным местам Константинополя, дабы услышать, что говорят про него самого, и разузнавать таким образом из первых рук истинные чувства народа. Однажды он услышал, как сей Молла жаловался на то, что турецкие корабли никогда не приходят с призами, и если бы он был капитаном, то никогда не возвращался бы в Константинополь без какого-нибудь корабля неверных. Султан назавтра же приказал дать ему под команду корабль и отправить в каперский рейс**. Уже через несколько дней новый капитан привел мальтийское судно и генуэзский галиот. Не прошло и двух лет, как он стал сначала адмиралом, а потом и великим визирем. Оказавшись на сей должности, возомнил он, будто сможет обойтись и без фаворита, а для того, чтобы сделать себя необходимым, замыслил начать войну с московитами. В сих видах великий визирь велел поставить шатер свой поблизости от того места, где находился король шведский.

Визирь пригласил Карла к себе в шатер вместе с новым татарским ханом и французским посланником. Король, становившийся по мере умножения своих несчастий все более и более надменным, почел величайшим для себя оскорблением то, что подданный другого государя осмелился посылать за ним. Он велел канцлеру Мюллерну отправиться вместо него, а сам, опасаясь,

---

* Дервиш — мусульманский монах.

** Каперский рейс — имеется в виду плавание на частновладельческом судне с целью захвата судов, перевозящих контрабандные товары.

как бы турки не выказали ему какого-либо неуважения и не нанесли урон его чести, улегся в постель, решившись не покидать оную на все время пребывания своего в Демотике. Так он пролежал десять месяцев, притворяясь больным, и допускал к себе для трапез только канцлера Мюллерна, господина Гротгусена и полковника Дуббенса. У них не было никаких предметов европейского обихода, ибо все пропало во время бендерского боя, и поэтому не только не соблюдался пристойный церемониал, но не могли они пользоваться даже простейшими удобствами. Прислуживать приходилось самим себе, а обязанности повара исполнял все это время канцлер Мюллерн.

Пока Карл XII препровождал подобным образом свою жизнь, не вставая с постели, известился он о разорении всех своих провинций, вне собственно Швеции находившихся.

Генерал Стенбок, прославившийся своей победой во главе одного лишь крестьянского ополчения над отборными датскими войсками, еще некоторое время поддерживал репутацию шведского оружия: пока хватало сил, он защищал Померанию, герцогство Бременское и остатки королевских владений в Германии. Однако же не мог он воспрепятствовать объединенным саксонцам и датчанам осадить сильно укрепленный город Штаде, находящийся в Бременском герцогстве неподалеку от Эльбы. Город сей подвергся бомбардированию и был обращен в пепел. Гарнизону пришлось сдаться на капитуляцию, так и не дождавшись помощи от Стенбока.

Сей генерал с двенадцатитысячным корпусом, из коего половину составляла кавалерия, преследовал вдвое сильнейшего неприятеля и настиг его в герцогстве

Мекленбургском у местечка Гадебек, возле небольшой реки того же имени. Произошло сие 20 декабря 1712 г. Шведов отделяло от неприятеля болото, за которым и находился лагерь оного. Саксонцы и датчане имели преимущество числа и местности, и к ним невозможно было подступиться, не пройдя под пушечным огнем через трясину.

Стенбок во главе своих войск, в ордер баталии построенных, завязал сражение, кровопролитнейшее из всех бывших между сими соперничающими нациями. Через три часа датчане и саксонцы были смяты и отошли с поля боя.

Сын короля Августа и графини де Кёнигсмарк, известный под именем графа Саксонского*, получил в сей баталии свое первое боевое крещение. Впоследствии он удостоился чести быть избранным герцогом Курляндии, но ему не хватило сил воспользоваться сим бесспорнейшим правом на достоинство суверена, а именно единодушным желанием всего народа. Впоследствии он завоевал для себя еще большую славу как спаситель Франции в битве при Фонтенуа** и завоеватель Фландрии, и заслужил репутацию величайшего полководца нашего века.

В Гадебеке граф Саксонский командовал полком, и под ним была убита лошадь. Он говорил при мне, что шведы ни на мгновение не размыкали строй, и даже после того, как победа была уже решена, ни один из

---

* Имеется в виду Мориц Саксонский. (См. комментированный указатель имен.)

** Фонтенуа — селение в Бельгии, возле которого 11 мая 1745 г. во время войны за Австрийское наследство 1740–1748 гг. командовавший французской армией маршал Мориц Саксонский разгромил англо-голландско-ганноверские войска.

сих доблестных воинов, имея у себя под ногами мертвые тела врагов, не осмелился наклониться для грабежа до тех пор, пока тут же на поле битвы не прочли благодарственную молитву. Вот сколь неколебима была та строжайшая дисциплина, к коей приучил их король!

После сей виктории Стенбок вознамерился отомстить за сожженный Штаде и направился к расположенному на Эльбе неподалеку от Гамбурга датскому городу и порту Альтоне, куда могли заходить довольно большие корабли. Король Дании дал сему городу многие привилегии, желая насадить там процветающую торговлю. Благодаря своему трудолюбию, жители, поощряемые мудрыми попечениями монарха, поставили Альтону в число городов богатых. Сие возбудило ревность Гамбурга, стремившегося во что бы то ни стало изничтожить своего соперника. Явившись к Альтоне, Стенбок послал туда трубача, который объявил жителям, что они могут выйти из города с таковыми пожитками, кои способны унести на себе, а жилища их будут сожжены дотла.

Городские магистраты бросились ему в ноги и предлагали сто тысяч экю контрибуции, но Стенбок потребовал двести тысяч. Альтонцы умоляли его дать им время до завтрашнего дня, чтобы снестись с Гамбургом, где были их денежные счета, однако генерал требовал немедленной уплаты под страхом безотлагательного сожжения.

Войска его уже достигли предместий города, и солдаты держали наготове зажженные факелы. Единственной защитой города оставались хлипкие деревянные ворота и давно осыпавшийся ров. Несчастные обыватели принуждены были посреди ночи поспешно покинуть дома свои. Случилось сие 9 января 1713 г. Стоял

жестокий холод, усугубленный порывистым северным ветром, раздувавшим пламя в загоревшемся уже городе. Сгорбленные под тяжестью своих пожитков, мужчины и женщины с воплями и стонами спасались кто как мог на обледенелых холмах. Молодые тащили на плечах парализованных старцев. Только что родившие женщины прижимали к себе младенцев и замерзали до смерти в виду сгоравшего на их глазах родного города. Шведы зажгли его, даже не дожидаясь выхода всех жителей. Альтона горела от полуночи до десяти часов утра, почти все дома в ней были деревянные, и от них остался один лишь пепел. На следующий день уже никто не смог бы сказать, что на сем месте когда-то стоял город.

А тем временем, пока горели их жилища, старцы, больные и слабые женщины еле брели по льду к Гамбургу и умоляли жителей его о спасении, прося открыть для них городские ворота. Однако из-за вспыхнувших в Альтоне заразных болезней им было в сем отказано, и тем легче, что гамбуржцы не настолько любили альтонцев, дабы подвергать ради них опасности собственный свой город. Вследствие сего большинство сих несчастных погибли под гамбургскими стенами, призывая небо в свидетели варварства шведов и отнюдь не меньшего злодейства граждан Гамбурга.

Вся Германия восстала противу сей бесчеловечной жестокости. Министры и генералы Польши и Дании письменно выразили графу Стенбоку свое негодование сим бесполезным и не имеющим никакого оправдания злодеянием, взывающим о возмездии земли и неба.

Стенбок ответствовал им, что «он прибегнул к сим крайним мерам, дабы научить врагов своего повелите-

ля не вести более варварской войны и уважать право народов», что «они ужаснули всю Померанию своими зверствами, опустошили цветущую сию провинцию и продали туркам более ста тысяч жителей оной», что «поджегшие Альтону факелы явились лишь ответом на каленые ядра, обратившие в пепел город Штаде».

Вот с каковой яростию вели войну и шведы, и их противники. Ежели Карл XII явился бы тогда в Померанию, то вполне вероятно, что удача снова возвратилась бы к нему. Даже и без него армия еще сохраняла свой прежний боевой дух, однако отсутствие вождя всегда опасно и не позволяет в полной мере воспользоваться достигнутыми победами. Все то, что принесли Стенбоку славные его виктории, было попусту растрачено в незначительных схватках.

Сей победитель не мог воспрепятствовать объединению московитов, саксонцев и датчан. Ему не давали останавливаться на квартирах, и он терял людей в непрестанных мелких стычках. Две тысячи человек утонули при переправе через Эйдер, направляясь на зимние квартиры в Голштинию. Все сии потери были невосполнимы, поелику со всех сторон его окружали сильные враги.

Он намеревался защищать Голштинию от датчан, но, несмотря на все его усилия и ухищрения, герцогство сие было потеряно, армия разбита, а сам он оказался в плену.

Беззащитная Померания, за исключением Штральзунда, острова Рюген и некоторых сопредельных с ними мест, стала добычей союзников и досталась королю Пруссии. Бременские владения наполнились датскими гарнизонами. Русские наводнили Финляндию и гнали шведов, уже потерявших не только веру в самих

себя, но, по причине малочисленности, даже и превосходство в доблести над становившимся день ото дня все более воинственным неприятелем.

И в довершение всех сих несчастий Швеции король ее упрямо оставался в Демотике, безрассудно надеясь на призрачную помощь Турции.

Ибрагим-Молла, сей надменный визирь, который столь упорно стремился начать войну противу московитов, невзирая на виды султанского фаворита, был в конце концов удавлен промеж двух дверей.

Место великого визиря стало столь опасным, что никто не осмеливался претендовать на него, и в течение полугода оно оставалось свободным. Наконец его занял сам фаворит Али Кумурджи, и тогда все надежды короля рассыпались в прах. Он хорошо знал Кумурджи, ибо пользовался его услугами, когда сей последний почитал это для себя выгодным.

Одиннадцать месяцев провел Карл в Демотике, предаваясь полнейшей бездеятельности. Праздность сия, пришедшая на смену почти нечеловеческим усилиям, в конце концов превратила его притворную болезнь в настоящую. Вся Европа почитала его уже погибшим. В Регентском Совете, установленном им при отъезде из Стокгольма, даже не вспоминали про него. Сенат в полном составе явился к сестре короля принцессе Ульрике Элеоноре и просил ее восприять регентство во время отсутствия брата, на что и воспоследовало ее согласие. Однако, когда попытались принудить оную принцессу к замирению с царем и датским королем, которые теснили Швецию со всех сторон, она, вполне резонно полагая, что брат ее никогда не ратифицирует подобные договоры, сложила с себя регентство и во всех подробностях отписала о сем деле в Турцию.

Карл получил послание сестры, уже будучи в Демотике. Впитавший с материнским молоком привычку к деспотической власти, он совершенно забыл о том, что раньше Швеция была свободной страной и в прежние времена ею правил Сенат совместно с королями. Он же почитал сие государственное собрание кучкой слуг, которым вздумалось командовать в доме, когда оттуда уехал хозяин. Карл написал им, что коли пожелали они быть правителями, то он пришлет им один из своих ботфортов, повелений коего и надлежит им слушаться.

Дабы предупредить таковые покушения на его власть в Швеции, равно как и защитить страну от врагов, и видя также, что уже ни в чем нельзя более рассчитывать на Оттоманскую Порту, уведомил он великого визиря о своем намерении уехать и следовать через немецкие земли.

Заявление сие сделал от его имени французский посланник граф Дезалёр, принявший на себя ведение шведских дел при Порте. Великий визирь ответствовал ему на это: «Передайте королю, что он по собственному своему выбору может оставаться или ехать, но пусть он примет наконец окончательное решение и назначит день отъезда, дабы не вводить нас в бендерские хлопоты».

Передавая сей ответ, граф постарался смягчить выражения оного. День отъезда был назначен, однако Карл, прежде чем покинуть Турцию, пожелал изобразить пышность, подобающую великому королю, хотя бы и обретающемуся в крайности. Он назначил господина Гротгусена чрезвычайным посланником и в сопровождении двадцати четырех роскошно наряженных особ свиты отправил его по всем правилам дипломатического этикета в Константинополь с прощальным визитом.

Те тайные способы, к коим пришлось прибегнуть ради этого, были столь же унизительны, сколь великолепно выглядело само посольство.

Граф Дезалёр одолжил королю сорок тысяч экю, господин Гротгусен через своих агентов в Константинополе занял у одного еврея тысячу под пятьдесят процентов, еще двести пистолей — у одного английского купца и тысячу франков — у некоего турка.

Так были собраны деньги, чтобы разыграть в присутствии Дивана мишурную комедию шведского посольства. Господина Гротгусена приняли в Константинополе со всеми почестями, каковые оказывает Порта чрезвычайным посланникам в день прощальной аудиенции. Весь этот фарс был представлен ради того, чтобы получить от великого визиря деньги, однако же переломить его неуступчивость так и не удалось.

Господин Гротгусен просил у Порты заем в один миллион, но визирь с холодностию ответствовал ему, что повелитель его дает деньги по собственной своей воле, но почитает для себя унизительным выступать в роли заимодавца. Королю же будет предоставлено все, потребное для его путешествия, и соответственно с достоинством самого султана. Может быть, Порта даже сделает ему какой-нибудь презент в виде золотого предмета, однако рассчитывать на сие не следует.

Наконец, первого октября 1714 года король Швеции тронулся в путь для того, чтобы покинуть турецкие владения. В замок Демирташ, где он находился несколько дней перед отъездом, за ним прибыл капиджи-паша* и шестеро чаушей**. Ему поднесли от име-

* Капиджи-паша — начальник стражи *(тур.)*.

** Чауш — судебный пристав *(тур.)*.

ни султана большой алый шатер, расшитый золотом, саблю, украшенную драгоценными камнями, и восемь отборных арабских скакунов с великолепными седлами и стременами из цельного серебра. Не лишнее упомянуть и то, что смотревший за этими лошадьми арабский конюх передал королю их генеалогические дипломы.

Шестьдесят повозок, нагруженных всяческого рода провизией, и триста лошадей составляли обоз. Зная, что многие из турок давали деньги королевским людям под высокий рост, капиджи-паша сказал Карлу, что ростовщичество противоречит исламскому закону, и умолял Его Величество аннулировать все долги, а оставленному в Константинополе резиденту послать приказ не платить ничего свыше занятого. «Нет, — ответствовал ему на сие король, — ежели слуги мои дали векселя на сто экю, а получили только десять, я заплачу все».

Он предложил заимодавцам ехать вместе с ним, обещая не только возместить долги, но покрыть и путевые расходы. Многие из оных кредиторов решились предпринять сие путешествие в Швецию, и господин Гротгусен озаботился тем, чтобы они получили там свои деньги.

Турки, желая выказать более уважения своему гостю, везли его весьма короткими перегонами, но сия торжественная медлительность только раздражала нетерпеливого короля. Он и в дороге поднимался по своему обыкновению в три часа утра. Одевшись, самолично будил капиджи-пашу и чаушей и приказывал еще посреди черной ночи двигаться в путь. Таковая манера путешествовать нарушала обычную неспешность турок, но королю нравилось приводить их в замешательство,

и он говорил, что хоть этим пустяком может отплатить им за бендерское дело.

Пока король двигался к границе, Станислав ехал другой дорогой, направляясь в герцогство Цвейбрюкенское, сопредельное с Пфальцем и Эльзасом и принадлежавшее со времен Карла X Швеции. Карл XII назначил для Станислава доходы с сего герцогства, составлявшие тогда около семидесяти тысяч экю. Бывший король хотел и даже мог бы заключить с Августом авантажный для себя договор, но вследствие необоримого упрямства Карла, не соглашавшегося на отречение Станислава от престола, он потерял в Польше все свои земли и все свое имущество.

Государь сей оставался в герцогстве Цвейбрюкенском до смерти Карла, после коей избрал для себя в качестве убежища город Вейсенбург во французском Эльзасе. Когда посланник короля Августа господин Зум заявил протест регенту Франции герцогу Орлеанскому, герцог ответствовал ему сими столь достопамятными словами: «Сударь, доложите королю, вашему повелителю, что Франция никогда не отказывала в убежище несчастным королям».

Достигнув немецкой границы, король Швеции узнал, что император повелел принимать его во всех подвластных ему землях с надлежащей торжественностью. Повсюду, в городах и деревнях, куда прибывали квартирмейстеры короля, делались все необходимые приготовления. Толпы народа ждали проезда сего необыкновенного человека, чьи победы, несчастья и даже самые наималейшие дела производили столько шума в Европе и Азии. Однако же Карл отнюдь не намеревался терпеть таковую торжественность, тем более показывать себя в виде бендерского пленни-

ка. Более того, он принял решение не возвращаться в Стокгольм, пока не возьмет у Фортуны реванш за прежние свои несчастия.

Достигнув границ Трансильвании у Терговица, король отпустил турецкий эскорт, после чего, собрав свою свиту в заброшенном сарае, обратился к ней с речью и просил не беспокоиться о его особе, а всем стараться как можно скорее добраться до Штральзунда в Померании, находившегося почти за триста лье от того места, где они тогда были.

Карл взял с собой одного только господина Дюринга и с веселым сердцем покинул свою свиту, пораженную удивлением, страхом и печалью. Дабы переменить внешность, он надел черный парик, хотя до того всегда носил собственные волосы. На нем была шитая золотом шляпа, серый кафтан и голубой плащ. Вместе со своим спутником он ехал верховой почтой под именем немецкого офицера.

Выбирая направление пути, избегал он по мере возможности зе́мли своих тайных и открытых врагов, а ехал через Венгрию, Моравию, Австрию, Баварию, Вюртемберг, Палатинат*, Вестфалию и Мекленбург и таким образом объехал вокруг почти всей Германии, что удлинило путь его в полтора раза.

Весь первый день они скакали без остановки, и юный Дюринг, не привыкший в противоположность королю к подобным тяготам, слезая с лошади, без чувств рухнул оземь. Карл же не хотел останавливаться ни на минуту и, когда спутник его пришел в себя, спросил, сколько при нем денег. Дюринг ответствовал, что у него не более тысячи золотых экю. «Отдай

* Палатинат — старинное название Пфальца.

мне половину, — сказал ему король, — я вижу, ты не сможешь успевать за мной, тебе придется ехать одному». Дюринг умолял его отдохнуть хотя бы три часа и клялся, что за это время он восстановит силы и будет в состоянии снова сесть в седло. Также заклинал он короля не подвергать себя страшному риску, однако Карл, взяв пятьсот экю, потребовал лошадей. Тогда, напуганный решимостью короля, Дюринг прибег к невинной уловке — отведя в сторону смотрителя почтовой станции, он, указав ему на шведского короля, сказал: «Это мой кузен, мы едем вместе по одному и тому же делу. Хотя он и видит, что я болен, но не хочет подождать даже трех часов. Прошу вас, дайте ему самую плохую лошадь, а для меня коляску или хоть какую-нибудь повозку».

Получив два дуката, смотритель в точности исполнил все, как его просили. Королю дали норовистую и хромую лошадь. В десять часов вечера монарх сей выехал среди черной ночи под снегом и дождем. Спутник его, проспав несколько часов, пустился вдогонку на повозке, влекомой двумя сильными лошадьми. К рассвету он настиг короля, который уже загнал своего коня и шел пешком к следующей почтовой станции.

Ему пришлось сесть в повозку Дюринга, и он заснул на соломе. Далее они так и ехали — днем в седле, а по ночам спали в повозке и нигде не останавливались.

Через шестнадцать дней, 21 ноября 1714 г., счастливо избежав многих опасностей быть схваченными, достигли они, наконец, в час пополуночи городских ворот Штральзунда.

Карл крикнул часовому, что он курьер, присланный из Турции шведским королем, и ему незамедлительно нужен генерал Дукер, комендант сей крепости. На сие

было отвечено, что уже слишком поздний час и надобно дожидаться рассвета.

Король же возражал, что прибыл он по весьма важному делу, и если его не впустят, то завтра утром все они будут наказаны. Наконец какой-то сержант решился разбудить коменданта. Генерал Дукер подумал, уж не приехал ли кто-нибудь из шведских генералов. Ворота отворили и препроводили сего курьера в комендантский дом.

Еще не проспавшийся Дукер спросил у него, какие известия о короле Швеции, на что Карл, взяв его за руки, ответствовал: «Дукер, неужели и самые верные мои подданные забыли меня?» Только тогда генерал узнал короля, хотя все еще не верил своим глазам. Бросившись на колени и проливая слезы радости, он стал обнимать ноги своего повелителя. В мгновение ока новость о приезде короля распространилась по всему городу. Солдаты окружили комендантский дом, улицы наполнились обывателями, которые вопрошали один другого: «Да правда ли, что приехал сам король?» Во всех окнах зажглись огни иллюминации. Рекой потекло вино при свете тысячи факелов и громе пушечных залпов.

Тем временем для короля, не ложившегося уже шестнадцать дней, приготовили постель. Ботфорты пришлось разрезать — настолько распухли от перенесенного напряжения его ноги. Спешно отыскали в городе хоть какие-то приличествующие белье и одежду. Проспав несколько часов, Карл встал, чтобы произвести смотр войскам и обозреть городские укрепления. В тот же день он отправил повсюду приказания с новой силой возобновить войну противу всех своих неприятелей. Сии, столь характерные для необычайного нрава

Карла XII подробности, узнал я от господина Фабриса, и они были подтверждены мне графом де Круасси, посланником нашим при дворе сего государя.

Завершилась война, столь долгое время опустошавшая Германию, Голландию, Францию, Испанию, Португалию и Италию*. Всеобщее замирение стало возможно благодаря личным раздорам, случившимся тогда при английском дворе. Ловкий министр граф Оксфордский и один из самых блестящих гениев сего века, красноречивейший лорд Болингброк одержали верх над славным герцогом Мальборо и убедили королеву Анну заключить мир с Людовиком XIV. Сей последний, не имея перед собой такого врага, как Англия, поспешил принудить к соглашению и прочие державы.

Внук его Филипп V стал мирно царствовать на развалинах испанской монархии. Германский император, завладев Неаполем и Фландрией, еще более укрепился в обширнейших своих владениях. Сам же Людовик XIV стремился лишь мирно завершить свое столь продолжительное поприще.

10 августа 1714 г. скончалась английская королева Анна, ненавидимая половиною нации за дарование мира стольким государствам. Брат ее, несчастный принц Иаков Стюарт, лишенный трона почти от самого рождения, не явился тогда в Англию, дабы получить то наследие, каковое могли бы дать ему новые законы, если бы победила его партия. Королем Великобритании был единодушно провозглашен ганноверский курфюрст Георг под именем Георга I. Трон до-

* Имеется в виду война за Испанское наследство 1701–1714 гг.

стался ему не по праву крови, хоть и происходил он от внучки Иакова I, но лишь благодаря акту Парламента.

Георг, уже в преклонном возрасте призванный управлять народом, языку которого он так и не выучился и у которого все для него было чуждо, почитал себя, в первую очередь, курфюрстом Ганноверским, а уже потом королем Англии. Все его амбиции сосредоточивались на приращении своих немецких владений. Почти каждый год он отправлялся на континент, чтобы свидеться с немецкими своими подданными, кои беззаветно обожали его. В остальном он продолжал жить скорее как частное лицо, а не как коронованная особа. Торжественность всего королевского уклада немало тяготила его; он окружил себя немногими из прежних своих подданных. Это был отнюдь не европейский король во всем блеске подобающего ему величия, а мудрец, который познал на троне радости дружественности и утехи семейной жизни. Таковы были тогда главенствующие монархи и сложившееся в средней и южной Европе положение.

Совсем по-иному обстояло дело на Севере: короли вели там войну, объединившись противу Швеции.

Август уже давно с помощью царя возвратился на польский трон при согласии германского императора, английской королевы и нидерландских Генеральных Штатов. Все они, бывшие гарантами навязанного Карлом Альтранштадтского мира, ныне отреклись от сего, когда уже нечего было бояться шведского короля.

Впрочем, Август отнюдь не наслаждался мирным правлением. В Польской Республике после возврата законного монарха возродились опасения перед деспотичной властью. Вся страна взялась за оружие, дабы принудить его к соблюдению *pacta conventa* — священного

договора между народом и королем. Казалось, Август был призван лишь ради того, чтобы объявить ему войну. При начале сих смут еще никто не осмеливался произносить имя Станислава. Партия его канула в небытие, а про короля шведского все вспоминали, как о пронесшемся вихре, который лишь ненадолго перевернул течение всех дел.

Полтава и отсутствие самого Карла XII не только привели к отречению Станислава, но и к падению племянника шведского короля, герцога Голштинского, каковой был лишен всех своих владений королем датским. Карл нежно любил его отца и не только сожалел о несчастиях сына, но и воспринимал оные как личный афронт. Более того, поелику за всю свою жизнь искал он себе одной только славы, низложение поставленных им государей явилось для него не менее чувствительным, нежели утрата целых провинций.

Потерями его было кому поживиться. Недавно ставший королем Пруссии Фридрих Вильгельм, который оказался столь же склонен к войне, как отец его к миролюбию, начал с того, что купил Штеттин и часть Померании, заплатив королю датскому и царю четыреста тысяч экю.

Превратившийся в короля Англии ганноверский курфюрст Георг завладел герцогствами Бременским и Верденским, которые получил в пользование от того же короля Дании за шестьдесят тысяч пистолей. Так разошлись пожитки Карла XII, и все завладевшие ими стали для него опаснейшими врагами.

Что касается царя, то, несомненно, он был самым страшным из них. Прежние его поражения и нынешние победы, его настойчивость в познаниях и передаче оных своим подданным, его непрестанные тру-

ды и даже ошибки — все это сделало из него воистину великого во всех отношениях человека. Рига была уже взята. Ливония, Ингрия, Карелия, половина Финляндии — сии провинции, завоеванные предками Карла XII, оказались теперь под игом московитов.

Двадцать лет назад у Петра Алексеевича не было на Балтийском море ни единой лодки, а ныне он стал властителем сего моря и имел там тридцать больших линейных кораблей*, один из коих царь построил собственными своими руками. Он был лучшим плотником, лучшим адмиралом и лучшим лоцманом на всем Севере. Не было ни одного опасного пролива, который он самолично не промерил бы, начиная с Ботнического залива и до самого океана. Познав труд простого матроса, Петр вместе с тем предавался опытам философическим, столь необходимым для замыслов императора. Сам он постепенно и по мере побед поднялся до адмиральского звания, точно так же, как стремился он к генеральскому чину на суше.

Пока взращенный им князь Голицын, один из преданнейших его сподвижников, завершал завоевание Финляндии и овладел городом Ваза, сам император отплыл с флотом к Аландским островам, в двенадцати лье от Стокгольма расположенным.

Экспедиция сия воспоследовала в июле 1714 г., пока соперник Петра Карл еще валялся на постели в Демотике. Царь отплыл из Кронштота, построенного им четыре года назад в четырех милях от Петербурга. Сей новый порт вкупе с флотом, офицерами и матросами —

* К 1713 г. Балтийский флот состоял из 13 линейных кораблей. (См.: Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 11а. СПб., 1891. С. 824.)

все это было делом его рук, и куда бы ни бросил он свой взор, везде останавливался оный лишь на собственных его творениях.

15 июля русский флот, состоявший из тридцати линейных кораблей, восьмидесяти галер и ста полугалер под командованием адмирала Апраксина, имея двадцатитысячный десант, подошел к Аландским островам. 16 июля появилась шведская эскадра адмирала Эреншельда силою не более двух третей сравнительно с русскими. Тем не менее Эреншельд вступил в сражение, продолжавшееся три часа. Царь, находившийся на эскадре в чине контр-адмирала, сцепился с кораблем шведского адмирала и после ожесточенной схватки взял его на абордаж*.

В тот же день на острова был высажен шестнадцатитысячный десант и пленены все те шведы, кои не успели спастись на экскадре Эреншельда. Петр привел в Кронштадт большой корабль сего последнего и еще три меньших, а также фрегат и шесть галер, захваченных в сем сражении. Из Кронштадта царь проследовал в петербургский порт во главе победоносного своего флота и взятых трофеев. Ему салютовали троекратным залпом ста пятидесяти пушек, после чего совершил он торжественный въезд, более для него лестный, нежели полтавский триумф в Москве, поелику получал он сии почести в любезном его сердцу Петербурге, где еще десять лет назад не стояло ни единой хижины,

* Имеется в виду Гангутское морское сражение, в котором со стороны русских участвовало 16 кораблей, 99 галер и скампавей. Шведы под командованием вице-адмирала Ватранга имели 15 линейных и 14 более мелких кораблей. Адмирал Эреншельд командовал отрядом из одного фрегата и 6 галер. (См.: БСЭ. 3-е изд. Т. 6. М., 1971. С. 105, 106.)

а теперь можно было видеть четыре с половиной тысячи домов*. И, наконец, он возвратился не просто с победоносной, но вообще первой на Балтике русской экскадрой, хотя прежде в русском языке даже не существовало такого слова.

Торжества в Петербурге происходили по образцу московского триумфа. Шведский вице-адмирал был главным украшением нового сего празднества. Сам Петр Алексеевич явился в качестве контр-адмирала. Один русский боярин по имени Ромодановский, обычно представлявший царя по торжественным случаям, сидел на троне в окружении двенадцати сенаторов. Контр-адмирал подал ему реляцию о виктории и сразу же произведен был в вице-адмиралы в уважение его заслуг по службе. Странная, но весьма полезная церемония для той страны, где воинская субординация являлась пока еще лишь одним из тех новшеств, которые вводил царь.

Добившись наконец побед над шведами не только на суше, но и на море и изгнав их из Польши, московитский император стал теперь в свою очередь властвовать в сей стране. Он сделался посредником между Республикой и Августом, заняв положение не менее лестное, чем роль создателя королей. Блеск и удачи Карла перешли отныне к царю, и он использовал их с бóльшим для себя авантажем, нежели соперник его, обращая все достигнутые успехи на пользу

* Перед основанием Петербурга в 1703 г. на берегах Невы при впадении р. Охты находилась шведская крепость и порт Ниеншанц, а ниже по течению многочисленные деревни и мызы. (См.: Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28а. СПб., 1900. С. 292.) В 1717 г. в Петербурге насчитывалось 2553 дома. (Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885. С. 80.)

своей стране. Когда он брал какой-нибудь город, лучших мастеров отправляли оттуда в Петербург. Из завоеванных у Швеции провинций он переносил мануфактуры, ремесла и науки. Государство обогащалось его победами, и благодаря сему из всех завоевателей он более прочих достоин снисхождения.

Швеция же, напротив того, потеряла почти все свои провинции за морем, лишившись при этом и торговли, и денег, и кредита. Ее столь грозная для врагов армия ветеранов погибла на поле брани и сгинула от лишений; более ста тысяч шведов сделались рабами в обширнейших владениях царя и почти столько же было продано туркам и татарам. В стране весьма ощутительно недоставало людей, но как только Карл явился в Штральзунд, надежды возродились заново.

Благоговение и восхищение перед королем оставались еще столь сильно запечатленными в душах его подданных, что юные селяне толпами приходили записываться в армию, хотя уже недоставало рук и для работы на земле.

КНИГА ВОСЬМАЯ

**Карл спасается из осажденного Штральзунда.
Проекты примирения с царем
и нападения на Англию.
Карл убит при осаде Фредериксхалля
в Норвегии**

Посреди сих приуготовлений король выдал сестру свою Ульрику Элеонору за принца Гессен-Кассельского Фридриха. Сие торжество, состоявшееся 14 апреля 1715 г., почтила своим присутствием восьмидесятилетняя вдовствующая королева, бабка Карла XII и самой принцессы, вскоре после сего умершая.

Король не был на сем бракосочетании, оставаясь в Штральзунде, где занимался усилением фортификаций сей важной крепости, угрожаемой со стороны прусского и датского королей. Зятя своего назначил он главнокомандующим всех войск, в Швеции находившихся. Сей принц служил прежде Нидерландам во время войны противу Франции и почитался изрядным генералом, каковое обстоятельство немало способствовало его женитьбе на сестре Карла XII.

Но неудачи следовали одна за другой с такой же быстротою, как прежде происходило то с победами. В июне 1715 г. немецкие войска короля Англии вкупе с датчанами осадили Висмар. Одновременно соединенные силы Дании и Саксонии численностью до тридцати шести тысяч подступили к Штральзунду. Датчане и пруссаки потопили возле сей крепости шесть шведских кораблей. Царь находился тогда на Балтийском море с флотом из двадцати больших кораблей и ста пятидесяти

транспортов с тридцатью тысячами десантного войска. Он крейсировал между Гельсингборгом и Стокгольмом, угрожая вторжением в саму Швецию. Все прибрежное население вооружилось и ожидало со дня на день высадки неприятеля. Одновременно сухопутные войска московитов изгоняли шведов из тех мест, кои оставались еще у сих последних в Финляндии. Царь, однако же, так и не решился продолжать далее свои предприятия. В устье Одера, разделяющего Померанию надвое, расположен при его впадении в Балтийское море небольшой остров Узедом, имеющий весьма важное значение, поелику господствует он над восточным и западным рукавами сей реки. Король прусский изгнал шведов с сего острова, а также захватил и город Штеттин, «единственно, — как говорил он, — ради умиротворения». В мае того же года шведы вернули себе Узедом, на котором было два форта, именовавшиеся по протокам ими разделяемым: Свинемюнде и Пенемюнде. Для обороны сего острова и сих двух фортов у короля шведского было всего двести пятьдесят померанских солдат под командою шведского офицера по имени Кузешлерп, каковой достоин того, чтобы сохраниться в памяти потомков.

4 августа пятьсот прусских пехотинцев и восемьсот драгун беспрепятственно высадились на острове со стороны форта Свинемюнде. Шведский комендант, не имея достаточных сил, оставил им сей форт, как менее важный, и заперся в Пенемюнде, решившись защищаться до последней крайности.

Таким образом, пришлось начинать регулярную осаду, и для сего привезли из Штеттина артиллерию. Прусские войска были усилены тысячью пехотинцев и четырьмя сотнями конницы. 19 августа в двух местах открыли траншеи и приступили к бомбардированию

крепости из пушек и мортир. После того как осада уже началась, некий швед сумел проникнуть на остров и в форт с тайным посланием Карла XII. В полученном комендантом письме говорилось: «Воздержитесь от пальбы до тех пор, пока неприятель не приступит к самому краю рва, и защищайтесь до последней капли крови. Засим поручаю вас доброй удаче вашей. Карл».

Прочитав сие, Кузешлерп решил подчиниться и погибнуть по приказу своего повелителя. На рассвете 22-го числа начался штурм. Подпустив неприятеля к краю рва, осажденные открыли пальбу и положили врагов великое множество. Однако ров был все-таки засыпан, а в стене пробита широкая брешь, после чего превосходящие силы ворвались в форт. Комендант решился в точности исполнить приказ. Он отошел от пробитых брешей и, собрав малое свое войско, сохранявшее неустрашимую верность присяге, поставил оное на один из бастионов таким манером, чтобы его нельзя было окружить. Неприятель приблизился, поражаясь тому, что осажденные не просят пардона. Бой продолжался в течение целого часа, пока не были убиты сам комендант, майор, лейтенант и половина солдат. После сего оставшиеся с одним офицером сто человек запросили пощады и были пленены. В кармане коменданта нашли письмо его повелителя и доставили оное королю Пруссии.

В то время как шведы потеряли Узедом и соседние острова, когда Висмар был накануне падения и совсем не оставалось флота, а самой Швеции угрожало вторжение, Карл все еще сидел в Штральзунде, который уже осаждался тридцатитысячным корпусом.

Штральзунд является сильнейшей крепостью Померании и стал известен всей Европе благодаря осаде, выдерживавшейся там шведским королем. Город располо-

жен между Балтийским морем и озером Франкен, и в него можно проникнуть с суши лишь по узкой дороге, защищенной цитаделью и ретраншементами, кои почитаются неприступными. В крепости находился девятитысячный гарнизон и, самое главное, лично король Швеции. Кроме датчан и пруссаков в осаде участвовали также и саксонцы.

Честь осаждать самого Карла XII побуждала к преодолению любых препон. В ночь с 19 на 20 октября 1715 г. была открыта первая траншея. Король при начале сей осады говорил, что ему непонятно, как первоклассная крепость, защищаемая достаточным гарнизоном, может быть взята. Сие вовсе не означает, что ему самому не доводилось брать крепостей, однако он почти никогда не прибегал к регулярным осадам, поелику гроза его оружия сметала все на своем пути. Впрочем, он не судил о других по себе и мало уважал своих противников. Подступившие к Штральзунду неприятели спешили с осадными работами, и в сем помогла им одна весьма необычная случайность.

Известно, что на Балтийском море не бывает ни приливов, ни отливов. Фортификации, защищавшие город, с запада примыкали к непроходимому болоту, а с востока — к морю и почитались посему неприступными. Однако никто не вспомнил о том, что сильные западные ветры сгоняют воду возле грозных сих укреплений до глубины трех футов. Один солдат, свалившийся с ретраншемента в воду, к удивлению своему, нащупал дно. Он понял, что открытие сие может составить его счастие, дезертировал, явился к главной квартире саксонского генерала Вакербарта и сообщил о возможности пройти по морю вброд и без труда про-

никнуть внутрь шведских укреплений. Пруссаки не замедлили воспользоваться сей оказией.

Уже назавтра в полночь, пока еще дул западный ветер, подполковник Коппен во главе восемнадцати сотен солдат вошел в воду. Одновременно две тысячи наступали по дороге, ведшей к сему ретраншементу. Палили все прусские пушки. Кроме того, пруссаки и датчане подняли тревогу и на другом фланге.

Шведы не сомневались, что легко отобьют тех, кто столь безрассудно наступал, двигаясь по дороге, но внезапно со стороны моря появился отряд Коппена. Окруженные со всех сторон и захваченные врасплох шведы не могли оказать сопротивления, и ретраншемент после беспощадной резни был взят. Часть шведских солдат бросилась к городу, нападавшие почти вплотную преследовали их. Два саксонских офицера и четыре солдата уже вбежали на подъемный мост, но осажденные все-таки успели поднять его и пленить саксонцев. На сей раз город был спасен.

Победители захватили двадцать четыре пушки и сразу же оборотили их противу Штральзунда. После первого сего успеха осада продолжалась с упорством и одушевлением. Канонада и бомбардирование не затихали ни на минуту.

Прямо насупротив Штральзунда расположен остров Рюген, который служит оплотом для сего города, куда жители его могут укрыться, если, конечно, найдется у них достаточно для сего лодок. Если бы остров сей захватил неприятель, король оказался бы в осаде и с суши, и с моря, и тогда пришлось бы ему или погибнуть под руинами Штральзунда, или стать пленником тех самых врагов, коих он издавна презирал и коим еще недавно диктовал столь жестокие законы. Однако

несчастливое состояние дел его не позволяло держать на Рюгене достаточный гарнизон, и там. находилось тогда не более двух тысяч солдат.

Неприятель на протяжении трех месяцев делал все потребные приуготовления для высадки на сей остров, подходы к коему весьма затруднены. Наконец, построив нужное число лодок и дождавшись благоприятной погоды, герцог Ангальтский 15 ноября переправился через пролив с отрядом в двенадцать тысяч человек. Король был на острове со своими двумя тысячами солдат, во главе коих он пошел среди глубокой ночи и в полнейшем молчании на неприятеля. Офицеры герцога Ангальтского никак не ожидали такой атаки, тем более что полагали Карла находящимся в Штральзунде. Но сам герцог знал, с кем имеет дело, и приказал вырыть глубокий ров, а по краям его расставить рогатки, словно ожидая нападения превосходящих сил. В два часа ночи Карл в полнейшей тишине подошел к неприятелю, солдаты шепотом передавали по рядам команду: «Снять рогатки!», однако слова сии были услышаны часовыми, сразу же поднявшими тревогу, и все в лагере схватились за оружие. После того как были убраны рогатки, король неожиданно увидел перед собой глубокий ров и воскликнул: «Ах, да откуда же он здесь взялся!» Впрочем, неожиданность сия ничуть его не обескуражила. Он не знал, сколько войска высадилось на остров, но и неприятель со своей стороны не имел представления, с какими силами придется встретиться. Темнота ночи как будто благоприятствовала Карлу, и он, не раздумывая, кинулся в ров впереди самых отважных, за коими последовали и остальные. В качестве фашин*

* Фашины — вязанки хвороста, употреблявшиеся для засыпания рвов.

использовалось все, что попадало под руку: рогатки, осыпавшиеся комья земли, куски стволов и ветки деревьев, и даже тела убитых. Король с генералами, офицерами и самыми бесстрашными солдатами лезли по плечам друг друга, как при штурме крепостной стены. Схватка завязалась уже в самом неприятельском лагере. Напор шведов поначалу привел пруссаков и датчан в замешательство, но все-таки силы оказались слишком неравны. Через четверть часа шведы были отбиты и перешли обратно за ров. Герцог Ангальтский преследовал их и далее на равнине, не зная, что от него бежит сам Карл XII. Несчастный сей государь собрал свое войско в чистом поле, и сражение возобновилось при равном упорстве обеих сторон. Рядом с королем замертво пали фаворит его господин Гротгусен и генерал Дальдорф. Карл, не переставая драться, переступил через тело сего последнего, когда он еще дышал. Тот самый Дюринг, который один сопровождал Карла из Турции до Штральзунда, был также убит на его глазах.

Посреди сей резни один датский поручик узнал короля и вцепился одной рукой ему в волосы, а другой схватил его шпагу. «Сдавайтесь, государь, или я убью вас!» — закричал он. У Карла на поясе висел пистолет, и он левой рукой выстрелил в сего офицера, который скончался от полученной раны на следующее утро. Произнесенные сим датчанином слова в мгновение ока привлекли целую толпу врагов. Короля окружили со всех сторон, и он получил в левую сторону груди пулевую рану, каковую сам именовал контузией, хоть и была она глубиной в два пальца. Сражавшийся пешим Карл чудом избежал смерти или плена. Граф Понятовский бился рядом с ним и как при Полтаве спас ему жизнь, посадив на лошадь.

Шведы отступали к той части острова, которая называется Альтеферре, где находилась фортеция, остававшаяся еще в их руках. Король возвратился в Штральзунд, вынужденный покинуть доблестные сии войска. Через два дня все они были пленены.

Среди сих пленников оказался и тот незадачливый французский полк, сформированный из уцелевших после Гохштедтской баталии* и перешедший сначала на службу короля Августа, а потом и к шведам. Большая часть его солдат была включена в новый полк одного из сыновей герцога Ангальтского, каковой и стал уже четвертым его полковником. На Рюгене сим бродячим полком командовал тот самый граф де Вильлонг, который столь бескорыстно рисковал жизнию своею в Адрианополе ради Карла XII. Он был пленен вместе со своими солдатами и впоследствии получил лишь незначительное вознаграждение за все труды, понесенные тяготы и несчастия.

Король, явив чудеса храбрости, кои лишь ослабили его силы, заперся в Штральзунде, ожидая скорого штурма, точно так же, как сделал он это в Бендерах. Ничто не могло лишить его душевного равновесия. Днем он распоряжался производством работ на ретраншементах, по ночам совершал вылазки противу неприятеля. Тем временем в крепостных стенах появлялись новые бреши, бомбы как град валились на дома, половина коих стояла уже в руинах. Однако же горожане не только не роптали, но, исполнившись восхищения пред неусыпными его трудами, воздержанием и отвагою, все поголовно сделались солдатами короля, составив как бы второй гарнизон крепости.

---

* Гохштедтская баталия (см. примеч. на с. 107).

Однажды, когда Карл диктовал секретарю письмо в Швецию, в дом попала бомба и, пробив крышу, взорвалась в соседней комнате и разнесла потолок в щепки. Однако кабинет короля не только не пострадал, но даже через отворенную дверь внутрь не попало ни единого осколка. При взрыве, когда казалось, что весь дом рушится, перо выпало из рук секретаря. «В чем дело? — спросил король. — Почему вы не пишете?» — «Государь, бомба!» — «Но при чем здесь бомба, ваше дело писать письмо. Продолжайте».

В Штральзунде находился тогда посланник Франции генерал-лейтенант Кольбер граф де Круасси, брат знаменитого министра маркиза де Торси и родственник того самого Кольбера, имя коего навсегда пребудет в анналах Франции. Отправлять человека посланником к Карлу XII значило посылать его в траншею под мушкетный огонь. Король часами беседовал с ним в наиопаснейших местах, где бомбы и ядра косили людей, на что Карл не обращал ни малейшего внимания. Посланник со своей стороны не подавал вида, будто для дипломатических бесед могут быть и более подходящие места. Еще перед осадой граф де Круасси всеми силами старался примирить шведского и прусского королей, однако сей последний требовал для себя слишком многого, а Карл вообще не желал ничего уступать. Посему для графа оставалось лишь то утешение, что он имеет возможность близко узнать человека столь необыкновенного. Нередко случалось ему даже спать рядом с королем на одном плаще. Разделяя все его труды и опасности, приобрел он таковым образом право говорить в присутствии короля с полной свободой. Карл поощрял в людях ему приятных таковую смелость. Иногда он говорил графу Круасси: «Veni,

maledicamus de rege» — «Ну, что ж, позлословим теперь об этом Карле». Все сие самолично рассказывал мне граф де Круасси.

Французский посланник оставался в городе до 13 декабря. Наконец получив от неприятеля разрешение на выезд со всеми своими пожитками, он распростился с королем, коего оставлял посреди руин Штральзунда с гарнизоном, уменьшившимся уже на две трети, что, впрочем, нисколько не поколебало решимости Карла и далее выдерживать осаду.

Через два часа начался штурм кронверка. Неприятель дважды овладевал им и дважды был отброшен. Король все время сражался в рядах гренадеров, но в конце концов численная сила все-таки одолела, и кронверк пришлось сдать. Карл еще два дня оставался в городе, ожидая в любую минуту генерального штурма. 19-го числа он до полуночи находился на малом равелине, почти полностью разрушенном бомбами и ядрами. Все старшие офицеры заклинали его уйти с сего места, которое было уже невозможно защищать, но даже и отступление стало теперь не менее опасным. На Балтийском море господствовали московитские и датские корабли. В самом Штральзунде оставалась всего одна весельно-парусная лодка. Опасности столь славного бегства соблазнили Карла. Ночью 20 декабря 1715 г. он отплыл, взяв с собой всего десять человек. В порту пришлось обкалывать лед, коим уже покрывалось море. Только после нескольких часов тяжкого сего труда лодка смогла выйти на открытую воду. У неприятельских адмиралов был нарочитый приказ не выпускать Карла из Штральзунда и захватить его живым или мертвым. К счастию, оказались они под ветром и не смогли на-

стичь лодку беглецов. Но еще большей опасности подвергался король, проходя на виду острова Рюген, где датчане поставили двенадцатипушечную батарею, которая открыла по нему пальбу. Матросы форсировали паруса и налегли на весла, чтобы как можно скорее уйти от сего места, но одно из ядер все-таки убило двоих рядом с Карлом, а другое разбило мачту. Тем не менее Карлу удалось достичь двух своих кораблей, крейсировавших по Балтийскому морю. А на следующий день Штральзунд сдался. Король высадился на берегу Скании в Истаде и поспешил в Карлскрону, но совершенно в ином состоянии, нежели пятнадцать лет назад, когда отплыл он на стодвадцатипушечном корабле, дабы диктовать законы всей Северной Европе.

В столице, неподалеку от которой Карл был теперь, надеялись увидеть его после столь долгого отсутствия, однако же не хотел он возвращаться туда побежденным и не решался на встречу с обожавшим его народом, коего принужден был угнетать, дабы защититься от врагов. Единственно пожелал он видеть сестру свою и назначил ей свидание у озера Веттерн в Остроготии, куда приехал на почтовых лошадях в сопровождении одного слуги и возвратился обратно, проведя с принцессою только день.

Перезимовав в Карлскроне и все еще оставаясь там, повелел он снова набирать по всему Королевству рекрутов. Карл не только не сомневался в том, что все его подданные рождены лишь для войны, но сумел убедить и их самих в справедливости сего мнения. Теперь стали уже брать в солдаты пятнадцатилетних юнцов. Во многих селениях оставались только старики, женщины и малые дети, и часто можно было видеть на работе в полях одних женщин.

Еще хуже обстояли дела с флотом. Чтобы как-то поправить положение, стали давать патенты арматорам*, кои, злоупотребляя чрезвычайными и разорительными для страны привилегиями, вооружили несколько кораблей. Это были уже последние усилия Швеции. Дабы покрывать все сии расходы, приходилось отнимать у народа самое насущное. Прибегали ко всем мыслимым и немыслимым вымогательствам, именуя оные пошлинами и податями. Досмотру подвергались все дома. Из них изымали половину съестных припасов для королевских магазинов; на счет короля отписывали все производимое в стране железо, за которое государство платило билетами, а продавало на деньги. Налоги взимали за шелковое платье, парики и позолоченные шпаги. Непомерные подати были наложены на печные трубы. Порабощенный таковыми притеснениями народ при любом другом государе непременно взбунтовался бы, однако самый бедный шведский крестьянин знал, что жизнь короля еще тяжелее и непритязательнее, чем у него, и поэтому все безропотно покорялись тем лишениям, кои первым изо всех переносил сам Карл.

Общая опасность заставляла каждого забыть о личных своих бедствиях. Всякий день ждали нашествия московитов, датчан, пруссаков, саксонцев и даже англичан. Страх был столь оправдан и силен, что те, у кого были деньги и прочие ценности, зарывали все в землю.

На Балтийском море уже появилась английская эскадра, но никто не знал, каковы ее намерения. Царь

* Арматор — лицо, снаряжающее вооруженное судно для захвата купеческих кораблей неприятеля.

обещал королю Дании, что весной 1716 г. соединенные силы московитов и датчан обрушатся на Швецию.

Сколь же велико было удивление всей Европы, следившей за перипетиями судьбы Карла XII, когда вместо того, чтобы защищать собственную свою страну, угрожаемую столькими государями, отправился он в марте 1716 г. с двадцатитысячной армией в Норвегию.

Со времен Ганнибала никто еще не видывал полководца, который, не смогши устоять противу врагов у себя дома, отправился бы воевать с ними в глубь их владений. Вместе с королем шведским был и зять его принц Гессенский.

Пройти из Швеции в Норвегию возможно лишь весьма опасными ущельями, а по миновании оных между скалами то и дело встречаются далеко вдающиеся в сушу языки моря. Каждый день надобно было наводить мосты. Самый малый отряд датчан мог без труда остановить шведскую армию, но кто был способен предвидеть внезапное сие вторжение? Однако более всего Европа поражалась тем, что в самый разгар сих событий царь оставался в бездействии и не нападал на Швецию, как о том было договорено между союзниками.

Причиною сего был один из величайших и в то же время трудно исполнимых замыслов, когда-либо порождавшихся умом человеческим.

Имперский барон Генрих Гёрц, родившийся во Франконии*, оказал Карлу XII весьма важные услуги во время пребывания его в Бендерах и стал после сего королевским фаворитом и первым министром.

---

* Франкония — историческая область Германии, располагавшаяся на территории Баварии и Баден-Вюртемберга.

Не бывало еще человека столь податливого и в то же время столь отважного, столь находчивого в неудачах и столь амбициозного в своих замыслах. Никакой проект не пугал его, и ни перед какими средствами для осуществления целей своих он не останавливался, рассыпая повсюду подарки, обещания, клятвы, ложь и истину.

Барон Гёрц поехал из Швеции во Францию, Англию и Голландию лично испробовать те пружины, каковые намеревался привести в действие. Человек сей был способен потрясти Европу и в кабинетных своих интригах ничуть не уступал подвигам Карла XII на поле брани, отчего и приобрел такое влияние на короля, каковым не пользовался до него ни один министр.

И если Карл в двадцать лет отдавал графу Пиперу лишь безапелляционные повеления, то теперь выслушивал он уроки барона Гёрца, поелику несчастия принудили его искать советов, а советы барона вполне соответствовали неустрашимой натуре шведского монарха. Министр указал ему на то, что из всех государей, противу Швеции объединившихся, английский король, он же ганноверский курфюрст, Георг был единственным, кто ни в чем не пострадал от него. Георг ввязался в войну якобы для того, чтобы прекратить ее, на самом же деле лишь ради сохранения Бремена и Вердена, на кои у него не было иных прав, кроме покупки оных за бесценок у датского короля, не владевшего сими герцогствами.

Барон догадался, что царь уже давно недоволен союзниками своими, кои помешали ему утвердиться в Германской Империи. 14 февраля 1716 г. сдался Висмар, последний из остававшихся у Швеции померанских городов. Датчане не позволили московитско-

му корпусу, в Мекленбурге находившемуся, даже участвовать в сей осаде. Подобные афронты, неоднократно повторявшиеся на протяжении последних двух лет, раздражали царя, и, быть может, они-то и предотвратили всеконечную погибель Швеции. Мы видим немало примеров того, как одна-единственная держава побеждает объединившихся противу нее врагов, но сим последним лишь в редких случаях удается преодолеть внутренние свои раздоры и одержать верх над нею.

Царь мог напасть на Швецию еще в 1714 г., однако он не делал этого, то ли по причине несогласий с ревнивыми своими союзниками — королями Польши, Дании, Англии и Пруссии, то ли не почитал еще армию свою достаточно опытной для того, чтобы сражаться с сим народом, у которого даже простые крестьяне обращали в бегство отборные датские войска.

Останавливала его и нехватка денег. Царь был одним из могущественнейших монархов мира, но в то же время по своим доходам относился к числу самых бедных. Он не имел тогда даже восьмидесяти миллионов ливров ежегодно. Прибыль с заводимых им золотых, серебряных, медных и железных рудников была ненадежна, а сам труд в них губителен. Он широко развивал торговлю, которая, впрочем, не приносила ему первоначально ничего, кроме надежд на будущее. Новозавоеванные провинции увеличивали его силу и славу, но отнюдь не доходы. Потребно было время, дабы залечить раны Ливонии, провинции богатой и изобильной, однако опустошенной пятнадцатилетней войной и бывшей для завоевателя лишь дополнительным бременем. Содержание флота и затраты на ежедневно затеваемые новые предприятия истощали его казну. Петр был вынужден прибегать к такому дурному

средству, как перечеканка монеты, каковое лекарство никогда не излечивает болезни государства и тем паче предосудительно в такой стране, которая более ввозит из чужих краев, нежели вывозит сама.

Гёрц осмелился предложить Карлу XII любой ценой купить мир с московитским императором, основываясь на его неудовольствии противу королей Польши и Англии. Он убедил его, что союз с Петром Алексеевичем приведет в трепет всю остальную Европу.

Однако для сего непременно требовалось уступить царю большую часть провинций, к северу и востоку от Балтийского моря расположенных. Вместе с тем барон убеждал короля, что провинции сии все равно уже захвачены царем и их не вернуть; в то время как одновременное возвращение на польский трон Станислава, восприятие сыном Иакова II* английской короны и возвращение герцога Голштинского в свои владения принесет содеявшему сии подвиги великую славу.

Прельщенный блестящими сими перспективами Карл хотя и не возлагал на них больших надежд, однако предоставил своему министру полную свободу действий. Гёрц отправился из Швеции в качестве полномочного посла ко всем тем государям, с коими сам он почитал необходимым вступить в переговоры. Поначалу барон пытался выведать намерения московитского двора при посредстве некоего шотландца по имени Арескин, каковой был лейб-медиком царя и сторонником претендента, как и вообще все шотландцы, исключая тех, кои пользовались милостями лондонского правительства.

---

* Имеется в виду Иаков III, претендент на английский престол. (См. комментированный указатель имен.)

Сей медикус изобразил князю Меншикову величие сего проекта с той живостию выражений, каковая свойственна человеку заинтересованному. Авансы сии пришлись по вкусу князю, да и сам царь также одобрил их. Вместо того чтобы высаживаться в Швеции, как то было договорено с союзниками, он оставил войска свои на квартирах в Мекленбурге и к тому же явился туда и собственною персоной под предлогом устранения тех раздоров, кои стали возникать между герцогом Мекленбургским и дворянством сей страны. В действительности же преследовал он любимый свой замысел — получить в Германии какое-либо владение и надеялся в этих видах заставить герцога продать суверенные свои права.

Союзники были раздражены таковым демаршем — они вовсе не желали иметь столь грозного соседа, который, получив владения в Германии, смог бы в один прекрасный день быть избранным на императорский престол. Не нравилось им и то, что великий проект барона Гёрца продвигался к успешному завершению. Тем не менее он вел переговоры со всеми союзными государями, дабы лучше скрыть тайные свои интриги. Карл же оставался пока в Норвегии вместе с принцем Гессенским и двадцатитысячной армией. Провинцию сию защищали одиннадцать тысяч датчан, разделенных на несколько малых отрядов, кои не могли противустоять шведам.

Карл подошел к столице сего Королевства Христиании, и в сем отдаленном уголке света Фортуна вновь начала улыбаться ему. Впрочем, он так и не научился заботиться о пропитании своих войск. К Норвегии направлялись датские войска и датская эскадра. Не имея съестных припасов, Карл возвратился в Швецию,

ожидая исхода великих начинаний первого своего министра.

Дело сие требовало величайшей тайны и обширнейших приуготовлений — две вещи почти несовместные. Происки Гёрца доходили даже до азиатских морей и при всей своей одиозности не делались от сего менее полезными для нападения на Шотландию и могли доставить Швеции помощь деньгами, кораблями и людьми.

Еще в давние времена пираты всех наций, и в особенности англичане, объединились в товарищество, которое опустошало моря Европы и Америки. Беспощадно повсюду преследуемые, они укрылись на острове Мадагаскаре у восточного берега Африки. Это были отчаянные головорезы, прославившиеся такими деяниями, каковые можно было бы почитать героическими, ежели не попиралась бы при сем сама справедливость. Они искали для себя такого государя, который принял бы их под свою державу, хотя право народов закрывало перед ними все порты света.

Прослышав о возвращении Карла XII в Швецию, возымели они надежду на то, что сей жаждавший марсовой славы монарх, лишенный теперь флота и солдат, заключит с ними выгодную сделку. Посланец их прибыл в Европу на голландском корабле и предложил барону Гёрцу принять оных разбойников в гётеборгском порту, куда они могут приплыть на шестидесяти кораблях, наполненных сокровищами.

Барон убедил короля согласиться на сие предложение, и в следующем году два шведских дворянина, Крамстром и Мендаль, были посланы для завершения переговоров. Через некоторое время явилась более благородная и существенная помощь в лице кардинала

Альберони, человека не только весьма влиятельного, но и наделенного талантами, который, управляя Испанией, сумел приобрести себе славу, хотя ему недостало времени, чтобы вернуть сей стране былое ее величие.

Кардинал с одушевлением воспринял проект завоевания английского трона для сына Иакова II, однако сам он слишком недавно утвердился во власти и надобно было прежде, чем потрясать другие королевства, обустроить саму Испанию. Тем не менее не прошло и двух лет, как ему удалось переменить лицо сей страны и придать ей вес среди великих держав Европы. Полагают, будто именно он побудил турок напасть на германского императора и одновременно пытался отнять регентство Франции у герцога Орлеанского и лишить английской короны короля Георга. Вот сколь может быть опасен один-единственный человек, если обладает он не только абсолютной властью в сильном государстве, но также величием и отвагой духа!

Тем временем барон Гёрц, заронив первые искры готовившегося им пожара при дворах Московии и Испании, тайно отправился во Францию и Голландию, где вел переговоры со сторонниками претендента.

Но более всего интересовался он силами и числом недовольных в самой Англии и возможных с их стороны денежных пожертвованиях. Сии последние просили только десять тысяч человек военной помощи, уверяя, что при этом условии не будет ни малейших сомнений в успехе замышляемого переворота.

Шведский посланник в Англии граф Гилленборг несколько раз встречался с главарями недовольных и обещал удовлетворить все их желания. Дело дошло уже до значительных субсидий от партии претендента, которые барон Гёрц получал в Голландии. Он вел

переговоры о покупке судов и уже приобрел в Бретани шесть полностью вооруженных кораблей.

Он тайно отправил во Францию нескольких офицеров и среди них кавалера де Фолара, который проделал под французскими знаменами тридцать кампаний, но не нажил себе большого состояния. Он предложил услуги свои королю шведскому не столько ради корыстного интереса, сколько из желания служить такому знаменитому королю. Кроме того, де Фолар рассчитывал на одобрение некоторых его воззрений касательно ведения войны. Он уже давно изучал сие искусство как философ и впоследствии сообщил читающей публике о своих разысканиях в книге комментариев на Полибия. Взгляды его нашли сочувствие у Карла XII, который и сам вел войну на новый манер и никогда не затруднял себя соблюдением общепринятых обычаев. Он предназначал кавалера де Фолара в качестве одного из исполнителей нападения на Шотландию. Пока же дворянин сей занимался тайными поручениями барона Гёрца во Франции. Немалое число французских офицеров, и еще больше ирландцев, участвовали в сем небывалом заговоре, который замышлялся одновременно в Англии, Франции и Московии, и ветви коего тайно протягивались от одного конца Европы до другого.

Барон Гёрц почитал приуготовления сии еще незначительными, но начало всему предприятию уже было положено. Самое главное здесь заключалось в том, чтобы помирить царя и Карла XII, к чему оставалось еще множество препятствий. Московитский государственный министр Остерман поначалу не соглашался с предложениями барона Гёрца. Он был столь же осмотрителен, сколь шведский министр предприимчив. Его замедленная и размеренная метода заключалась

в том, чтобы дожидаться, пока события назреют сами по себе, но нетерпеливый гений его партнера хотел пожинать плоды сразу же после посева. Остерман опасался, как бы повелитель его, ослепленный блестящими перспективами, не согласился на слишком выгодный для Швеции мир, и посему всячески оттягивал заключение оного.

Но, к счастью для барона Гёрца, в начале 1717 г. через Голландию на пути своем во Францию проезжал сам царь. Ему недоставало знакомства с сей нацией, каковая уже более ста лет служила предметом нареканий, зависти и подражания со стороны всех ее соседей. Он желал удовлетворить ненасытную свою любознательность, побуждавшую его не только все видеть и всему учиться, но в то же время проводить и собственную свою политику.

Гёрц дважды встречался в Гааге с императором и за эти два раза продвинулся куда более, нежели в течение полугода переговоров с полномочными представителями. Все принимало благоприятный оборот; казалось, великим его замыслам суждено увенчаться непременным успехом, а Европа узнает об этом лишь после исполнения оных. Но в Гааге он говорил об одном лишь мире и во всеуслышание провозглашал, что желал бы видеть английского короля в роли умиротворителя Севера. Для видимости он даже настаивал на созыве конгресса в Брауншвейге, где должны были уладиться противоречия между Швецией и ее противниками.

Первым раскрыл все сии интриги регент Франции герцог Орлеанский, шпионы которого находились по всей Европе. Люди сего сорта, добывающие себе хлеб, торгуя тайнами друзей, а подчас и просто клеветой,

настолько размножились во Франции, что чуть ли не половина всей нации сделалась соглядатаями другой половины. Герцог Орлеанский, связанный с королем Англии личными обязательствами, раскрыл ему замышлявшиеся противу него козни.

В то же время и голландцы, уже заподозрившие барона Гёрца, сообщили о своих сомнениях английскому посланнику. В самом разгаре интриги Гёрц и Гилленборг были арестованы, один в Девентере, другой в Лондоне.

Поелику шведский посланник Гилленборг нарушил права наций, интригуя противу того государя, при коем имел аккредитацию, точно так же было нарушено сие право и по отношению к нему самому. Но все были поражены тем, что Генеральные Штаты в угоду английскому королю заключили в тюрьму барона Гёрца. Все посланники, особливо испанский при английском дворе, маркиз де Монтелеон, заявили протест по сему поводу. Голландцам нечем было оправдаться, они не только нарушили священное право, арестовав первого министра короля Швеции, который ничего не замышлял противу них самих, но еще и подрывали те принципы свободы, кои служили основою собственного их величия.

Что касается английского короля, то поступил он по справедливости, посадив в тюрьму врага своего, а в оправдание себя опубликовал письма барона Гёрца и графа Гилленборга, найденные в бумагах сего последнего. Находившемуся тогда в Скании шведскому королю стали известны сии напечатанные письма. Засим Карл приказал арестовать в Стокгольме английского посланника со всем семейством и прислугою. Голландского же резидента перестали принимать при дворе, и велено было не спускать с него глаз. В отношении барона Гёрца король не отрицал и не под-

тверждал его действий и в сношениях своих с Англией и Голландией сохранял презрительное молчание.

Однако царь повел себя совсем по-иному. Поелику имя его не было названо в связи с сим делом и только смутно подразумевалось в письмах Гилленборга, то написал он английскому королю пространное письмо, полное комплиментов в связи с раскрытием заговора и уверений в искренней своей дружественности. Король Георг, приняв сии свидетельства, сделал вид, что дал себя обмануть. Когда раскрывается заговор простых людей, он уничтожается, но заговор королей получает от сего лишь новую силу. В мае того же 1717 года царь приехал в Париж и занимался там не только осмотром шедевров искусства, курьезов природы и королевских дворцов. Он предложил регенту Франции герцогу Орлеанскому заключить договор. Если бы сие удалось ему, то Московия была бы вознесена на вершину величия. Замысел его состоял в том, чтобы соединиться с королем шведским, если бы тот уступил ему обширные провинции, после чего уничтожить владычество датчан на Балтийском море, ослабить гражданской войной Англию и переместить в Московию всю северную торговлю. Он даже хотел снова возобновить борьбу Станислава и Августа в Польше, дабы зажечь пожар со всех сторон, и тогда мог бы он по усмотрению собственных выгод тушить или раздувать пламя. В сих видах предложил он регенту Франции стать посредником между Швецией и Московией и даже более того — наступательный и оборонительный союз с сими державами и Испанией. Однако же сей договор, который представлялся столь естественным и столь полезным для всех сих наций и отдавал в их руки европейское равновесие, был тем не менее отвергнут герцогом Орлеанским.

Как раз в то время сей последний вел переговоры о прямо противоположных соглашениях с императором Германии и английским королем Георгом. Именно тогда государственные соображения всех монархов настолько переменились, что царь готов был выступить даже противу прежнего союзника, короля Августа, и встать на сторону смертельного своего врага, Карла XII. Франция же намеревалась в угоду Англии и Германии начать войну с внуком Людовика XIV, коего поддерживала она столь долгие годы противу сих держав с превеликими затратами денег и крови*. Царь смог добиться только того, чтобы регент вступился за барона Гёрца и графа Гилленборга. В конце июня он возвратился к себе на родину, доставив Франции редкое зрелище путешествующего ради своего образования императора. Однако большинство французов увидели в нем лишь внешнюю грубость и неотесанность как плод дурного воспитания и совсем не приметили законодателя, творца новой нации и великого человека.

Но то, чего не мог найти царь в герцоге Орлеанском, обрел он вскоре у кардинала Альберони, добившегося для себя в Испании абсолютной власти. Кардинал более всего желал реставрации Стюартов и как первый министр Испании, столь претерпевшей от англичан, и будучи личным врагом герцога Орлеанского, и, наконец, как иерарх той церкви, из-за которой отец претендента так неловко потерял корону**.

---

* Имеются в виду испанский король Филипп V и война за Испанское наследство (см. примеч. на с. 122).

** Имеется в виду английский король Иаков II Стюарт, который, будучи тайным католиком, всячески старался легализовать католическую церковь в Англии, но вследствие всеобщего недовольства был вынужден бежать во Францию.

Герцог Ормонд, столь же любимый в Англии, как и герцог Мальборо, покинул страну после воцарения Георга I. Он удалился в Мадрид, откуда проследовал, получив на то полномочия от испанского короля, на встречу с царем, которая произошла в Митаве, столице Курляндии. Герцог просил руки царской дочери Анны Петровны для сына Иакова II в надежде на то, что союз сей еще теснее привяжет царя к интересам несчастного сего принца. Однако барон Гёрц в проектах своих предназначал сию принцессу герцогу Голштинскому, каковой в действительности и женился на ней через некоторое время. Узнав о сем предложении герцога Ормонда, барон решился всячески противодействовать оному. В августе он вышел из тюрьмы, так же как и граф Гилленборг, причем король Швеции не удостоил английского короля ни малейшим извинением или каким-либо знаком порицания действий своего посланника.

Одновременно в Стокгольме освобожден был английский резидент и все его семейство, с коими обращались намного строже, нежели с Гилленборгом в Лондоне.

Выпущенный на свободу Гёрц был тем более опасен, что теперь им двигали не только прежние его сильнейшие побуждения, но еще и чувство мести. Он догнал царя на почтовых лошадях, и внушения его более чем когда-либо прежде повлияли на сего государя. Он заверил Петра, что совместно с одним лишь московитским полномочным послом может менее чем за три месяца устранить все препоны, затрудняющие мир со Швецией. Взяв нарисованную самим царем географическую карту и проведя черту от Выборга через Ладожское озеро до Ледовитого моря, он обещал убедить повелителя

своего, что надобно уступить все земли, к востоку от оной линии расположенные, а также Карелию, Ингрию и Ливонию. Засим барон предложил брачный союз дочери Его Царского Величества и герцога Голштинского, прельщая царя тем, что герцог за соответственную сумму может уступить ему свое герцогство, и тогда станет он владетельным князем Империи. Также завлекал барон Петра возможностью стать для него или кого-либо из его потомков даже императором Германским*. Таким образом, отнимал он у претендента руку царской принцессы, но в то же время открывал для него дорогу в Англию.

Царь назначил для сего совещания государственного своего министра барона Остермана, а местом его встречи с бароном Гёрцом Аландские острова. Герцогу Ормонду предложено было возвратиться обратно, дабы не раздражать сверх меры Англию, с коей царь не хотел разрывать до последней минуты. В Петербурге оставался только конфидент герцога Ирнеган, занимавшийся интригами с такой осторожностью, что выходил из дома лишь по ночам, а встречался с царскими министрами не иначе, как переодевшись либо простым крестьянином, либо в татарском одеянии.

После отъезда герцога Ормонда царь уведомил английского короля о том, что в знак истинной дружественности он отослал самого влиятельного из сторонников претендента. Тем временем барон Гёрц, исполненный самых радужных надежд, возвратился в Швецию.

---

* Германские императоры с XIII в. избирались на Сеймах тремя духовными князьями (архиепископами Майнцким, Кёльнским и Трирским) и светскими князьями (курфюрстами) Саксонии, Бранденбурга, Пфальца, Баварии и Ганновера.

Повелитель его стоял уже во главе тридцатипятитысячного регулярного войска, а границы охранялись народным ополчением. Королю недоставало только денег. И внешний, и внутренний кредит были исчерпаны. Франция, предоставившая ему несколько субсидий в последние годы царствования Людовика XIV, ничего более не давала при регентстве герцога Орлеанского, который преследовал свои, совершенно иные виды. Испания ограничивалась лишь обещаниями, да и у нее самой не было достаточных средств. При таковых обстоятельствах барон Гёрц прибегнул к тому ухищрению, каковое уже сам испробовал до своей поездки во Францию и Голландию, а именно — приравнять по цене медные деньги к серебру, то есть медную монету в полсу считать за четырнадцать, поставив на оной королевское клеймо. Сии порожденные нуждой фиктивные деньги, кои могут держаться лишь на доверии, подобны векселям, чья нарицательная стоимость может даже превосходить все государственные фонды.

Подобные средства очень хороши в свободной стране и, случалось, иногда спасали республики, но для монархии они, несомненно, губительны, ибо народ очень скоро теряет к ним доверие, а сии воображаемые деньги безмерно приумножаются. Частные лица начинают прятать серебро, и вся затея рушится, приводя к всеобщей неразберихе, каковая нередко порождает великие беды. Именно так все и случилось в шведском королевстве.

Поначалу барон Гёрц довольно осторожно вводил новую монету, но через недолгое время был увлечен быстротою происходивших перемен, управлять коими оказался совершенно неспособен. Все товары и все съестные припасы невообразимо вздорожали, кроме

того, пришлось увеличивать количество медной монеты, но чем больше ее становилось, тем больше она обесценивалась. В наводненной сими лжеденьгами Швеции поднялся единодушный вопль противу барона. Народ, все еще почитавший Карла XII, обрушил всю тяжесть своего негодования на сего министра, каковой, в двойственном своем качестве чужеземца и управляющего финансами, должен был неизбежно стать предметом всеобщей ненависти.

Задуманный им налог на духовенство окончательно низвергнул его в глазах нации. Священники, которые слишком часто отождествляют личные свои дела с божескими, публично провозгласили барона атеистом, поелику стал он требовать от них денег. На новых медных монетах были отчеканены боги древности, и их стали называть *богами барона Гёрца*.

К ненависти всего общества присовокуплялась и ревность министров, которые, впрочем, были тогда совершенно бессильны противу него. Сестра короля и супруг ее принц Гессенский опасались барона как человека, привязанного по рождению своему к герцогу Голштинскому и способному доставить когда-нибудь сему последнему шведскую корону. Во всем Королевстве он пользовался привязанностью одного лишь Карла XII, но всеобщая ненависть только укрепляла монарший фавор. Доверие короля доходило чуть ли не до подчинения. Он предоставил барону абсолютную власть в управлении внутренними делами и полностью полагался на него в том, что касалось отношений с царем. Более всего рекомендовал он ему ускорить переговоры на Аландских островах.

Как только барон Гёрц уладил в Стокгольме те финансовые дела, кои требовали его присутствия, то сра-

зу же уехал для завершения с царским министром своего великого замысла.

Предварительные условия сего альянса, долженствовавшего переменить лицо всей Европы, были, в том виде, как их нашли в бумагах барона после его смерти, нижеследующими.

Царь получал всю Ливонию, а также часть Ингрии и Карелии, все остальное возвращалось Швеции. Он соединялся с Карлом XII, дабы восстановить Станислава на польском троне, и обязывался выставить восемьдесят тысяч московитов для низвержения того самого Августа, в пользу которого вел десятилетнюю войну. Петр должен был поставить королю шведскому корабли, которые перевезли бы десять тысяч шведов в Англию и тридцать тысяч в Германию. Предполагалось, что объединенные силы Петра и Карла нападут на английского короля в его наследственных ганноверских владениях, особливо в герцогствах Бременском и Верденском; также предполагалось восстановить в правах герцога Голштинского и заставить короля Прусского возвратить часть захваченных им земель. После сего Карл повел себя таким образом, словно победоносные его армии с помощью войск царя уже исполнили все им задуманное. Он потребовал у императора Германии исполнения Альтранштадтского договора. Венский двор едва удостоил ответом сего государя, коего теперь не было никаких причин опасаться.

Однако король Польши не мог чувствовать себя столь уверенно; он видел собиравшуюся со всех сторон грозу. Противу него уже выступила Конфедерация польского дворянства; после своего возвращения ему постоянно приходилось или воевать с собственными подданными, или вести с ними переговоры. Царь, сей опасный посредник, имел сто галер в Данцигской

бухте и восемьдесят тысяч солдат на польских границах. Весь Север Европы раздирался завистью и тревогами. Генерал Флемминг, самый недоверчивый из людей, коего более всех прочих опасались соседние державы, первый заподозрил о замыслах царя и Карла в пользу Станислава. Он вознамерился захватить сего последнего в герцогстве Цвейбрюкенском, подобно тому, как это было сделано с Яковом Собеским в Силезии. Незадолго до того на службу короля польского поступил некий французский искатель приключений вместе с несколькими сообщниками. Он представил первому министру Флеммингу проект похищения Станислава прямо из дворца и увоза его в Дрезден. Проект сей был одобрен. Тогда подобные предприятия были довольно обычным делом: во время последней войны между Францией и Германией некоторые из тех, кого в Италии называют bravi*, занимались таким же промыслом в герцогстве Миланском. Впоследствии несколько французов, укрывшихся в Голландии, сумели проникнуть в Версаль, намереваясь похитить дофина, их схватили под самыми окнами королевского дворца обершталмейстера Людовика XIV.

Сей авантюрист спрятал своих людей на подставах**, чтобы захватить и увезти Станислава. Однако покушение сие было раскрыто накануне назначенного дня. Некоторым удалось спастись, другие были схвачены, и им не приходилось надеяться на то, что с ними будут обращаться как с пленниками войны, а не как с разбойниками. Но Станислав вместо наказания огра-

* Bravi — наемные убийцы *(итал.)*.

** Подстава — лошади, выставленные на пути следования для замены уставших.

ничился лишь несколькими исполненными добродушия упреками и даже дал денег на возвратный путь. Своей благородной щедростью доказал он, что у Августа были все основания бояться его.

В октябре 1718 г. Карл вторично отправился в Норвегию, теперь уже настолько хорошо подготовленный, что предполагал за полгода овладеть сим Королевством. Его более влекло завоевание заснеженных и покрытых льдами скал, чем возвращение захваченных врагами цветущих германских провинций. Король надеялся на то, что новый альянс с царем и без того возвратит ему оные. Да и честолюбие призывало его отнять у победоносного своего врага целое королевство*.

В устье реки Тистендаль, неподалеку от Датского пролива, между городами Бохус и Ансло, расположена важная крепость Фредериксхалль, почитающаяся ключом к Норвегии. Карл начал осаждать ее в декабре. Промерзшие до костей солдаты едва ковыряли заледенелую до камня землю; рыть при этом траншеи было ничуть не легче, чем пробивать скалу, однако шведы не унывали, видя, что король разделяет с ними все их тяготы. Никогда еще не приходилось ему переносить столь великих трудов, но натура его, закаленная восемнадцатилетними испытаниями, укрепилась настолько, что теперь, в Норвегии, он спал в чистом поле на соломе или досках, прикрывшись одним только плащом. Многие солдаты замерзали до смерти на постах, но другие, видя короля, переносившего такие же лишения, не осмеливались роптать. За некоторое время до сей кампании услышал он как-то в Скании

* С 1396 по 1814 г. Дания и Норвегия имели одного короля на праве личной унии.

об одной женщине, которая прожила несколько месяцев совершенно без еды на одной только воде. Карл всю свою жизнь старался на себе самом испытывать крайние для человеческой натуры лишения, и поэтому пожелал он удостовериться, сколько времени сам может провести без пищи. Пять дней он ничего не ел и не пил, а на утро шестого дня поехал верхом за два лье к зятю своему, принцу Гессенскому, у которого плотно пообедал. Его не свалило ни пятидневное воздержание, ни обильная еда после столь долгого поста.

Обладая таковым железным здоровьем, отважным и несгибаемым духом, Карл в любом положении и состоянии не мог не наводить страха на любого своего соседа.

11 декабря 1718 г. в день Св. Андрея отправился он в девятом часу вечера осматривать траншеи, но остался весьма недоволен тем, как устроена была параллель*. Руководивший осадой французский инженер Мегрэ заверил его, что через восемь дней крепость будет взята. «Посмотрим», — ответил ему король и продолжал осматривать осадные работы. Он остановился в том месте, где колено траншеи отворачивало от параллели, и, упершись ногами о внутренний скат, положил локти на парапет и некоторое время оставался в сем положении, наблюдая за рытьем траншей при свете звезд.

Когда дело касается смерти такого человека, как Карл XII, важны самые незначительные подробности. Посему должен я уведомить читателя, что так часто повторяемый весьма сомнительный разговор между ко-

* Параллель — траншея, приспособленная для обороны и осадных работ.

ролем и инженером Мегрэ есть чистый вымысел. Вот что мне достоверно известно о сем событии.

Король высунулся почти наполовину тела насупротив батареи, направленной прямо на то место, где он стоял. Возле него было только два француза: адъютант его, господин Сигье, человек толковый и рассудительный, поступивший к нему на службу еще в Турции и особливо приближенный к принцу Гессенскому, а также тот самый инженер Мегрэ. Пушки стреляли по ним картечью, но король открылся более всех прочих. В нескольких шагах позади командовавший траншеей граф Шверин отдавал приказания гвардейскому капитану графу Поссе и второму адъютанту Кульберту. Сигье и Мегрэ увидели вдруг, как король с громким вздохом упал на парапет. Когда они подошли, он был уже мертв. Полуфунтовая картечь пробила ему в правом виске отверстие, куда могли войти три пальца. Голова его запрокинулась, левый глаз запал, а правый целиком вышел из орбиты. Смерть была мгновенной, но он все-таки успел схватиться за шпагу, и рука его так и осталась на эфесе. При зрелище сем Мегрэ, человек холодный и чудаковатый, произнес: «Пьеса окончена, пошли ужинать». Сигье сразу же побежал предупредить графа Шверина. Они решили скрыть сие известие от солдат, пока не сообщат оное принцу Гессенскому. Тело закрыли серым плащом, Сигье надел свой парик и шляпу на голову короля, и в таком виде Карла под именем капитана Карлсберга пронесли через войска, кои видели своего короля мертвым, но еще не подозревали о сем.

Принц Гессенский сразу же приказал не выпускать никого из лагеря и поставил на всех дорогах в Швецию заставы, дабы иметь время принять меры к передаче

короны его супруге и не допустить до престолонаследия герцога Голштинского, каковой мог претендовать на оное*.

Так, в возрасте тридцати шести лет, погиб король шведский Карл XII, испытавший все величайшие блага и все жесточайшие несчастия, но не изнежившийся от первых и не сломленный последними. Все дела его, вплоть до образцовой частной жизни, выходили за пределы всякого вероятия. Возможно, это был единственный из людей, не имевший слабостей. Добродетели героя доводил он до излишеств, так что становились они не менее опасными, чем противоположные им пороки. Твердость его обернулась упрямством, породившим все несчастия, случившиеся на Украине и задержавшие его на пять лет в Турции. Щедрость превратилась в расточительность, разорившую всю Швецию. Отвага, доведенная до безрассудства, послужила причиной его смерти. Справедливость доходила до жестокости, а в последние годы власть его держалась на тирании. Великие его качества, любое из коих могло обессмертить другого государя, явились несчастием всего Королевства. Это был первый завоеватель, который не стремился увеличить свои владения. Он хотел покорять царства лишь для того, чтобы раздавать их. Страсть его к славе, войне и отмщению мешала ему быть дальновидным политиком, без чего не бывает великих завоевателей. Перед битвой и после победы являл он собой воплощенную скромность, но после поражений одну лишь твердость. Беспощадный и к дру-

* Имеется в виду герцог Карл Фридрих, сын сестры Карла XII Гедвиги Софии и отец будущего российского императора Петра III (принца Карла Петра Ульриха).

гим, и к самому себе, он столь же мало ценил жизнь подданных, как и свою собственную. Он был скорее неповторимой личностью, нежели великим человеком, достойным подражания. Жизнь его должна показать королям, насколько мирное и счастливое правление выше громкой славы завоевателя.

Карл XII был роста высокого и телосложения стройного, с большими, исполненными приятности глазами и правильным носом. Однако нижняя часть лица его имела неблагообразный вид и слишком часто искажалась неприятным смехом. У него не росла борода, и он был почти лыс. Говорил он очень мало, имея привычку отвечать одним лишь смехом. За его столом всегда соблюдалась глубокая тишина. При всей несгибаемости характера он был застенчив и не умел поддерживать беседу, поелику, целиком отдавшись трудам государственным и воинским, не имел возможности привыкнуть к тонкости светского обращения. До своих досугов в плену у турок прочел он лишь «Комментарии» Цезаря* и историю Александра Македонского. Однако Карл записал некоторые свои соображения касательно кампаний 1700–1709 гг., но почитал рукопись сию погибшей в несчастном Полтавском сражении, о чем сам говорил кавалеру де Фолару. Некоторые хотели представить сего государя изрядным математиком. Несомненно, обладал он умом проницательным, но доказательства математических его познаний не вполне убедительны. Он будто бы хотел переменить десятеричный способ счета и взять за основу число шестьдесят четыре,

* Имеется в виду сочинение Юлия Цезаря «Комментарии о Галльской войне».

поелику содержит оно и кубическую, и квадратичную степени, и ежели делить его пополам, то окончательный результат сводится к единице. Таковая мысль доказывает лишь то, что он во всем любил необычайное и затруднительное.

Что касается его религии, то хотя чувства государя не должны влиять на других людей и мнение столь малосведущего человека, как Карл XII, не имеет никакого веса в подобных материях, однако надобно удовлетворить на сей счет, как, впрочем, и на все другие, любопытство тех людей, кои желают знать о нем буквально все. От той особы, каковая доверила мне главнейшие воспоминания, послужившие основою сей истории, мне известно, что Карл XII был правоверным лютеранином вплоть до 1707 г., когда он встретился в Лейпциге со славным философом Лейбницем, каковой мыслил и говорил с полнейшей свободою и вкоренил таковое вольнодумство не одному только Карлу. Я не думаю, чтобы из бесед с сим философом шведский король вынес безразличие к лютеранству, ибо разговаривал с ним не долее одной четверти часа. Однако господин Фабрис, который на протяжении семи лет находился с королем в близких отношениях, говорил мне, что во время досугов своих в Турции король, познакомившись с разными религиями, стал еще более склоняться к безверию. Даже Ламотрэ в своих «Путешествиях» подтверждает сие; таково же мнение и графа де Круасси, который не раз говорил мне, что государь сей сохранил из первоначальных своих убеждений лишь веру в абсолютное предопределение — догмат, поощрявший его отвагу и оправдывавший все безрассудства. У царя были такие же понятия о религии и судьбе

человеческой, но он чаще говорил о сем предмете, ибо запросто общался со всеми своими фаворитами и превосходил Карла еще и тем, что изучал философию и обладал даром красноречия.

Не могу не упомянуть здесь и слишком часто повторяющуюся после смерти государей клевету об отравлении или убийстве. В Германии распространился тогда слух, что короля застрелил господин Сигье. Сей оговор доводил до отчаяния доблестного сего офицера, и однажды, говоря об этом, сказал он мне буквально следующее: «Я имел возможность убить короля шведского, но я столь почитал сего героя, что даже при желании не осмелился бы на сие».

Конечно, сам Сигье дал повод фатальному сему обвинению, коему и до сих пор еще верит часть шведов. Он рассказывал мне, что в припадке горячечной болезни сам выкрикивал, будто убил короля, и даже, не помня себя, вскакивал к открытому окну и молил о прощении за сие смертоубийство. Но когда после выздоровления узнал он о своих речах, то чуть не умер от горя. Мне не хотелось сообщать об этой истории при его жизни. Я виделся с ним незадолго до того, как он скончался, и могу утверждать, что сей человек не только не убивал Карла XII, но сам тысячу раз пошел бы на смерть ради него. И будь он действительно повинен в сем преступлении, то, конечно, совершил бы оное для какой-нибудь державы, которая щедро вознаградила бы его. Однако недостаток средств заставил его прибегать к помощи друзей, и умер он во Франции в крайней нужде. Если же подобных доказательств недостаточно, следует принять в соображение еще и то, что Сигье мог произвесть подлый сей выстрел лишь из спрятанного под мундиром пистолета, а поразив-

шая Карла XII пуля была слишком велика для такового оружия*.

После гибели короля осада Фредериксхалля была снята. За единое мгновение все переменилось. Шведы, более отягощенные, нежели гордые славою своего государя, думали лишь о замирении с врагами и об укрощении той абсолютной власти, все крайности коей были показаны им бароном Гёрцем. Сословия свободно избрали на престол сестру Карла XII Ульрику Элеонору, поставив непременным условием, дабы оная принцесса отказалась от каких-либо притязаний на наследственную власть, а правила бы лишь в силу народного избрания. Она поклялась никогда более не восстанавливать произвольного правления, а впоследствии пожертвовала всеми соблазнами королевской власти ради супружеского согласия и уступила корону своему мужу, убедив сословия избрать сего принца, который взошел на престол, приняв те же условия, что и она сама.

Барон Гёрц после смерти Карла XII был сразу же арестован и приговорен стокгольмским Сенатом к отсечению головы у подножия виселицы. Вердикт сей явился скорее примером мести, нежели правосудия, и жестоким афронтом для памяти того короля, коим вся Швеция восхищается и до сего дня.

---

* Многие до сих пор утверждают, будто Карл XII стал жертвой ненависти своих подданных, что не лишено некоторого вероятия, и таковое мнение было известно господину де Вольтеру. Но поелику не мог он проверить все те мелкие обстоятельства, на коих оно основывалось, то и предпочел обойти его молчанием.

В Стокгольме сохраняется шляпа Карла XII, и малость пробитого в ней отверстия как будто подтверждает версию о преднамеренном убийстве. *(Примеч. франц. издателя.)*

СМЕРТЬ КАРЛА XII

*Из письма Обри де Ламотрэ к Вольтеру**

Описывая обстоятельства смерти Короля, вы говорите, что все сообщаемое многими писателями, и в том числе мною, о разговоре сего Государя с инженером Мегрэ не заслуживает никакого доверия. Однако мне неизвестно, чтобы кто-либо другой вообще упоминал об этом разговоре. Посему я повторю здесь в главных чертах уже сказанное, равно как и то, что узнал от заслуживающих доверия особ, в том числе и тех офицеров, кои присутствовали при сем событии. Они же доставили мне и план крепости Фредериксхалль, помещенный во втором томе моих «Путешествий»**. Начало сего разговора вполне соответственно написанному мною, но все последующее, столь безоговорочно вами отвергаемое, заключается в том, что инженер Мегрэ, видя, как Король опирается на бруствер и высовывает голову, сказал ему: «Это не ваше место, Государь; здесь хлещет пулями и ядрами», на что Его Величество ответствовал: «Ничего, не пугайтесь». — «Я боюсь не за себя, а за

---

* Remarques historiques et critiques sur L'Histoire de Charles XII Roy de Suede par M. de Voltaire pour servir de Supplement à cet Ouvrage par M. de La Mottraye. London, 1732, P. 63–67.

** Voyages du Sr A. de La Mottraye en Europe, Asie et Afrique. La Haye, 1727. 2 t.

Ваше Величество, ведь бруствер насыпан для защиты, а вы им пренебрегаете». Король, никогда ничего не боявшийся и не желавший, чтобы его заподозрили в этом, сказал: «Идите к своим работам, я спускаюсь». Присутствовавшие при сем офицеры отошли в сторону, чтобы объяснить Мегрэ, еще не знавшему Короля, что стоит только сказать ему о какой-нибудь опасности, и он сразу же идет именно туда. Теперь надобно было исхитриться и как-то выманить его с бруствера, для чего предлагали спросить его совета об осадных работах и отвести на другое место. Услышав свист пролетающей пули, Мегрэ воскликнул: «Как бы чего не случилось» и побежал к брустверу, на котором увидел Короля все в той же позе, однако ночная темень помешала ему разглядеть, что он уже мертв. Мегрэ два или три раза позвал его и даже потянул за кафтан, подумав, уж не заснул ли он. Не слыша никакого ответа, Мегрэ закричал: «Господа, тут что-то неладное! Принесите огня!» Один из них (кажется, это был королевский адъютант итальянец Маркетти) побежал за фонарем к работавшим на траншеях и увидел сего Героя всего окровавленного, с головой почти совсем свернутой назад от страшного удара, который разбил ему левый висок, вмял левый глаз, а не правый, как вы говорите, в чем все желающие могут убедиться из приведенного в моей книге плана. По величине отверстия определили, что это была фальконетная* пуля, ибо в него можно было вложить четыре пальца. После сего господин Сигье отправился к принцу

* Фальконет — старинное артиллерийское орудие небольшого калибра. 31 июля 1859 г. в присутствии короля Карла XV гробница Карла XII была вскрыта, и исследование черепа подтвердило, что он был убит выстрелом из фальконета.

Гессен-Кассельскому, находившемуся со всей армией в лагере у Торпума. Как рассказывал мне господин Маркетти, величина раны свидетельствовала о непричастности всех присутствовавших к смерти Короля и, следовательно, отводила все возможные подозрения и от господина Сигье. Ведь пуля не делает разницы между королем и простым солдатом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Карл XII, почти единственный из чужеземцев, прочно утвердился в исторической памяти русского народа. Наряду с ханом Мамаем он вошел в народную поговорку, чего не удостоился даже сам Наполеон Бонапарт. Но если Наполеону посвящены десятки переводных и оригинальных книг на русском языке, то совершенно иная картина в отношении знаменитого шведского короля. По существу, лично к нему можно отнести лишь несколько страниц в труде академика Е. В. Тарле о Северной войне (не считая, правда, одного узкоспециального исследования*). Что касается книги Вольтера, то несколько ее переводов появились еще до революции, но в сокращенном виде (кроме одного, однако весьма неисправного). Их тиражи были столь микроскопическими, что они уже давно исчезли не только из книжного оборота, но даже из поля зрения читающей публики.

В апреле 1726 г. малоизвестный за пределами Парижа и не вполне ставший еще Вольтером Мари Франсуа Аруэ (хотя было ему уже тридцать два года) поссорился с родовитейшим аристократом, кавалером

* Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912.

Роганом-Шабо, был избит его слугами и посажен за это в Бастилию. Не найдя в сей обители никаких перемен к лучшему со времени первого своего пребывания там девять лет назад (за дерзкие стихи о герцоге Орлеанском), он попросил отпустить его в Англию и уже через десять дней вступил на британский берег. В Лондоне в среде высшего общества Вольтер встречался с близким к Карлу XII человеком — бароном Фабрисом, который столь активно помогал королю в Турции. Разговоры с ним и послужили основой, а может быть, и побудительной причиной для написания биографии прославленного шведского монарха. Вольтер разговаривал и со многими главными персонажами своей книги: графом Понятовским, графом Вильлонгом, даже с королями Станиславом и Августом. Бывал он и у вдовы великого Мальборо, который за свою долгую военную карьеру не проиграл ни одного сражения. Он узнал от нее о встрече герцога с Карлом XII в Альтранштадте. Вольтер также посылал письменные запросы другим участникам описывавшихся событий, стараясь выяснить некоторые, иногда, быть может, и не очень существенные подробности. О добросовестности и даже кропотливости его работы свидетельствует неподъемный том infolio с автографами подготовительных материалов, который хранится в парижской Национальной библиотеке. Все эти, собранные им по горячим следам свидетельства, хотя и не всегда вполне достоверные, но, благодаря его расторопности, не канувшие в историческое небытие, придают его труду особенную ценность. Сам Вольтер так писал о своей работе: «Наиболее затруднительным для меня был не поиск свидетельств и воспоминаний, а отбор из них того, что можно почитать пригодным

для книги. Кроме сего, есть и еще одно неудобство, когда пишешь современную историю. Каждый пехотный капитан, служивший у Карла XII и лишившийся в походе своего ранца, полагает, что это заслуживает всеобщего сведения. Но если нижестоящие жалуются на мое молчание, то генералы и министры весьма недовольны моей откровенностью»*.

Книга о Карле XII почти целиком была написана в Англии, но окончательно завершена только весной 1730 г., через два года после возвращения на родину. Первое издание, появившееся в том же году, было запрещено и уничтожено. Из 2600 экземпляров до нашего времени не сохранилось ни одного. Дело в том, что цензура опасалась недовольства еще правившего в Польше короля Августа II, о котором Вольтер не всегда отзывался с должным почтением. Однако уже через год появились два анонимных французских издания и два английских. Затем процесс стал лавинообразным — по далеко неполным данным, с 1731 по 1890 г. было сделано 114 переизданий**.

Конечно, и современники, и потомки предъявляли автору немало претензий, однако все это относилось к второстепенному и малосущественному. В своих главных чертах «История Карла XII» более чем выдержала испытание временем. Приведем лишь одно и весьма характерное мнение, высказанное через двести лет после ее появления:

«До сих пор книга является прекрасным пособием при изучении событий, связанных с военной и ди-

* Цитируется по изд.: Tallentyre S. G. The Life of Voltaire. N. Y.; L., 1907. P. 61–62.

** Bengescu G. Bibliographie de Voltaire. P. 1882–1890.

пломатической историей Карла XII, а ее стилистические достоинства оставляют за нею место одного из лучших образцов классического французского языка. <...> / Вольтер / стремился прежде всего к тому, чтобы его исторический труд был строго фактичным. Позднейшая критика, действительно, могла обнаружить в изложении Вольтера лишь второстепенные ошибки <...>. В итоге мы имеем блестящий образец романа-биографии, не выходящий из строгих рамок точной истории<...>»*.

Что касается личности самого героя, то и здесь следует отдать Вольтеру должное. Романтический ореол окружал шведского короля и при жизни, и в представлении многих потомков. Например, известный русский скандинавист П. Ганзен писал в обзоре шведской истории: «Шведские полководцы <...> создали новую эру в европейском военном искусстве. Ряд этих доблестных полководцев достойно заканчивает сам Карл XII <...>»**. Это сказано о человеке, который собственными руками уничтожил лучшую европейскую армию, созданную Густавом Адольфом! Оценка Вольтером героя своей книги взвешенна, здравомысляща и справедлива: «Великие его качества <...> явились несчастием всего Королевства»***. В более заостренной и пространной форме ту же самую мысль подтвердил через двести лет академик Е. В. Тарле:

«В Карле XII всегда сидел отважный азартный игрок, в нем, законном монархе, наследнике прочно занимавшей шведский престол династии, жила душа

---

* Державин К. Н. Вольтер. М., 1946. С. 183.

** Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 39. СПб., 1903. С. 339.

*** См. настоящ. изд. с. 300.

искателя приключений, авантюриста широчайшего масштаба. Его славолюбие было особого характера: хотя ему очень приятно было бы приращение своих территориальных владений, но еще более льстило ему, когда его свита и армия восхищались самыми отчаянными его поступками, абсолютно ненужными, не имевшими и тени смысла выходками, когда он ставил на карту свою жизнь, свою свободу, все достигнутые успехи, все будущие надежды. <...>

Казалось, все было дано судьбой и природой Карлу XII. В пятнадцатилетнем возрасте он стал самодержавным владыкой одной из первоклассных держав тогдашнего мира, с громадной территорией в Скандинавии и в пустынной, ограждающей ее с севера Финляндии, с богатыми владениями на южных берегах Балтийского моря. Шведская армия была, по общему признанию авторитетных современников, первой в Западной Европе и несравнимой по дисциплине, военной выучке, боеспособности и оперативности. Финансы государства были более в порядке, чем в тогдашней Франции и чем в большинстве германских княжеств. Внутреннее спокойствие казалось более гарантированным, чем в любом из континентальных государств, и, пожалуй, даже более, чем в тогдашней Англии: ведь все-таки хоть и сумасбродной была мысль у того же Карла XII готовить высадку в Шотландии, чтобы сменить царствовавшую там ганноверскую династию и посадить на британский престол претендента Якова Эдуарда Стюарта, но в Англии обеспокоились, принимали военные меры, тратили деньги, а свергнуть с престола самого Карла XII решительно никто не мог и помыслить. И, даже подвергнувшись при Полтаве ужасаю-

щему поражению, погубив без остатка свою армию, скитаясь бессильным беглецом с несколькими провожатыми по турецким степям, сидя затем пять лет в Бендерах, отрезанный надолго от родины, Карл был вполне спокоен за свой престол, и его безграничная власть над подданными в целом не поколебалась. Нечего и говорить о том, что его страна беспрекословно давала ему по первому требованию все, чего он хотел, хотя и роптала. Этот ропот стал местами переходить иной раз в открытые возмущения, но уже в послеполтавский период.

Обладая этими средствами, которые были в течение всего его с лишком двадцатилетнего царствования фактически в его полнейшем распоряжении, Карл к тому же был одарен от природы некоторыми очень важными качествами, дающими военный успех. Он был очень силен, если не как стратег, то, безусловно, как тактик, находчив в бою, быстр, необычайно решителен, когда требовалось внезапно, тут же, под бомбами и пулями менять планы атаки. Он был очень вынослив физически, молчаливо выносил долгое отсутствие привычной пищи и даже простой свежей, не пахнущей болотом воды. Его воздержанность, суровый, спартанский образ жизни, недоступность соблазнам, свойственным молодости (а ведь он и убит был сравнительно молодым, тридцати пяти с небольшим лет) — все это внушало к нему уважение среди окружающих. Войну с Россией он вел в самую цветущую пору своей жизни, в полном расцвете своих сил: начал ее под Нарвой, когда ему было 18 лет, а закончил (поскольку речь идет о его личном и непосредственном участии) под Полтавой, когда ему было 27 лет.

И вот эти большие военные и государственные преимущества и средства и нечасто встречающиеся личные качества — все это кончилось после долгих блестящих удач полным провалом, гибелью армии, тяжелым, непоправимым подрывом политической мощи Швеции, а для него, гордого, безмерно славолюбивого и жившего только для славы (герцог Мальборо совершенно правильно это уловил после личного знакомства и наблюдений), для него, которого еще накануне Полтавы льстиво называли в Западной Европе в стихах и прозе новым Александром Македонским, это кончилось таким мучительным, неизбывным стыдом, который заставлял его явно искать смерти. „Лучше пусть меня называют сумасшедшим, чем трусом", — заявил он после своей бендерской авантюры. Его грызло это неутолимое чувство безнадежного краха всей его жизни и деятельности, всей репутации. Он молчал, как всегда, не оправдывался и не жаловался, и только один раз, как увидим, написал о пережитой трагедии своей любимой сестре, но окружавшие и наблюдавшие его в последние годы его короткой жизни хорошо понимали, что в нем творилось в то время, пока, наконец, 1 декабря 1718 г., в темную норвежскую ночь, в холодной траншее не нашла его шальная пуля-избавительница»*.

После Карла XII Швеция потеряла значение великой европейской державы и обратилась к разрешению своих внутренних проблем. Правда, в течение восемнадцатого века она дважды, и оба раза неудачно, в 1741 и 1788 гг. пыталась взять реванш у России. Но в общем воинственность шведов как-то сама собой угасла, и энергия нации сосредоточилась на создании

* Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 391, 393–394.

процветающей страны, не участвующей ни в каких международных интригах и хитросплетениях европейской политики. В этом отношении отдаленные следствия безумных деяний Карла XII можно считать вполне благотворными. Лучший памятник в Стокгольме поставлен именно этому королю. Однако, держа в одной руке обнаженную шпагу, другой он все-таки указывает на восток, в сторону России.

Д. Соловьев

КОММЕНТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аболоним — неустановленное лицо. — 92.

Август II Сильный (Фридрих Август I Саксонский, 1670–1733) — король Польши и курфюрст Саксонский. В 1694 г. наследовал своему брату Иоганну Георгу IV как курфюрст. После смерти в 1696 г. короля Яна Собеского стал одним из восемнадцати кандидатов на польскую корону и, чтобы повысить свои шансы, перешел из лютеранства в католичество, что вызвало недовольство его немецких подданных, и его покинула жена. Заняв польский престол, заключил союз с Россией и Данией против Швеции для завоевания принадлежавшей ранее полякам Ливонии. Хотя Сейм и не поддержал его, он в 1700 г. напал на Ливонию, положив таким образом начало Великой Северной войне 1700–1721 гг., которая подорвала Польшу экономически. В 1702 г. его войска были разбиты Карлом XII под Клишовом. Низложенный Сеймом (1704), он бежал в Саксонию, куда в 1706 г. вторгся Карл XII, принудивший его к заключению Альтранштадтского мира, по которому он отрекался от престола и признавал королем шведского ставленника Станислава Лещинского. После Полтавской битвы Август отказался от этого договора и с помощью Петра I заставил Сейм восстановить его на престоле (1710). Используя вмешательство России в его конфликт с дворянством и аннексию ею Ливонии (1716–1717), Август пытался создать в Польше наследственную монархию

и обеспечить владениями своих многочисленных незаконных детей. Хотя в его царствование и были возвращены прежние польские провинции — Подолия и часть Украины, но Польша из крупной европейской державы превратилась в российский протекторат. Август был человек экстравагантных вкусов, приверженный к непомерной роскоши. — 24, 26, 27, 58, 67–72, 74–82, 86, 87, 91, 94, 96, 97, 99–101, 104–108, 110–114, 117, 121, 129, 133, 163, 177–179, 211, 213–216, 235, 237, 246, 254, 259, 260, 263, 274, 289, 290, 295, 297, 309, 310.

Адольф — герцог Голштинский, брат датского короля Христиана III. — 25.

Айнсидель — невеста генерала И. Р. Паткуля. — 116.

Аларих I (ок. 370–410) — король вестготов (с 395). В 410 г. взял Рим, что явилось началом окончательного захвата варварами Западной Римской Империи. — 127.

Александр Македонский (356–323 до н. э.) — царь Македонии (с 336), полководец, завоеватель. — 20, 42, 92, 106, 127, 138, 170, 301, 314.

Алексей Петрович (1690–1718) — царевич, старший сын Петра I от первого брака с Е. Ф. Лопухиной. — 38.

Альберг — граф, шведский генерал. — 48.

Альберони, Джулио (1664–1752) — испанский государственный деятель, кардинал. Родился в Италии, с 1711 г. в Испании в качестве секретаря Филиппа V. В 1714–1719 гг. правил страной, вел рискованную внешнюю политику, восстановив против Испании Англию и Францию. Находился в близких отношениях со шведским министром Г. Гёрцем. В 1719 г. выслан из Испании и возвратился в Италию. — 285, 290.

Анна Стюарт (1665–1714) — королева Великобритании и Ирландии (с 1702 г.). — 122, 180, 258–260.

Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица (с 1730). — 37.

Анна Петровна (1708–1728) — герцогиня Голштинская (с 1725), вторая дочь Петра I, жена герцога Гольштейн-Готторпского Фридриха Карла. — 291, 292.

Апраксин, Федор Матвеевич (1661–1728) — генерал-адмирал. Начальник Адмиралтейского Приказа (1700). Во время

Северной войны отличился при действиях в Ингерманландии и Финляндии. Командовал галерной флотилией при Гангуте. С 1718 г. президент Адмиралтейств-коллегии. В 1722–1726 гг. командовал Балтийским флотом. Один из самых доверенных людей Петра I. — 139, 262.

Аран — шведский офицер. — 236.

Арвидсон — барон, шведский офицер. — 240.

Арескин (Эрскин), Роберт (?–1718) — шотландец, лейб-медик Петра I, доктор медицины и философии Оксфордского университета. С 1704 г. домашний врач князя А. Д. Меншикова. Президент Аптекарского приказа (с 1706). — 282.

Ахмед II (1642–1695) — турецкий султан (1691–1695). — 175.

Ахмед III (1673–1736) — турецкий султан (1703–1736). Во время пребывания Карла XII в Турции был вовлечен в войну с Россией 1711–1713 гг. В 1715 г. руководил захватом Мореи (Пелопонеса) у венецианцев, но после вмешательства Австрии потерпел поражение и потерял Белград (1717); хотя Турция сохранила завоеванные у Венеции земли, была вынуждена уступить Венгрию и часть Сербии. Низложенный во время восстания, Ахмед умер в неволе. — 161, 165–168, 171, 172, 174, 175, 185, 186, 204, 208, 210, 244.

Балтаджи Мехмед-паша (1662–1712) — великий визирь Турецкой Империи (1704–1706, 1710–1711). — 186, 187, 197, 198, 206.

Батлер, Джеймс, герцог Ормонд (1665–1745) — английский военный и государственный деятель. Участвовал в войнах Вильгельма III. Вице-король Ирландии (1703–1707, 1710–1711). В 1711 г. после отставки герцога Мальборо назначен главнокомандующим войсками на континенте. Как тайный сторонник реставрации Стюартов был обвинен в государственной измене и бежал во Францию (1715). В том же году участвовал в неудачном восстании якобитов. Когда предполагалось в 1719 г. высадить испанские войска в Англии, кардинал Альберони предлагал ему возглавить эту экспедицию, однако испанский флот был рассеян штормами. — 291, 292.

Бенгеску, Жорж — французский библиограф, автор труда «Библиография произведений Вольтера». (Bengescu, G., Bibliographie de Voltaire, P., 1882–1890). — 310.

Бере — шведский офицер. — 155.

Бернулли, Даниил (1700–1782) — швейцарский ученый в области математики и механики, занимался также физиологией и медициной. Почетный член Петербургской Академии наук, где работал в 1725–1733 гг. — 37.

Бильфингер (Бюльфингер), Георг Бернгардт (1693–1750) — немецкий философ и богослов, последователь Вольфа и Лейбница. Член Петербургской Академии наук. В 1725–1731 гг. работал в России. — 37.

Болингброк, Генри Сент-Джон (1678–1751) — лорд, английский государственный деятель, публицист и историк. Министр иностранных дел (1710–1714). Автор трактата «Письма об изучении и пользе истории» (русск. перевод 1978). Находясь в Лондоне, Вольтер тесно сблизился с Болингброком, который оказал огромное влияние на его философские и исторические взгляды. — 122, 258.

Боур, Родион Христианович (1667–1717) — генерал, сподвижник Петра I. Участник Северной войны. Отличился в Прибалтике, в битвах при Лесной, Полтаве и во время осады Штеттина. — 145, 196.

Бранка — возможно, Луи де Бранка маркиз де Серет (1671–1750), французский военный деятель и дипломат. Маршал Франции. С отличием выполнял различные дипломатические поручения в качестве посланника. — 147.

Брилло (Брилли, де Брильи), Андреа (?— 1746) — инженер, генерал, родом из Италии. Служил во Франции, Швеции и Пруссии. С 1701 г. в России. В 1736–1739 гг. участвовал в войне против турок и татар. — 198.

Брюн — драгоман при Оттоманской Порте. — 186.

Брюс, Роман Виллимович (1668–1720) — генерал-майор, шотландец, из потешных Петра I. Обер-комендант С.-Петербурга (1704). В 1710 г. взял Выборг и Кексгольм. — 104.

Депрео (Буало-Депрео), Никола (1636–1711) — французский поэт, литературный критик, теоретик классицизма. — 170.

Бюзенваль, де — французский посланник в Польше (1713). — 117.

Вакербарт, Август Кристофер (1662–1734) — саксонский генерал-фельдмаршал. Участник войны за Испанское наследство и Северной войны. В 1715 г. взял Штральзунд, оборонявшийся Карлом XII. — 270.

Валленштейн (Вальдштейн), Альбрехт Венцель Евсевий (1583–1634) — немецкий полководец, имперский главнокомандующий во время Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. — 17, 108.

Вальберг — шведский гвардеец. — 229.

Вальдемар IV Аттердаг (ок. 1320–1375) — король Дании (с 1340). — 15.

Ватранг, Густав (1660–1717) — шведский адмирал. Командующий Невской эскадрой (1710). В 1714 г. потерпел поражение от русского галерного флота при Гангуте. — 262.

Вейде, Адам Адамович (1667–1720) — русский генерал. В сражении под Нарвой командовал дивизией и был взят в плен, где находился до 1710 г. Участник Азовского и Прутского *походов. Автор* «Воинского устава» (1698). — 54.

Вильгельм III Оранский (1650–1702) — король Англии (с 1688). — 165.

Вильлонг, Роберт граф де Ла Серда — полковник австрийской службы, подполковник конной гвардии курфюрста Пфальцского. — 8, 239, 242, 274, 309.

Вольф, Христиан (1679–1754) — немецкий философ, последователь Лейбница, профессор математики и философии в Галле и Марбурге. Учитель М. В. Ломоносова. — 37.

Вратислав, Иоганн Венцель (1669–1712) — австрийский дипломат. В 1707 г. послан в Альтранштадт для умиротворения Карла XII, грозившего вторгнуться в австрийские владения. — 124, 127.

Вюртембергский — принц. — 155, 156.

Габсбурги — династия, правившая в Австрии (1282–1918), Чехии и Венгрии (1526–1918), Испании (1516–1700). Императоры Священной Римской Империи Германской Нации (1438–1742, 1745–1806). — 122.

Гамильтон, Гуго Юхан (1668 или 1669–1748) — шведский фельдмаршал. Участник походов Карла XII и Полтавского сражения. Взят в плен у Переволочной (1709). — 152, 182.

Гамильтон — шведский офицер. — 117.

Ганзен, Петр (Петер Эмануэль) Готфридович (1846–1930) — переводчик, публицист. — 311.

Ганнибал, Аннибал Барка (247 или 246–183 до н. э.) — карфагенский полководец и государственный деятель. Вел 2-ю Пуническую войну (218–201), неудачную для Карфагена. Осуществил беспримерный переход армии через Альпы в Италию. — 279.

Гедвига София (1681–1708) — жена герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского Фридриха IV. Сестра Карла XII. — 25, 147, 300.

Гедвига Элеонора (1636–1715) — жена шведского короля Карла X, после смерти которого назначена регентшей при малолетнем Карле XI, но не оказывала влияния на дела. — 22.

Гейнзиус, Антоний (1641–1720) — голландский государственный деятель. С 1689 г. великий пенсионарий, после 1702 г. фактический правитель страны. Проводил проанглийскую политику. — 122.

Генрих III Валуа (1551–1589) — король Франции (с 1574). Во время религиозных войн боролся как с гугенотами, так и с вождями Католической Лиги Гизами, претендовавшими на престолонаследие. Убит подосланным Лигой фанатиком. — 64.

Генрих IV Бурбон (1553–1610) — король Франции (с 1589). Проводил политику централизации, религиозного примирения, развития экономики и снижения налогов. — 5.

Георг I (1660–1727) — король Англии (с 1714), курфюрст Ганноверский (с 1698). Как немецкий князь был равнодушен к национальной культуре, интересам и политике Англии, что способствовало укреплению власти Парламента. — 179, 258, 259, 280, 289, 290, 291.

Герман, Якоб (1678–1733) — швейцарец, первый академик-математик Петербургской Академии наук. Работал в России с 1725 по 1731 г. — 37.

Гёрц, Георг Генрих (?—1719) — шведский государственный и политический деятель. Был личным советником герцога Голштинского. В 1715 г. перешел на шведскую службу в качестве управляющего финансами. Провел удачную реформу повышения номинальной стоимости денег, увеличив таким образом доходы казны, что позволило восстановить флот и обеспечить снабжение армии. Вел дипломатические переговоры с Францией и Голландией. В 1716 г. назначен полномочным представителем на Аландском конгрессе по заключению мирного договора с Россией. Одновременно проводил дальнейшие финансовые реформы, в частности принудительные займы. После гибели Карла XII арестован по обвинению в политических интригах, изъятии частной собственности и противодействии заключению мира. Казнен по приговору суда. Вольтер часто встречался с ним в Париже еще до его поступления на шведскую службу, и они находились в довольно близких отношениях. «Барон Гёрц был, несомненно, одним из тех политических интриганов, чья ловкость и наглость столь часто будоражили политику восемнадцатого столетия. Он родился в добропорядочном франконском семействе, учился в Иене, был сначала пажом у зятя Карла XII, герцога Голштинского, и сделал себе карьеру при этом маленьком дворе. По его проискам получил отставку первый министр, чье место он и занял после смерти герцога. Этот трусливый, наглый и развратный картежник стал абсолютным властителем герцогства, но его амбициям было тесно в столь узких пределах. Занимаясь делами Голштинии, он сделался известен Карлу XII и во время своей поездки в Бендеры понравился королю. Участвуя в интригах, связанных с проблемой шведского престолонаследия, он не постеснялся явиться к Карлу XII после его возвращения из Турции, чтобы предупредить возможное неудовольствие короля и всячески угодить его страсти к войне, обещая доставить для оной новые средства и новых рекрутов. Уже с начала 1716 г. Гёрц имел безраздельное влияние на короля, не получив при этом никакой официальной должности и даже шведского подданства». (А. Жоффруа. Карл XII Вольтера и Карл XII Истории. — A. Geoffroy. Le Charles XII de Voltaire et le Charles XII de l'Histoire.

«Revue de Deux Mondes», 1869, Nov., 15, pp. 387, 388). — 123, 279, 280, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 290, 291, 292, 293, 294, 304.

Гилленборг*, Карл (1679–1746) — граф, шведский дипломат и государственный деятель. В молодости участвовал в походах Карла XII. Назначенный государственным секретарем, в 1718–1719 гг. вел переговоры с Россией. С 1738 г. первый министр. Был инициатором неудачной для Швеции войны с Россией 1741–1743 гг. — 285, 288, 289, 291.

Гилленштерн — шведский офицер. — 137.

Гискар, Луи де (1651–1720) — граф, французский генерал и дипломат. Участник войн в Нидерландах в 70–90-х гг. и войны за Испанское наследство. Посланник в Швеции (1698–1701). — 45.

Глюк — мариенбургский пастор, в доме которого находилась в услужении Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I. — 195.

Голицын, Михаил Михайлович (1675–1730) — князь, генерал-фельдмаршал. Во время Северной войны отличился в сражениях при Лесной и Полтаве, после которой первым настиг шведов у Переволочной. В 1714–1721 гг. командовал русскими войсками в Финляндии, участвовал в морском сражении при Гангуте. Одержал победу над шведским флотом при Гренгаме (1720). Президент Военной коллегии, сенатор и член Верховного тайного совета (1728). — 144, 261.

Головин, Автомон Михайлович — военный деятель. Сподвижник Петра I по организации регулярной русской армии. Полковник Преображенского полка. В 1695 г. вместе с Ф. Лефортом и А. Гордоном руководил неудачным Азовским походом. В битве под Нарвой сформированная им из новобранцев дивизия обратилась в бегство, а сам он попал в плен, где пробыл до 1718 г. — 54, 153.

Головин А. — бригадир, участник Полтавского сражения. — 153.

Горн, Арвид Бернгард (1664–1742) — граф, шведский государственный и военный деятель. Генерал-лейтенант. Участник

* У автора ошибочное написание: Gyllenbourg вместо Gyllenborg.

Датской и Польской кампаний Карла XII, после смерти которого был первым министром (1718–1738). — 92, 93, 94, 96, 152.

Горн, Р. — барон, шведский комендант Нарвы (1700). — 51.

Гроттусен, Христиан Альбрехт — шведский государственный деятель. Генерал-майор. Государственный казначей. Один из самых приближенных к Карлу XII людей. Убит при штурме о. Рюген. — 169, 203, 214, 217, 221, 224, 226, 234, 245, 251, 252, 253, 273.

Густав I Ваза (1496–1560) — король Швеции. Избран на престол в 1523 г. после освобождения страны от датского господства. — 16, 17, 87.

Густав II Адольф (1594–1632) — король Швеции (с 1611). Выдающийся полководец. Одержал решающие победы над габсбургской коалицией во время Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Погиб в битве при Лютцене. — 17, 18, 50, 108, 311.

Гьета — шведский офицер. — 156.

Гюльнюш Эмметулах Султан — жена султана Мехмеда IV, мать султанов Мустафы II и Ахмеда III. — 167.

Дальдорф*, Юхан Валентин (?–1715) — шведский генерал. Участник польской и украинской кампаний Карла XII. В 1705 г. с шестьюдесятью солдатами защищал мост под Варшавой против пятитысячного отряда. После Полтавского сражения последовал за Карлом XII в Бендеры, где участвовал в обороне резиденции короля. Убит при осаде о. Рюген. — 223, 227, 273.

Дарий I — древнеперсидский царь (522–486 до н. э.) и завоеватель. — 138, 139.

Девлет-Гирей II (?–1724) — крымский хан (1699–1703, 1708–1713). — 208, 215, 216, 242.

Дезалёр, Пьер (1643–1725) — граф, французский дипломат, посланник в Турции (1709–1713). — 171, 207, 217, 239, 251, 252.

Делиль, Жозеф Никола (1688–1768) — французский астроном и картограф. Член Парижской и Петербургской академий. В 1726–1747 гг. директор Астрономической обсерватории в Петербурге. — 37.

---

* У автора ошибочное написание: Dardoff вместо Dahldorf.

Державин, Константин Николаевич (1903–1956) — советский литературовед и переводчик, автор монографии «Вольтер» (1946). — 311.

Джеффрис — «секретарь Ее Величества Королевы (Англии) при короле шведском Карле». — 205, 221, 222, 234.

Долгоруков, Яков Федорович (1639–1720) — князь, сподвижник Петра I. Участник Азовских походов. В 1700 г. глава военно-административной и военно-судебной части. Взят в плен под Нарвой и пробыл в плену десять лет. По возвращении сенатор и глава Военного комиссариата. С 1717 г. президент Ревизион-Коллегии. — 54.

Дуббенс — шведский офицер, гофмаршал двора Карла XII. — 245.

Дукер, Карл Густав (1663–1732) — шведский государственный и военный деятель. Фельдмаршал. Участник походов Карла XII. Пленен при Переволочной. Комендант Штральзунда (1715). Член Риксдага (1718). Президент Военной коллегии (1720). — 256, 257.

Дюринг (?–1715) — шведский офицер, находился вместе с Карлом XII в Турции, сопровождал его во время возвращения в Швецию. Убит при штурме о. Рюген. — 255, 256, 273.

Евгений Савойский (1663–1736) — принц. Выдающийся австрийский полководец и государственный деятель. Фельдмаршал (1693), генералиссимус (1697). Разбил турок при Зенте, вынудив их заключить Карловицкий мир (1699). Во время войны за Испанское наследство одержал ряд побед над французско-баварскими войсками (при Гохштедте, 1704; у Турина, 1706, и при Мальплаке, 1709), но потерпел поражение при Денене (1712). Во время австро-турецкой войны 1716–1718 гг. разгромил турок у Петервардейна и занял Белград. Председатель Военного и Тайного советов (с 1703), оказывал значительное влияние на политику. В 1714–1724 гг. был наместником Австрийских Нидерландов. — 107, 122, 175.

Екатерина I Алексеевна (урожд. Марта Скавронская, 1684–1727) — российская императрица (с 1725), жена Петра I (с 1712), после смерти которого была возведена на престол

гвардией во главе с А. Д. Меншиковым. Лично государственными делами не занималась. — 195.

Екатерина Ивановна (1691–1723) — герцогиня Мекленбургская (с 1716). Дочь царя Ивана V. В 1722 г. из-за неурядиц в семейной жизни возвратилась в Россию вместе с единственной дочерью Елизаветой (впоследствии правительницей Анной Леопольдовной). — 179.

Жойёз — французский офицер на польской службе. — 107.

Зобор — граф, камергер двора императора Иосифа I. — 125.

Зум — посланник Польши во Франции (1714). — 254.

Иаков I Стюарт (1566–1625) — король Англии (с 1603). — 258, 259.

Иаков II Стюарт (1633–1701) — король Англии (1685–1688). Проводил авторитарную политику, направленную на реставрацию католичества, что вызвало консолидацию оппозиционных сил, призвавших на престол его зятя Вильгельма Оранского, после высадки которого в Англии Иаков бежал во Францию. — 165, 282, 285, 290, 291.

Иаков III Стюарт (1688–1766) — сын Иакова II, после смерти которого в изгнании был признан королем правительствами Франции, Испании, Пармы, Модены и Папой Римским. Во время войны за Испанское наследство сражался в рядах французских войск. После восшествия на английский престол Георга I в Шотландии вспыхнуло неудавшееся восстание в его пользу (1715). Сам претендент высадился в Шотландии и был коронован в Сконе, но был вынужден бежать обратно на континент. — 258, 282, 312.

Ибрагим-Молла — великий визирь Турецкой империи (1711). — 243, 250.

Иван V Алексеевич (1666–1696) — русский царь в соправлении с братом Петром (1682). Царствовал лишь номинально, до 1689 г. фактически правила сестра Софья, затем — Петр I. — 30, 179.

Измаил-паша — бендерский сераскер. — 204, 208, 213, 218.

Имгоф, Антон Альбрехт (1653–1715) — барон, саксонский дипломат и государственный деятель, член Тайного совета. Во время Северной войны после разгрома саксонской армии при Фрауенштадте послан вместе с тайным советником Пфингстеном к Карлу XII для переговоров о мире. С одобрения короля Августа II ими был заключен крайне невыгодный для Саксонии и Польши Альтранштадтский мир (1706), однако впоследствии Имгоф и Пфингстен были обвинены в государственной измене и преданы суду, который приговорил Пфингстена к смертной казни, а Имгофа — к пожизненному заключению. Он провел в тюрьме семь лет и был освобожден лишь после нескольких прошений о помиловании с взысканием штрафа в 40 000 талеров. — 110, 177.

Имеретинский, Александр Арчилович (1674–1710) — царевич Имеретинский. Воспитывался в Москве вместе с Петром I, которого сопровождал в первом путешествии за границу, где изучал артиллерийское дело. При начале Северной войны командовал всей артиллерией, захваченной вместе с ним шведами после Нарвского сражения. Умер в плену. — 56.

Имеретинский, Арчил Вахтангович (?–1713) — князь Имеретии (с 1663). В 1684 г., теснимый персами и турками, отдался под покровительство России. Попытки вернуть Имеретию оказались неудачными, он уехал в Москву, где и скончался. — 56.

Иосиф I Габсбург (1678–1711) — германский император (с 1705). — 126, 204.

Ирнеган — доверенное лицо герцога Ормонда в Петербурге. — 292.

Кантемир, Дмитрий Константинович (1673–1723) — князь, молдавский господарь (1710–1711), ученый. В 1711 г. заключил тайный договор с Петром I против Турции и о переходе Молдавии в состав России. После неудачного Прутского похода вместе с 4 тыс. молдаван ушел в Россию, где стал советником Петра I по восточным делам. Участвовал в Персидском походе 1722–1723 гг. Член Берлинской академии наук, автор ряда исторических и философских трудов. — 191, 193.

Каплан-Гирей I — крымский хан (1707–1708, 1713–1716). — 242.

Карл I Стюарт (1600–1649) — король Англии (с 1625). Его конфронтация с оппозицией привела к широкому недовольству в стране, революции и гражданским войнам. Казнен по приговору суда, назначенного Парламентом. — 64.

Карл V Габсбург (1500–1558) — германский император (1519–1556) и король Испании (1516–1556). Добровольно отрекся от престола. — 9.

Карл VI Габсбург (1685–1740) — германский император (с 1711). Вел войны с Турцией (1716–1718, 1737–1739) и войну за Польское наследство (1733–1735). — 126, 203.

Карл X Густав (1622–1660) — король Швеции (с 1654). В результате войн с Польшей, Данией и Россией расширил шведские владения и укрепил шведское господство на Балтике. — 18, 254.

Карл XI (1655–1697) — король Швеции (с 1660). Отец Карла XII. Установил абсолютное правление. Участвовал в войнах с Францией против Голландии (1672–1678) и с Голландией против Франции (1688–1697). — 18, 22, 26, 27.

Карл XII (1682–1718) — король Швеции (с 1697). — Passim.

Карл XV Бернадотт (1826–1872) — король Швеции (с 1859). — 306.

Карл Леопольд (1679–1747) — герцог Мекленбург-Шверинский (с 1713). Муж царевны Екатерины Ивановны, дочери русского царя Ивана V. — 179.

Карл Фридрих (1700–1739) — герцог Гольштейн-Готторпский, сын сестры Карла XII Гедвиги Софии. До гибели Карла, которого он глубоко чтил, находился в Швеции. Претендуя на шведский престол, искал помощи у Петра I и в 1721–1727 гг. жил в Петербурге. Муж царевны Анны Петровны (1725), отец будущего российского императора Петра III. — 260, 282, 291, 292, 295, 300.

Кёнигсмарк, Мария Аврора де (1668–1728) — графиня, любовница короля-курфюрста Августа II, от которого у нее родился будущий выдающийся полководец Мориц граф Саксонский. — 72, 74, 246.

Кёнигсмарк — граф, брат Марии Авроры. — 72.

Кёпрюлю Ахмед-паша (1636–1676) — великий визирь Турецкой Империи (1661–1676). Вел постоянные войны, завоевал о. Крит. — 175, 190.

Кёпрюлю Нуман-паша — великий визирь Турецкой Империи (1710). — 175, 185, 186.

Климент XI (Джованни Франческо Альбани, 1649–1721) — Папа Римский (с 1700). — 99.

Кольбер, Жан Батист (1619–1683) — французский государственный деятель. Генеральный контролер финансов (1665), морской министр (1669). Руководил всей внутренней политикой в духе централизации, развивал торговлю и промышленность. Основатель академий: наук, литературы, музыки и архитектуры. — 275.

Конти, Франсуа Луи принц Рош-сюр-Ион (1664–1709) — французский военный деятель. В 1697 г. избран королем Польши, но не смог противостоять саксонскому курфюрсту Фридриху Августу. Командовал французской армией в Италии (1703). — 26, 70.

Коппен — саксонский офицер. — 271.

Корнель, Пьер (1606–1684) — французский драматург, основоположник классического театра. — 170.

Кортес, Эрнан (1485–1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики. — 28.

Крамстром — шведский офицер. — 284.

Крейц, Карл Густав (1660–1728) — шведский генерал. Участник походов Карла XII. После Полтавского сражения пленен при Переволочной. — 153.

Кроа (Круа), Карл — герцог, потомок венгерских королей. Служил в датской, австрийской и русской армиях. Командовал русскими войсками в Нарвском сражении и был взят в плен. — 50, 54, 55.

Кромвель, Оливер (1599–1658) — английский государственный деятель, полководец. Один из вождей революции и гражданской войны. С 1653 г. лорд-протектор Республики, сосредоточивший в своих руках неограниченную власть. — 9.

Круасси, Кольбер де — граф, французский представитель при Карле XII. — 258, 275, 276, 302.

Кузешлерп — шведский офицер, комендант о. Узедом (1715). — 268, 269.

Кук — английский купец. — 205.

Кульберт — шведский офицер, адъютант Карла XII. — 299.

Кумурджи Али-паша — фаворит турецкого султана Ахмеда III, великий визирь. — 175, 187, 206, 211, 212, 242, 243, 250.

Курций Руф, Квинт (I в. н. э.?) — римский историк и ритор. Автор «Истории Александра Великого Македонского». — 20.

Лагеркрон (Лагеркрона), Андерс (1660–1739) — шведский генерал, участник похода Карла XII на Украину. После Полтавской битвы последовал за ним в Бендеры, где в присутствии короля поссорился с его любимцем Гроттусеном, и ему было велено возвратиться в Швецию (1710), после чего он вышел в отставку. —142.

Ламотрэ, Обри де (ок. 1674–1743) — французский путешественник по Европе, Турции, Азии и Африке. Автор «Критических замечаний на „Историю Карла XII" Вольтера» (1732). Встречался с Карлом XII в Бендерах и при осаде Фредериксхалля, что описал в своей книге путешествий (1727, см. примеч. на с. 305), которая послужила Вольтеру одним из основных источников для биографии Карла XII. — 302, 305.

Левенгаупт, Адам Людвиг (1659–1719) — граф, шведский военачальник. С 1706 г. генерал-губернатор Лифляндии и Курляндии. В 1708 г., направляясь с подкреплениями и огромным обозом на соединение с Карлом XII, был разбит Петром I при Лесной, что во многом определило последующую катастрофу шведской армии. В Полтавском сражении командовал пехотой, организовал отход остатков армии к Переволочной, где Карл XII передал ему командование. Считая положение безнадежным, капитулировал. Умер на пути из плена в Швецию. — 119, 120, 133, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 152, 157, 158, 181.

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ и ученый-энциклопедист. Автор трудов по математике, физике, истории, языкознанию и другим наукам. В области религии выступал за объединение всех христианских исповеданий. Неоднократно встречался с Петром I, разработал ряд проектов по развитию образования и государственного управления в России. — 302.

Лелуан — офицер из свиты Карла XII. — 173.

Лёмар — полковник саксонской службы. — 214.

Леопольд I Габсбург (1640–1705) — германский император (с 1658). — 126.

Леопольд I (1676–1747) — князь Ангальт-Дессаусский, военачальник, прусский генерал-фельдмаршал. Участник войны за Испанское наследство и Северной войны. Взял Штральзунд, оборонявшийся Карлом XII. Во время войны за Австрийское наследство разгромил австро-саксонские войска при Кессельдорфе. — 272, 273.

Лефорт, Франц Яковлевич (1656–1699) — русский военный деятель, адмирал. Выходец из Швейцарии. Участник Русско-турецкой войны 1676–1681 гг. и Крымских походов 1687 и 1689 гг. Любимец Петра I. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. командовал флотом. — 30.

Лещинская, Карлотта (урожденная Опалинская) — жена польского короля Станислава I Лещинского. — 94, 101.

Лещинская, Мария — см. Мария Лещинская.

Лещинская — мать польского короля Станислава I Лещинского. — 94.

Лещинская — старшая дочь польского короля Станислава I Лещинского. — 94.

Лещинский, Станислав — см. Станислав I Лещинский.

Ливен (?–1702) — шведский генерал. — 83.

Лопухина, Евдокия Федоровна (1669–1731) — первая жена Петра I, мать царевича Алексея Петровича. — 196.

Лукан, Марк Анней (39–65) — римский поэт. — 137.

Любомирские — польский княжеский род. — 69, 92.

Людовик XII (1462–1515) — король Франции (с 1498). — 5.

Людовик XIV (1638–1715) — король Франции (с 1643). — 5, 9, 21, 107, 123, 180, 258, 290, 293, 296.

Людовик XV (1710–1774) — король Франции (с 1715). — 9.

Лютер, Мартин (1483–1546) — один из зачинателей Реформации, основатель немецкого протестантизма (лютеранства). — 18.

Маврокордато (Маврокордатос), Иоанн Николай (ок. 1670–1730) — греческий государственный деятель на турецкой служ-

бе. Господарь Молдавии (1709–1710, 1711–1715) и Валахии (1716, 1718–1730). — 237.

Мазепа, Иван Степанович (1644–1709) — украинский государственный деятель. Гетман Левобережной Украины (1687–1708). Родился в шляхетской православной семье. Воспитывался при дворе польского короля Яна Казимира. В 1669–1681 гг. служил у гетманов Правобережной и Левобережной Украины. Участник Азовских походов 1695–1696 гг., когда вошел в доверие к Петру I. После начала Северной войны задумал отделение Украины от России и начал переговоры с Карлом XII и Станиславом Лещинским, по тайному договору с которым вся Малороссия и Смоленск переходили к Польше, а сам Мазепа становился властителем воеводств Полоцкого и Витебского с титулом князя. В октябре 1708 г. он открыто перешел на сторону шведов, однако ему удалось привести к ним только 1500 казаков и 3000 запорожцев. После Полтавского сражения бежал с Карлом XII в Бендеры, где и умер. — 141, 142, 143, 148, 149, 158, 172.

Майдель, Георг Юхан (1648–1709) — шведский генерал. В битве при Нарве командовал левым флангом. Участник Польской кампании 1703 г. В 1704–1707 гг. командующий войсками в Финляндии, затем в отставке. — 104.

Максимилиан II (1662–1726) — курфюрст Баварский. — 107.

Мальборо, герцог — см. Черчилль, Джон.

Мальборо, герцогиня — см. Черчилль, Сарра.

Мамай (?–1380) — татарский военачальник, фактический правитель Золотой Орды. Разбит Дмитрием Донским в Куликовской битве. — 308.

Маргарита Датская (1353–1412) — королева Дании и Норвегии (с 1387) и Швеции (с 1389). Жена норвежского короля Хокона VI. Была инициатором унии трех скандинавских государств. — 15.

Мария II Стюарт (1662–1695) — королева Англии (с 1688), дочь короля Иакова II, жена короля Вильгельма III Оранского. — 165.

Мария Лещинская (Екатерина София Фелицата, 1703–1768) — королева Франции (с 1725), жена короля Людовика XV, дочь польского короля Станислава I Лещинского. — 95.

Маркетти — итальянец, адъютант Карла XII при осаде Фредериксхалля. — 306, 307.

Марко — польский еврей, турецкий переводчик. — 233.

Марсен (Маршен), Фердинанд (1656–1706) — французский военный деятель, дипломат. Маршал Франции. Посол в Испании (1701–1703). Участник войны за Испанское наследство. Убит при осаде Турина. — 107.

Мегрэ — французский военный инженер на шведской службе. Участник осады Фредериксхалля. — 298, 299, 305, 306.

Мейерфельд, Юхан Август (1664–1749) — шведский генерал. Участник польского и русского походов Карла XII и Полтавской битвы, после которой недолгое время пробыл в плену. В 1711 г. приезжал к Карлу XII в Бендеры. Генерал-губернатор Померании (1711–1715). — 112.

Мендаль — шведский офицер. — 284.

Меншиков, Александр Данилович (1673–1729) — государственный и военный деятель. Граф, светлейший князь, генералиссимус. Сын придворного конюха, денщик Петра I. Преданность и усердие, незаурядные военные и административные способности выдвинули его в число самых близких сподвижников царя. После смерти Петра I, опираясь на гвардию, возвел на престол Екатерину I и стал фактическим правителем. С восшествием на престол Петра II обвинен в измене и сослан в Березов, где и умер. — 106, 111, 144, 150, 153, 158, 159, 196, 283.

Мехмед IV (1642–1691) — турецкий султан (с 1648). — 167.

Мехмед-паша — турецкий губернатор Очакова. — 161, 162, 215.

Митридат VI Евпатор (132–63 до н. э.) — царь Понтийского царства (со 121). Потерпел сокрушительное поражение в войнах с Римом. — 170.

Монтелеон, де — маркиз, испанский посланник в Англии (1717). — 288.

Мориц граф Саксонский (1696–1750) — военный деятель и теоретик. Маршал Франции. Побочный сын польского короля Августа II и графини М. А. де Кёнигсмарк. Во время войны за Австрийское наследство 1740–1748 гг. одержал ряд побед над англо-голландскими войсками. — 72, 105, 246.

Мустафа II (1664–1703) — турецкий султан (с 1695). — 165, 167, 175, 186.

Мюллерн, Густаф Хенрик (1664–1719) — шведский государственный деятель и дипломат. Канцлер (1710). — 158, 169, 204, 214, 224, 226, 245.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — французский государственный деятель и полководец, император (1804–1815). — 308.

Нейман, Мельхиор (1671–1741) — лейб-хирург Карла XII. — 150.

Николай (IV в.) — святой, архиепископ Мирликийский. — 29, 57.

Огинские — литовско-русский дворянский и княжеский род, восходящий к XV в. — 68.

Огинский, Григорий Антоний (?—1709) — польский государственный деятель. Глава Конфедерации войска литовского (1702). Великий гетман Литовский (1708). — 68, 120.

Оксфорд, граф — см. Харлей, Роберт.

Ормонд, герцог — см. Батлер, Джеймс.

Осман I Гази (ок. 1258–1324 или 1326) — турецкий султан (с 1299/1300), основатель династии Османов (Оттоманов). — 166.

Осман-ага — турецкий военачальник, участник Русско-турецкой войны 1710–1713 гг. — 206.

Остерман, Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих, 1686–1747) — барон, русский государственный деятель, дипломат. Сын лютеранского пастора. С 1703 г. на русской службе. Активный участник Аландского конгресса (1718–1719). Вице-президент Коллегии иностранных дел (с 1723), вице-канцлер (1725–1741). Член Верховного тайного совета (с 1726). С 1731 г. фактический руководитель внешней и внутренней политики России. После дворцового переворота 1741 г. предан суду и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой в Березов, где и умер. — 286, 287, 292.

Оттоманы (Османы) — династия турецких султанов, основанная Османом I и правившая с XIII в. до 1922 г. — 33, 166, 188.

Пайкель, Отто Арнольд (?–1706) — саксонский генерал, алхимик. Уроженец Лифляндии. Участвовал в Северной войне на

стороне Августа II. В 1705 г. взят в плен и как шведский подданный, изменивший королю, приговорен к смертной казни. — 117.

Парменион (?–330 до н. э.) — полководец царей Филиппа Македонского и Александра Великого. — 106.

Паткуль, Иоганн Рейнгольд (1660–1707) — лифляндский дворянин, состоял на шведской военной службе. В 1689 г. член лифляндской депутации, просившей у Карла XI восстановить права и привилегии лифляндского дворянства. В 1694 г. за резкое осуждение правительства приговорен к отсечению правой руки, но успел бежать, поступил на саксонскую службу и был направлен в Москву, где способствовал заключению союза между Саксонией, Польшей и Россией против Швеции. Не поладив с приближенными саксонского курфюрста, в 1702 г. перешел на русскую службу. В 1704 г. послан в Варшаву и назначен командиром русского отряда, направленного в Польшу на помощь королю Августу II. В 1705 г. вследствие интриг арестован саксонцами и по условиям Альтранштадтского мира выдан шведам. Как дезертир был приговорен к колесованию и четвертованию. — 27, 49, 58, 104, 105, 111, 115, 116, 118.

Петр I Великий (1672–1725) — русский царь (с 1682), российский император (с 1721). — 7, 8, 11, 28, 30–38, 53, 56–58, 60, 71, 102–104, 119, 120, 134–139, 141, 144–147, 149, 151–154, 160, 171, 172, 176–179, 181, 182, 192–197, 199, 200, 206, 207, 209, 210, 212, 213, 231, 261–263, 265, 268, 280–282, 287, 290–292, 295.

Петр III Федорович, Карл Петр Ульрих (1728–1762) — российский император (1761–1762). — 300.

Петров, Петр Николаевич (1827–1891) — писатель и архивист. — 263.

Пипер, Карл (1647–1716) — граф, шведский государственный деятель. Пользовался большим доверием Карла XI. Во время Северной войны стоял во главе дипломатического ведомства. Взят в плен под Полтавой и умер в Шлиссельбурге. — 22, 23, 24, 44, 46, 70, 73, 78, 87, 88, 111, 113, 123, 124, 133, 134, 151, 155, 156, 159, 181, 280.

Полибий (ок. 200–ок. 120 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории» в 40 книгах, представляющей собой первую попытку изложения всеобщей истории. — 286.

Полиньяк, Мельхиор де (1661–1742) — французский писатель и дипломат, кардинал. После смерти короля Яна Собеского добился избрания на польский престол принца Конти, который, однако, был вынужден уступить его саксонскому курфюрсту Фридриху Августу II. — 26, 69.

Помпей, Гней (106–48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. — 170.

Понятовский, Станислав (1678–1762) — польский политический деятель, отец короля Станислава Августа. Еще в молодости примыкал к шведской партии, противостоявшей в Польше русскому влиянию. Боевой соратник Карла XII, участвовавший во всех его походах (с 1703) и спасший его после Полтавской битвы. Во время пребывания Карла в Бендерах интриговал при султанском дворе и был одним из главных вдохновителей Русско-турецкой войны 1711–1713 гг. Добился отстранения великого визиря Балтаджи Мехмед-паши, но, видя бесперспективность дальнейших отношений с турками, настоятельно советовал Карлу XII возвратиться в Швецию. Карл назначил его правителем герцогства Цвейбрюкенского, где находился тогда Станислав Лещинский. После гибели Карла XII Понятовский приехал в Швецию и выполнял дипломатические поручения королевы Ульрики Элеоноры по сближению с польским королем Августом II, который возвратил ему все владения и осыпал милостями, назначив обер-егермейстером Литвы (1722), великим подскарбием (1724), генералом гвардии и воеводой Мазовецким (1731). После смерти Августа II он некоторое время поддерживал Станислава Лещинского, но, в конце концов, перешел на сторону Августа III и исполнял дипломатические поручения во Франции (1740–1741). Он также был назначен старостой Люблинским и кастеляном Краковским. В последние годы жизни удалился от дел и жил в своих имениях. — 8, 155, 156, 158, 167, 168, 171, 173, 174, 176, 193, 194, 198, 200, 205, 226, 239, 273, 309.

Поссе — граф, шведский офицер, участник осады Фредериксхалля. — 299.

Пуфендорф, Самуэль (1632–1694) — немецкий ученый-просветитель. Автор многочисленных работ по юриспруден-

ции и истории. Много лет прожил в Швеции, где преподавал в Лундском университете. — 19.

Пфингстен — саксонский государственный деятель, член Тайного совета. Во время Северной войны после разгрома саксонской армии при Фрауенштадте послан вместе с тайным советником Имгофом к Карлу XII для переговоров о мире. С одобрения короля Августа II ими был заключен крайне невыгодный для Саксонии и Польши Альтранштадтский мир (1706). Впоследствии они были обвинены в государственной измене и преданы суду, который приговорил Пфингстена к смертной казни, а Имгофа к пожизненному заключению. — 110, 113, 177.

Радзеевский, Михал Стефан (?—1705) — польский религиозный деятель, кардинал-примас Польши. — 69, 70.

Расин, Жан (1639–1699) — французский драматург, автор классических трагедий. — 170.

Ревентлов*, Кристиан Дитлев (1671–1738) — граф, датский генерал. Участник войны за Испанское наследство и Северной войны. Командовал во время неудачной экспедиции в Сканию в 1709–1710 гг. — 182.

Реншильд, Карл Густав (1651–1722) — шведский военный деятель, фельдмаршал. В сражении при Нарве командовал левым флангом. За победу при Фрауенштадте (1706) получил графское достоинство. — 44, 56, 59, 84, 87, 106, 107, 120, 151, 152, 155, 156, 160, 181.

Рец, Жан Франсуа Поль Гонди де (1614–1679) — кардинал, активный деятель Фронды, неоднократно переходивший из правительственной партии в оппозицию и обратно. Автор ценных мемуаров. — 9.

Риббинс — шведский полковник. — 234.

Ришельё, Арман Жан дю Плесси (1585–1642) — французский государственный деятель, кардинал. В 1624 г. возглавил Королевский совет и стал фактическим правителем государства. Во время Тридцатилетней войны поддерживал субсидиями шведского короля Густава Адольфа. — 17.

---

* У автора ошибочное написание: Reventlau вместо Reventlow.

Робель — комендант Торна (1702). — 85.

Робинсон — английский дипломат, посланник в Швеции. — 123.

Роган-Шабо, Ги Огюст — других сведений об этом лице, кроме приведенных автором, не найдено. — 309.

Ромодановский, Федор Юрьевич (ок. 1640–1717) — боярин, князь, государственный деятель, приближенный к Петру I с детских лет царя. В 1686–1717 гг. возглавлял Преображенский приказ. Пользовался неограниченным доверием царя, обладал огромной властью. В 1697 г., отправляясь за границу, Петр вверил ему управление государством и присвоил титул князя-кесаря и Его Величества. — 263.

Роос, Карл Густав (1665–1722) — шведский генерал. Участник Польской и Украинской кампаний Карла XII. После Полтавского сражения в русском плену. — 152.

Сапега, Ян — польский государственный и политический деятель. Великий гетман Литовский. Находился вместе с Карлом XII в Бендерах. — 215.

Сапеги — боярско-магнатский, с XVII в. — княжеский род Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. В XVII в. представлял собой грозную силу, перед которой смирялись даже короли. Самоуправство Сапегов в Литве привело к междоусобной войне, в результате которой они были присуждены к лишению должностей и имущества и вечному изгнанию (1700), однако Август II примирил их со шляхтой. — 68, 69, 81, 120, 215.

Саттон, Роберт — английский дипломат, посланник в Константинополе (1702–1717). — 208.

Сенявский, Адам Николай — граф, польский политический и государственный деятель. Великий коронный гетман. — 121, 148, 177.

Сигье* — французский офицер на службе Карла XII. Адъютант принца Гессен-Кассельского и Карла XII, участник осады Фредериксхалля. — 299, 303, 306.

---

* У автора ошибочное написание: Siquier вместо Siguier.

Скавронский, Самуил — отец Марты Скавронской, впоследствии императрицы Екатерины I. — 195.

Скоропадский, Иван Ильич (1646–1722) — гетман Левобережной Украины (1708–1722). — 141.

Смирнов, Василий Дмитриевич (1846–1922) — ориенталист и историк. — 242.

Собеские — польский дворянский род, восходящий к XVI в. — 69, 111, 115.

Собеский, Александр — сын польского короля Яна Собеского. — 88.

Собеский, Константин — сын польского короля Яна Собеского. — 86, 88, 91.

Собеский, Яков (1667–1739) — сын польского короля Яна Собеского. — 69, 70, 86, 88, 91, 296.

Собеский, Ян — см. Ян III Собеский.

Соловьев, Сергей Михайлович (1820–1879) — историк, член петербургской Академии наук (1872). — 104, 193.

София (1630–1714) — жена курфюрста Ганноверского Эрнеста Августа, внучка английского короля Иакова I, мать английского короля Георга I. — 259.

Софья Алексеевна (1657–1704) — дочь царя Алексея Михайловича, правительница России в 1682–1689 гг. В результате борьбы с партией брата Петра была свергнута и заточена в монастырь. — 30, 141.

Спарре, Аксель (1652–1728) — шведский генерал и дипломат. Участник походов Карла XII. В Полтавском сражении командовал пехотной колонной. Последовал за королем в Турцию, принимал участие в защите его бендерской резиденции. В 1716 г. назначен посланником в Гессен-Кассель. — 23, 152, 227.

Спарре, Карл Густав (1688–1741) — шведский генерал и дипломат. Участник Северной войны, Полтавского сражения и кампании в Померании 1712–1713 гг. Посланник в Англии (1719–1731). Один из самых влиятельных сторонников начала неудачной для Швеции войны с Россией в 1741–1743 гг. — 53, 236.

Стакельберг, Берндт Отто (1662–1734) — шведский генерал. Участник Северной войны, после Полтавского сражения в русском плену. — 181.

Станислав I Лещинский (1677–1766) — король Польши (1704–1709). После вторжения шведов в Польшу и низложения Августа II под давлением Карла XII был избран на престол. Поражение Карла под Полтавой оставило его без поддержки, и Август возвратил себе королевский титул. Станислав был вынужден эмигрировать и обосновался во французском Эльзасе. После смерти Августа (1733) пытался возвратить себе корону, приехал инкогнито в Варшаву и был избран на престол, однако Россия и Австрия, опасаясь присоединения Польши к франко-шведскому союзу, ввели в нее войска. Станислав был снова низложен и заменен саксонским курфюрстом Фридрихом Августом. В ожидании французской помощи Станислав удалился в Гданьск, но был вынужден бежать оттуда в Кёнигсберг и вел партизанскую войну с новым королем и русскими войсками. По Венскому трактату 1738 г. саксонский курфюрст был признан польским королем под именем Августа III, а Станислав получил в пожизненное владение Лотарингию вместе с королевским титулом. Он проявил себя как умелый администратор, способствовавший экономическому росту Лотарингии. Его двор в Люневиле стал известным культурным центром, а в Нанси он основал Академию наук и военную школу. — 69, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 99, 100, 105, 111, 114, 115, 119, 120, 121, 134, 148, 155, 177, 178, 207, 235, 236, 237, 238, 254, 260, 282, 289, 295, 296, 309.

Стенбок, Магнус (1664–1717) — граф, шведский генерал. Принимал участие в Северной войне, отличился в Нарвском сражении. Когда после Полтавской битвы датчане высадились в Швеции, Стенбок разбил их при Гельсингборге и Гадебуше. В 1713 г., окруженный русско-датско-саксонскими войсками в крепости Теннинген, был вынужден по истощении всех запасов сложить оружие. Оказавшись в плену, неудачно пытался бежать из Копенгагенской крепости, после чего подвергался до самого конца жизни крайне суровому обращению. — 80, 85, 183, 184, 245, 246, 247, 248, 249.

Стилле, Артур Густав Хенрик (1863–1922) — шведский историк. — 308.

Стральгейм — шведский дипломат, посланник в Вене. — 125.

Стюарт, Карл Магнус (ок. 1650–1705) — шведский генерал, военный инженер. Участник Северной войны и осады Копенгагена. Генерал-квартирмейстер шведской армии. — 46.

Стюарты — королевская династия, правившая в Шотландии (с 1371), а затем и в Англии (1603–1649, 1660–1714). — 290.

Сулейман-паша — великий визирь Турецкой Империи (1711). — 242, 243.

Сципионы — древнеримский патрицианский род, к которому принадлежали выдающиеся полководцы и государственные деятели. — 9.

Таллантайр, С. — автор биографии Вольтера (The Life of Voltaire by S. G. Tallantyre, N. Y.-L., 1907). — 310.

Таллар, Камилл д'Отен (1652–1728) — маршал Франции. Участник войны за Испанское наследство. В битве при Гохштедте (1704) был разбит, взят в плен и до 1712 г. оставался в Англии. — 107.

Тальманн, Иоганн Михаэль — австрийский посланник в Константинополе (1700–1710). — 203, 207.

Тамерлан — см. Тимур.

Тарле, Евгений Викторович (1875–1955) — историк, академик (1927). Автор труда «Северная война и шведское нашествие на Россию» (Соч., т. 10, М., 1959). — 77, 106, 136, 139, 143, 146, 314.

Тимур (Тамерлан, Тимурленг, 1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, завоеватель. Объединение Средней Азии сочетал с грабительскими походами в Иран, Закавказье, Турцию, Индию и Китай. — 138, 191.

Толстой, Петр Андреевич (1645–1729) — граф, государственный деятель, дипломат. Посол в Турции (1702–1714). В 1718–1726 гг. управлял Тайной канцелярией. Содействовал возведению на престол Екатерины I, но вследствие вражды с А. Д. Меншиковым был сослан в Соловецкий монастырь (1727), где и умер. — 172, 177, 187, 221.

Торси, Жан Батист Кольбер де (1665–1746) — маркиз, французский государственный деятель. Министр иностранных дел (1696), обер-интендант почт (1699). — 275.

Трубецкой, Иван Юрьевич Большой (?—1750) — князь, генерал-фельдмаршал. Любимец Петра I. Начал службу в Преображенском полку. Новгородский наместник (1698). После Нарвского сражения взят в плен и содержался там до 1718 г. Московский генерал-губернатор (1739). — 54.

Трутфетр (Траутветтер?) — шведский полковник, участник Полтавского сражения. — 158, 159.

Ульрика Элеонора — королева Швеции. Супруга короля Карла XI, мать Карла XII. — 19, 42.

Ульрика Элеонора Младшая (1688–1741) — королева Швеции (с 1719). В трудное для страны время после гибели ее брата Карла XII проявила большую энергию и отстаивала свои права на корону. Состоя с 1715 г. в браке с наследным принцем Гессен-Кассельским Фридрихом, она пожелала разделить с ним престол, однако дворянство не согласилось на это. Тогда она отреклась от престола в пользу мужа, и он был провозглашен королем Швеции (1720). Как и брат, отличалась упрямством и мстительностью, но при весьма ограниченных способностях. — 19, 250, 267, 304.

Фабрис — барон, представитель Голштинского герцога Христиана Августа, направленный к Карлу XII в Бендеры. Участвовал там в защите королевской резиденции. — 8, 123, 170, 171, 205, 220, 221, 222, 223, 234, 237, 238, 258, 302, 309.

Фагель — секретарь нидерландских Генеральных Штатов. — 122.

Фердинанд II Штирийский (1578–1637) — германский император (с 1619), австрийский эрцгерцог. Фанатичный поборник Контрреформации, инициатор Тридцатилетней войны, во время которой шведский король Густав II Адольф нанес его войскам тяжелые поражения при Брейтенфельде (1631) и Лютцене (1632). — 17.

Фердинанд Кетлер (1655–1737) — опекун малолетнего герцога Курляндского Фридриха Вильгельма (1698–1710), после смерти которого (1711) занял герцогский престол, но не приезжал в Курляндию, где находилась вдова Фридриха Вильгельма Анна Ивановна, впоследствии российская императрица. — 58, 60.

Ферриоль, Шарль маркиз д'Аржанталь (1637–1722) — посланник Франции в Турецкой Империи (1699–1710). — 173, 176.

Филипп II Орлеанский (1674–1723) — герцог Шартрский. В 1715–1723 гг. регент Франции при малолетнем Людовике XV. — 254, 287, 289, 309.

Филипп V Бурбон (1683–1746) — король Испании (с 1701). — 122, 204, 258, 290.

Фиф — шведский барон, советник Карла XII, находился вместе с ним в Бендерах, принимал участие в защите королевской резиденции. — 224.

Флемминг, Якоб Генрих (1667–1728) — саксонский военный и государственный деятель. Генерал-фельдмаршал. Способствовал избранию курфюрста Фридриха Августа на польский престол, после чего был назначен главным губернатором всех польских областей. Отличился во время Северной войны, а также при создании союза Польши, Англии и Голландии. — 49, 105, 129, 130, 213, 214, 296.

Флюг — русский генерал, участник Северной войны. — 145.

Фолар, Жан Шарль де (1669–1752) — французский военный писатель. Участник войны за Испанское наследство, после которой перешел на шведскую службу, где оставался до гибели Карла XII. Автор трактата о тактике «Новые открытия в военном искусстве» (1724) и «Комментариев» к Полибию. — 286, 301.

Фонеска — врач португальско-еврейского происхождения, живший в Турции во время пребывания там Карла XII. — 167.

Франциск I (1494–1547) — король Франции (с 1515). С его именем тесно связана культура Возрождения во Франции. Собрал обширную библиотеку, пригласил Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто и Бенвенуто Челлини. Особенно увлекался архитектурой и скульптурой. — 5.

Фридрих I Гогенцоллерн (1657–1713) — король Пруссии (с 1701). В 1688–1701 гг. курфюрст Бранденбургский под именем Фридриха III. — 179, 181, 235, 260.

Фридрих I (1676–1751) — король Швеции (с 1720). Третий сын ландграфа Гессен-Кассельского. В молодости состоял на английской службе, командовал гессенским корпусом во время войны за Испанское наследство. В 1715 г. вступил в брак с се-

строй Карла XII Ульрикой Элеонорой и был принят на шведскую службу со званием генералиссимуса. После отречения Ульрики Элеоноры от престола избран королем на условиях, сильно ограничивавших королевскую власть (1720). Заключил Ништадтский мир с Россией, завершивший Северную войну (1721). Начатая им Русско-шведская война 1741–1743 гг. окончилась невыгодным для Швеции Абосским миром. Слабый, ленивый и безнравственный, Фридрих считается одним из самых плохих королей Швеции. — 227, 267, 279, 283, 298, 299, 304, 307.

Фридрих III (1609–1670) — король Дании (с 1648). — 19.

Фридрих IV (1671–1730) — король Дании (с 1699). Получил недостаточное образование, что, однако, возмещалось природным умом и трудолюбием. Во время Северной войны проявил большую личную храбрость, не выказав способностей полководца, хотя война окончилась для Дании благополучно приобретением всего Шлезвига. — 24, 26, 43, 48, 84, 163, 179, 182, 250, 267, 279–281.

Фридрих IV (1670–1702) — герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский (с 1694), муж сестры Карла XII Гедвиги Софии (1698). Убит в битве под Клишовом. — 25, 43, 48, 78, 260.

Фридрих Вильгельм I Гогенцоллерн (1688–1740) — король Пруссии (с 1713). — 260, 268, 269, 281, 295.

Фридрих Вильгельм (?–1711) — герцог Курляндский (с 1698). Муж дочери русского царя Ивана V Анны Ивановны, впоследствии российской императрицы. — 58.

Функ, Томас (1672–1713) — шведский офицер и дипломат, участник Северной войны. В 1710 г. приехал к Карлу XII в Бендеры, посланник в Константинополе. Участвовал в защите королевской резиденции в Бендерах. — 218, 219.

Фьервиль, де — маркиз, французский представитель при Карле XII. — 8, 239, 240, 242.

Хаджи Бешир-ага (1666–1746) — начальник черных евнухов при дворе турецкого султана (кизлыр-ага), фактический правитель двора при султанах Ахмеде III и Махмуде II. — 174.

Харлей, Роберт граф Оксфорд (1661–1724) — английский государственный и политический деятель, сторонник партии ви-

гов. Спикер Палаты Общин (1701), министр иностранных дел (1704–1708), глава правительства (1711–1714). Вместе с лордом Болингброком настоял на перемирии с Францией (1711), несмотря на противодействие герцога Мальборо. При восшествии на престол Георга I обвинен в государственных преступлениях и заключен в Тауэр, где пробыл около двух лет, после чего ему было возвращено пэрское достоинство. В дальнейшем отошел от дел. — 258.

Хорд, Карл Густав (1674–1744) — шведский генерал. Отличался отчаянной храбростью и был любим за это Карлом XII. Тяжело ранен под Полтавой и вторично при обороне королевской резиденции в Бендерах. С 1717 г. генерал-губернатор Скании. — 129, 161, 223, 227, 228.

Христиан II (1481–1559) — король Дании и Норвегии (1513–1523) и Швеции (1520–1523). В последний раз силой оружия восстановил датско-шведскую унию (1520). Был свергнут датским дворянством. — 15, 16.

Христиан III (1503–1559) — король Дании и Норвегии (с 1534). — 25.

Христиан Альбрехт — герцог Голштинский, брат датского короля Христиана III. — 25.

Христина Августа (1626–1689) — королева Швеции (1632–1654). Одна из образованнейших женщин своего времени. Покровительствовала ученым. Вела расточительный образ жизни, разорявший истощенную Тридцатилетней войной Швецию. Тайно перешла в католичество и отреклась от престола, после чего уехала за границу. Последние годы жизни жила в Риме. — 17, 18, 127.

Цезарь, Гай Юлий (102 или 100–44 до н. э.) — древнеримский государственный деятель, полководец и писатель. Завоеватель Галлии. С 45 г. фактически монарх. — 42, 301.

Черчилль, Джон герцог Мальборо (1650–1722) — выдающийся английский полководец и политический деятель. В 1688 г. способствовал воцарению Вильгельма III Оранского. При королеве Анне (с 1702), благодаря близости к ней его жены, играл большую роль в правительстве. С 1701 г. главнокомандующий

войсками на континенте, где во время войны за Испанское наследство одержал ряд решающих побед (при Гохштедте, 1704; Рамийи, 1706; Ауденарде, 1708; Мальплаке, 1709). В 1711 г. в связи с переменой правительства отстранен от командования и обвинен в растратах, после чего эмигрировал в Голландию и Германию. С воцарением Георга I (1714) вернулся в Англию. Обладал личной храбростью и пользовался популярностью в войсках. — 107, 122, 123, 124, 159, 258, 291, 309, 314.

Черчилль, Сарра герцогиня Мальборо (урожденная Дженнингс, 1660–1744) — жена герцога Мальборо. С детства была близкой подругой будущей королевы Анны, после вступления которой на престол значительно содействовала карьере своего мужа. — 124.

Чорлулу Дамад Али-паша (1669–1711) — великий визирь Турецкой Империи (1706–1710). — 171, 172, 175, 185, 206.

Шафиров, Петр Павлович (1669–1739) — барон, государственный деятель и дипломат. Родился в еврейской семье. С 1709 г. вице-канцлер. Заключил Прутский мирный договор с Турцией (1711). В 1723 г. обвинен в казнокрадстве и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой. Возвращен в 1725 г. и назначен президентом Коммерц-Коллегии. С 1730 г. посол в Тегеране, где заключил Рештский мирный договор (1732). С 1733 г. снова президент Коммерц-Коллегии. — 197, 213.

Шверин, Филипп Богислав (1687–1736?) — граф, шведский генерал. Находясь на прусской службе, участвовал в войне за Испанское наследство. Перешел в шведскую армию и принимал участие в Северной войне (кампания в Польше, оборона Штральзунда и Норвежская кампания). С 1727 г. на русской службе. Командовал войсками на Украине (1736). — 299.

Шереметев, Борис Петрович (1652–1719) — граф, военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал. В 1697–1699 гг. на дипломатической службе в Польше, Австрии, Италии и на Мальте. Участник Северной войны. В Нарвском сражении командовал дворянской конницей, в 1701–1705 гг. — войсками в Лифляндии, где одержал ряд побед над шведами. В Полтавском сраже-

нии командовал центром. В 1710 г. взял Ригу. Возглавлял главные силы армии в Прутском походе (1711). В 1715–1717 гг. командовал войсками в Померании и Мекленбурге. — 154, 183, 194, 196.

Шереметев, Михаил Борисович (1672–1741) — граф, генерал, сын Б. П. Шереметева. Принимал участие в заключении Прутского мира с Турцией (1711). В 1725–1726 гг. совершил удачный поход в Персию. — 154, 183, 194, 196, 213.

Шлиппенбах, Вольмар Антон (1650–1739) — шведский генерал. В начале Северной войны командовал войсками в Лифляндии и потерпел ряд поражений. Взят в плен в Полтавском сражении и в 1715 г. перешел на русскую службу. Был членом Военной коллегии и Верховного суда. — 152, 153, 181.

Штейнау, Адам Генрих (?—1712) — польский и саксонский генерал-фельдмаршал. До 1696 г. на баварской и венецианской службе. В начале Северной войны с выдающейся храбростью командовал войсками в сражениях под Ригой, при Клишове и Пултуске. В 1706 г. возвратился на венецианскую службу. — 58, 59, 60, 82.

Шуленбург, Маттиас Иоганн (1661–1747) — граф, фельдмаршал. Служил в брауншвейгской, савойской и саксонско-польской армиях. Во время Северной войны в битве под Клишовым командовал центром. С большим искусством совершил отступление в Саксонию, но был разбит шведами при Фрауенштадте. После Альтранштадтского мира (1706) служил в голландской и венецианской армиях. Отличился героической защитой о. Корфу от турок (1716). — 97, 98, 105, 106, 107.

Эренпрёйс*, Карл Дидрик (1692–1760) — шведский государственный и политический деятель. В 1712 г. послан в качестве копииста в Бендеры и участвовал там в защите королевской резиденции. Секретарь посольства в Константинополе (1714), находился в Штральзунде во время осады (1715). Впоследствии член Верховного суда, Государственного совета, канцлер Упсальского университета. — 224.

---

* У автора ошибочное написание: Empreus вместо Ehrenpreus.

Эреншельд, Нильс (1674–1728) — шведский адмирал. Потерпел поражение в битве при Гангуте от русского галерного флота (1714). — 262.

Юсуф-паша — великий визирь Турецкой Империи (1712–1713). — 206.

Юсуф-паша — турецкий государственный деятель. Бендерский сераскер. — 168, 242.

Ян II Казимир Ваза (1609–1672) — король Польши (1648–1668). — 141.

Ян III Собеский (1629–1696) — король Польши (с 1674). — 26, 69, 70, 86.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1732 г. 5

КНИГА ПЕРВАЯ. 11
Краткая история Швеции до Карла XII. Его воспитание; его враги. Характер царя Петра Алексеевича. Прелюбопытные сведения о сем государе и о русской нации. Московия, Польша и Дания объединяются противу Карла XII

КНИГА ВТОРАЯ 39
Удивительная и внезапная перемена в характере Карла. Он вступает в войну с Данией, Польшей и Московией. Победив московитов и датчан, Карл переходит в Польшу. Описание сего Королевства и образа его правления. Карл покоряет Польшу

КНИГА ТРЕТЬЯ 89
Станислав Лещинский избран королем Польши. Подвиги царя. Основание Петербурга. Битва при Фрауенштадте. Альтранштадтский мир

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ 131
Победоносный Карл покидает Саксонию и углубляется на Украину. Полтавская баталия. Карл принужден бежать в Турцию

КНИГА ПЯТАЯ 163
Состояние Оттоманской Порты. Карл в Бендерах. Август возвращается на трон, датский король нападает на Швецию. Прутская история

КНИГА ШЕСТАЯ 201
Интриги в Оттоманской Порте. Карла принуждают к отъезду. Он с сорока слугами защищается противу целой армии. Его пленение

КНИГА СЕДЬМАЯ 231
Турки перевозят Карла в Демирташ. Переворот в серале. Война в Померании. Карл возвращается в свои владения. Успехи Петра Великого

КНИГА ВОСЬМАЯ 265
Карл спасается из осажденного Штральзунда. Проекты примирения с царем и нападения на Англию. Карл убит при осаде Фредериксхалля в Норвегии

СМЕРТЬ КАРЛА XII 305

Послесловие переводчика 308

Комментированный указатель имен. 316

Вольтер

В71 История Карла XII, короля Швеции / Пер. с франц. Д. Соловьева. — СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-4453-0204-9

В контексте европейской культуры Вольтер — фигура бесспорная. Его все знают, но при этом мало читают. А зря. Радость встречи с умным, владеющим блестящим слогом автором не заменить никакими справками о нем в энциклопедических словарях.

Эта книга — романизированная биография знаменитого полководца, «героя» Полтавы, шведского короля Карла XII и его счастливого соперника Петра I. Рассказанная Вольтером история противостояния двух величайших монархов Европы начала XVIII века увлекает не только своим трагизмом, но и отменными стилистическими достоинствами. Именно эта книга принесла в свое время Вольтеру всеевропейскую известность.

УДК 82/88
ББК 84(4Фр)

Литературно-художественное издание

СЕРИЯ «ЛЕНИЗДАТ-КЛАССИКА»

Вольтер

ИСТОРИЯ КАРЛА XII, КОРОЛЯ ШВЕЦИИ

Ответственный редактор *Павел Крусанов*
Технический редактор *Сергей Малахов*
Верстка *Александра Савастени*
Корректоры *Мария Дылева,*
Елена Зверькова, Венера Волкова

Директор издательства *Максим Крютченко*

Подписано в печать 17.01.2013. Формат 75×100 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура CharterC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,3.
Тираж 3000 экз. Заказ 6632

ООО «Команда А» — обладатель товарного знака
ЛЕНИЗДАТ®

ООО «Команда А»
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н
Тел./факс (812) 331-50-02

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

ВОЛЬТЕР
ИСТОРИЯ КАРЛА XII, КОРОЛЯ ШВЕЦИИ

В контексте европейской культуры Вольтер — фигура бесспорная. Его все знают, но при этом мало читают. А зря. Радость встречи с умным, владеющим блестящим слогом автором не заменить никакими справками о нем в энциклопедических словарях. Эта книга — романизированная биография знаменитого полководца, «героя» Полтавы, шведского короля Карла XII и его счастливого соперника Петра I. Рассказанная Вольтером история противостояния двух величайших монархов Европы начала XVIII века увлекает не только своим трагизмом, но и отменными стилистическими достоинствами. Именно эта книга принесла в свое время Вольтеру всеевропейскую известность.

«Лениздат-классика» — лучшее из русской и мировой литературы

ЛЕНИЗДАТ

-1917-

«Лениздат» — одно из старейших российских издательств — был основан почти сто лет назад, в 1917 году. Именно в «Лениздате» появилась первая советская массовая серия «Народная библиотека», где выходили произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Горького и других крупнейших писателей. А в 80-е годы здесь печатались Зощенко, Шукшин, Платонов, Гранин.

Сегодня, сохраняя лучшие традиции российского книгоиздания, мы продолжаем знакомить читателя с книгами самых известных русских и зарубежных авторов, а также тех, чьи имена в последние годы были незаслуженно забыты.

ндуемая
9 руб.

9 "785445" 302049"